В этом номере

ПРОПАГАНДИСТ ИДЕЙ СОЦИАЛИЗМА, РЕВОЛЮЦИИ, АТЕИЗМА

К 150-летию со дня рождения Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

А. ВОЛОДИН

Книга, ставшая бессмертной

НОВЬ ОБРЯДА

Опыт, мнения, поиски

НАУКА И РЕЛИГИЯ

Ю. ПЕРОВ

РАССКАЗ об одной жизни

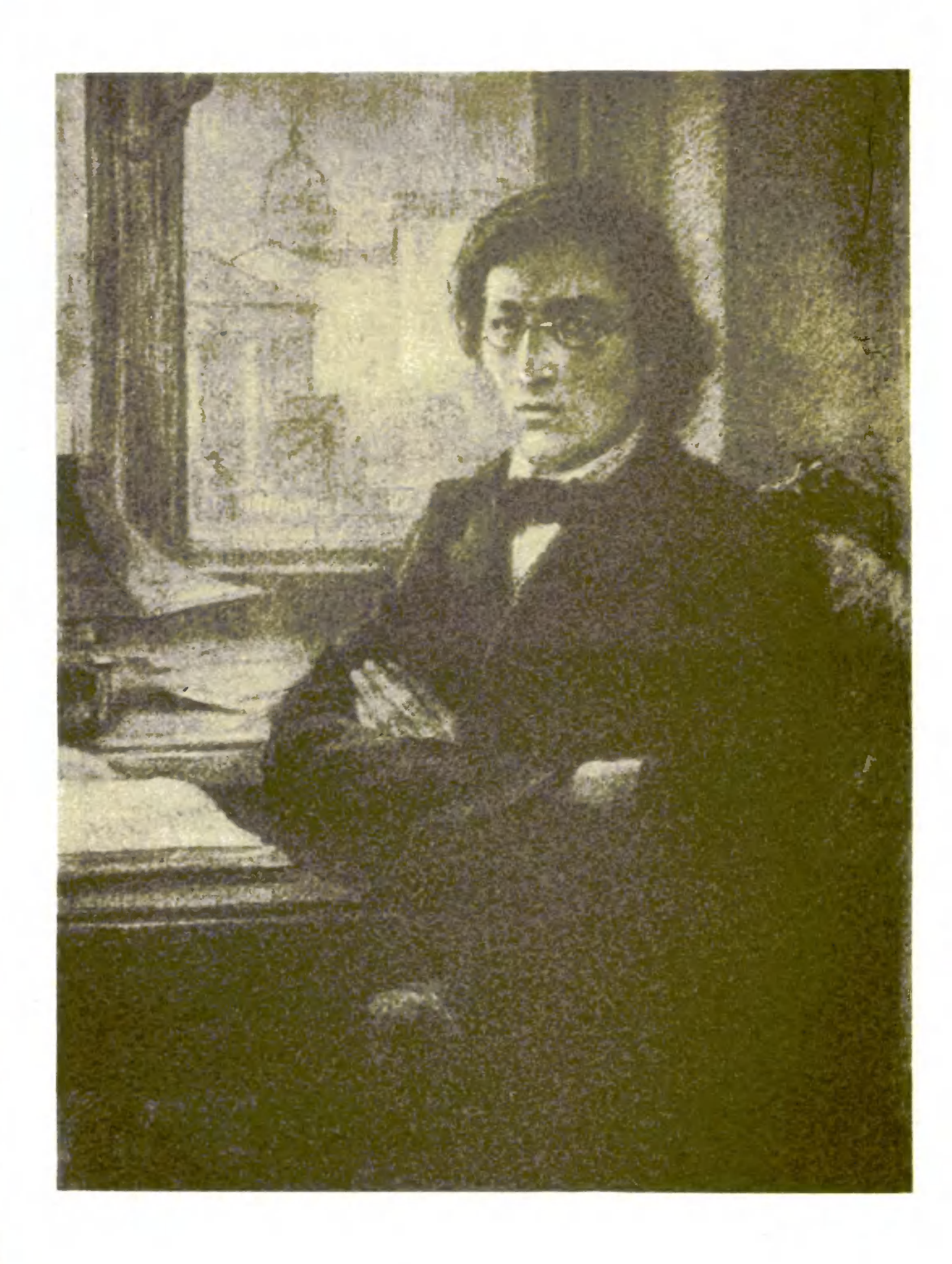
Н. КРЮКОВА

ХЛЕБ

Т. САМСОНОВА

ПОДВИГ Януша КОРЧАКА

7 • 1978

НАУКА И РЕЛИГИЯ 7·78

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ АТЕИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ОРДЕНА ЛЕНИНА ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА «ЗНАНИЕ»

Год издания девятнадцатый

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. С. ИВАНОВ (главный редактор),

А. В. БЕЛОВ,
М. М. ДАНИЛОВА,
Е. В. ДУБРОВСКИЙ (ответственный секретарь),
И. М. КИЧАНОВА,
Э. И. ЛИСАВЦЕВ,
Р. Р. МАВЛЮТОВ,
Б. М. МАРЬЯНОВ (зам. главного редактора),
М. Н. МАСЛИНА,
В. П. МАСЛИН,
М. П. НОВИКОВ,
А. Ф. ОКУЛОВ,
И. Д. ПАНЦХАВА,
И. К. ПАНТИН,
В. Е. РОЖНОВ,
В. Ф. ТЕНДРЯКОВ,
В. В. ШЕВЕЛЕВ.

Художественный редактор С. И. Мартемьянова.
Технический редактор С. В. Сегаль.
Корректор Р. Ю. Грошева.
Макет Р. Ф. Константиновой.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Рукописи и фото не возвращаются.

© *Журнал «Наука и религия», 1978.*

150 лет со дня рождения Н. Г. Чернышевского

НА НАШИХ ОБЛОЖКАХ

12 июля (24 по новому стилю) 1828 года в г. Саратове родился Николай Гаврилович Чернышевский. Сын священника и воспитанник духовной семинарии, он еще в юности расстался с религиозными иллюзиями, а затем стал убежденным атеистом. Отмечая знаменательную дату — 150-летие со дня рождения Н. Г. Чернышевского, редакция подготовила подборку материалов об этой стороне его идейного наследия. На второй странице нашей обложки — портрет Н. Г. Чернышевского (художник Ю. Казмичов), взятый из альбома «Чернышевский в Петербурге» (изд-во «Искусство», 1951).

На третьей странице обложки — известный советский ученый-селекционер, академик, дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии Василий Николаевич Ремесло. Его работы очень много дали для роста хлебного каравая страны. О трудах ученого по выведению новых сортов пшеницы читайте в номере.

150 лет со дня рождения Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Мы отмечаем 150-ю годовщину со дня рождения Николая Гавриловича Чернышевского. Дата знаменательная не только в истории общественной мысли и революционного движения нашей страны, но и в истории духовного и политического развития всего человечества.

Выдающийся публицист, философ, историк, экономист, Чернышевский был признанным вождем и вдохновителем всех демократических и революционных сил в России 50-х — 60-х годов прошлого века. Гневно разоблачая обманный, крепостнический характер «освобождения крестьян», он звал народ к восстанию, к революции, страстно верил, что через крестьянскую революцию Россия придет к социализму. Да, мы понимаем, что переход тогдашней России к социализму через полуфеодальную крестьянскую общину был невозможен, но мы не можем не восхищаться мужеством несгибаемого революционного борца, от каждого слова страстных призывов которого, по выражению Ленина, «веет духом классовой борьбы», — борца, не потерявшего силы духа ни в Петропавловской крепости, ни за годы 20-летней сибирской ссылки. Всю жизнь без остатка Чернышевский отдал революционному делу, самоотверженной борьбе за свободу трудового народа.

Чернышевский - философ — вершина всей домарксовской философской мысли. Материалист и диалектик, он ближе всех подошел к диалектическому и историческому материализму. Отмечая, что «Чернышевский не сумел, вернее: не мог, в силу отсталости русской жизни, подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса», Ленин, тем не менее, дал такую замечательную характеристику Чернышевскому-философу: он — «единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50-х годов вплоть до 88-го года остаться на уровне цельного философского материализма...». А Энгельс, выражая сожаление, что ссыльный Чернышевский был отгорожен от мира интеллектуальным барьером и не знал произведений Маркса, писал: «Поэтому, если в отдельных случаях мы и находим у него слабые места, ограниченность кругозора, то приходится только удивляться, что подобных случаев не было гораздо больше».

Чернышевский вписал яркую страницу и в историю русской художественной литературы — прежде всего своим романом «Что делать?». «...Пусть укажут нам хоть одно из самых замечательных, истинно художественных произведений русской литературы, которое по своему влиянию на нравственное и умственное развитие страны могло бы поспорить с романом «Что делать?». Никто не укажет такого произведения...» — эта оценка Г. В. Плеханова дает наглядное представление о том, чем был для российских революционеров роман «Что делать?». Не одно их поколение воспитывалось на этой книге. Это революционизирующее воздействие испытал на себе и Ленин. «Он меня всего глубоко перепахал... Это вещь, которая дает заряд на всю жизнь», — вспоминал он о романе Чернышевского.

Естественно, что великий мыслитель не мог пройти и мимо проблем религии. Сын священника, воспитанник духовной семинарии, Чернышевский еще в юности расстался с религиозными иллюзиями, а затем стал убежденным атеистом, борцом против религии, в которой он видел идеологическую и политическую опору царизма, средство духовного порабощения и угнетения народа. Именно этой стороне идейного наследия Чернышевского и посвящены статьи, которые мы публикуем к 150-летию со дня его рождения.

Памятник Н. Г. Чернышевскому в г. Саратове.

Мне хотелось бы напечатать что-нибудь о жизни, личности и т. д. Чернышевского, чтобы вызвать к нему симпатию на Западе.

К. МАРКС

...Великий мыслитель, которому Россия обязана бесконечно многим.

Ф. ЭНГЕЛЬС

...Чернышевский был... революционным демократом, он умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей.

В. И. ЛЕНИН

„НЕ ХОЧУ ВЕРИТЬ, ЧТОБ БЫЛ БОГ"

А. ДЕМЧЕНКО, кандидат филологических наук

■ Слова, давшие название очерку, произнесены были Николаем Гавриловичем Чернышевским в августе 1850 года, на пороге самостоятельной жизни. Только что окончен Петербургский университет, и 22-летний кандидат русской словесности подводил итоги своим идейным исканиям. В ту пору он был уже близок к тому, чтобы порвать с религией навсегда и обрести в материалистической философии основу миросозерцания, стать мыслителем, о котором В. И. Ленин впоследствии скажет: «Чернышевский был материалистом и смеялся до конца дней своих (т. е. до 80-х годов XIX века) над уступочками идеализму и мистике»[1].

Преодоление религиозных взглядов сыном священника, с детских лет впитавшим их, протекало сложно, противоречиво, с огромным душевным напряжением. Попытаемся выявить основные вехи этого трудного пути...

«Бога люби паче всего»

К тому времени, когда родился Николай Чернышевский, его отец Гаврила Иванович занимал видное положение среди саратовского духовенства: протоиерей одной из самых крупных церквей — Сергиевской, учитель и инспектор местного духовного училища, благочинный, то есть посредник между архиерейской властью и священниками города. Вскоре он был назначен еще и членом консистории — высшего органа церковной власти в епархии. В свои 35 лет он получил самые высокие и почетные посты, какие доступны были провинциальному священнику. Оставалась лишь должность кафедрального протоиерея, но и она ждала его в будущем.

Но не лестью или подобострастием, не взяточничеством или каким-либо иным неблаговидным путем достиг он всего этого. Глубокая порядочность, честность, искренность — вот качества, единодушно признаваемые всеми, кто знал его. Сын дьякона небогатого села, затерянного на просторах Пензенской губернии, он рано познал нужду и постоянную социальную приниженность и зависимость — удел бедных служителей церкви. Его дед, прадед и прапрадед прошли той же жизненной стезей, не порывая — из-за нужды — с крестьянским трудом. «Опытным пахарем» называл отца Н. Г. Чернышевский.

С первых дней службы в Саратове, куда Гаврила Иванович приехал по окончании Пензенской духовной семинарии, он обратил на себя внимание как человек глубоко религиозный и бескорыстно преданный алтарю. В течение первых десяти лет, отмеченных успешным продвижением по ступеням церковной иерархии, Гаврила Иванович зарекомендовал себя человеком высоких нравственных правил. Он был совершенно чужд кичливости и чиновного чванства, был чуток, внимателен, добр и приветлив. «Человек умный, добрый, — писал об отце Н. Г. Чернышевский, — отрекся от всего для пользы ближних, неутомим в заботе о них».

Он не только никогда не брал взяток, но и преследовал лихоимство. Бесчисленные поборы были особенно распространены в консисторской среде. «Всем поперек горла стал Попов, секретарь консистории, — рассказывал впоследствии один из близких знакомых Г. И. Чернышевского, — взятку, бывало, возьмет да и просит Г. И. подписать бумагу. Г. И. и говорит: «Это не так, другое не так, третье не эдак». Тот, бывало, сказывали консисторские-то, поднимет хвост и уйдет не солоно хлебавши и сердится на Г. И. «Мешает, — говорит, — дело делать». А какое дело? Взятку взял, а Г. И. и видит это (от него не укроешься), да и велит решить дело по совести да по справедливости».

Одним словом, в годы детства, отрочества и юности Николай Чернышевский имел перед собою в лице своего отца образец искренне и глубоко верующего человека и священнослужителя — нравственного, доброго, отзывчивого. И поэтому чисто человеческая, житейская антипатия, отвращение к конкретным носителям аморализма, лицемерия, алчности, невежества в среде служителей церкви и наиболее рьяных ее приверженцев не могли стать (как это нередко бывало) первым толчком к последующему разрыву с религией.

Религиозной стороне в воспитании Николая Чернышевского в детские годы отводилась определяющая роль. Современники вспоминали, что «отец, идя в церковь, обыкновенно брал с собою и сына и ставил его в алтарь». До поступления в духовную семинарию мальчик «не пропустил ни одной божественной службы...». «Бога люби паче всего», «Веруй во Евангелие», «Господь дает разум» — таковы были первые из составленных отцом прописей, с которых семилетний Николай начал изучение родного языка. «Чаще всех других деловых, общественных... слов, — прочтем мы в автобиографических заметках Н. Г. Чернышевского, — слышались мною в детстве»: архиерей, Сергиевская церковь, священник, консистория, обедня, заутреня, вечерня, антиминс, дарохранительница, ризы, камилавка, наперсный крест[2].

Статья написана А. А. Демченко по материалам его книги «Н. Г. Чернышевский. Научная биография. Часть первая», выходящей в этом году в издательстве Саратовского университета.

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 335.

Отец и другие близкие целеустремленно воспитывали в Николае Чернышевском желание, подобно его предкам, посвятить жизнь православной церкви.

«Я очень рано привык понимать характер жизни»

При всей своей набожности, Гаврила Иванович не был, однако, религиозным фанатиком, не ограничивал любознательность сына лишь религиозным воспитанием и обучением, и было бы ошибочно представлять его только молящимся, выстаивающим многочасовые службы в храме. Николай не чуждался мальчишеских игр. Сын современницы Н. Г. Чернышевского И. Я. Славин писал с ее слов: «У матери моей остался в памяти от детства рыжий, бойкий, озорной Коля Чернышевский...»

По воспоминаниям Н. Г. Чернышевского, рассказы бабушки Пелагеи Ивановны Голубевой о старине были в его детские годы «почти единственным материалом сколько - нибудь фантастического содержания», но даже в них не заключалось ничего неправдоподобного или противоречащего «законам здравого смысла». И эти рассказы по-своему воспитывали мальчика в духе старых семейных традиций, по которым служение богу соединялось с естественными заботами практической жизни. Пересказывая бабушкины истории, Н. Г. Чернышевский настойчиво подчеркивал, что предки его были «простые люди», некоторые же «сделались мужиками», крестьянствовали. Близость к народу определяла их жизненный уклад, их мораль. В бесхитростных и правдивых рассказах Пелагеи Ивановны предки представали перед ее внуком людьми стойкими, храбрыми, «умными, честными, энергическими», хотя и небогатыми. «Священник, — писал Чернышевский, — это был особенного разряда нищий; нищий — почетного разряда; нищий, живущий, вообще говоря, не в голоде и холоде; или и вовсе не бедно. Но нищий».

В семье, писал Николай Гаврилович, преобладал «скромный и рассудительный порядок жизни». Праздность и тунеядство привилегированных слоев общества здесь осуждались, обездоленность трудящихся находила горячее сочувствие.

В такой семейной обстановке рос и воспитывался Н. Г. Чернышевский. Разговоры о церкви, религии носили как бы заземленный характер. Приходилось постоянно зоботиться о ремонте церковного здания, немало терпеть от «осла-фанатика» — епископа. Подобный взгляд на «духовное», не противореча религиозности, не отвлекал верующего от земных забот. Именно такой «характер жизни» Н. Г. Чернышевский, по его признанию, привык понимать «очень рано».

«Лучше всего не поступать бы никуда, прямо в университет»

В семилетнем возрасте Николай под наблюдением отца начал готовиться к поступлению в духовное училище. Чтение, письмо, изучение латыни чередовались с детскими играми и забавами. Шестилетний срок обучения мальчик освоил дома, появляясь перед преподавателями только во время экзаменов. Гаврила Иванович старался уберечь единственного сына от тягостной обстановки казенной школы с ее теснотой и грязью, грубыми учителями, не расстающимися с розгами, схоластической системой обучения. Он хорошо понимал, что незаурядные способности сына, сразу обратившие на себя внимание, могут быть развиты только при особом к ним отношении и поддержке. Опытный учитель, Гаврила Иванович умело организовал занятия, поощряя интерес своего сына к овладению древними и иностранными языками и чтению.

По тогдашним правилам, протоиерей и благочинный Чернышевский еще мог получить разрешение обучать сына первые шесть лет в домашних условиях, но духовную семинарию Николай обязан был посещать ежедневно. Избежать столкновения с казенным учебным заведением и всех последствий этого столкновения было невозможно.

Большинство сочинений Чернышевского-семинариста посвящено религиозно-нравственным вопросам. Исследователь этих текстов В. Е. Евграфов справедливо заключал, что в ранний период развития Н. Г. Чернышевский «не был, да, при сложившихся тогда для него обстоятельствах, и не мог быть материалистом... Его воззрение на природу было тогда вполне религиозно-философское, хотя некоторые из семинарских сочинений свидетельствуют о живом интересе их автора к научному естествознанию»[3].

В сочинении «Самые счастливые природные дарования имеют нужду в образовании себя науками» (1842 г.) юный автор выразил глубокое убеждение в могуществе науки, способной содействовать прежде всего задачам нравственного воспитания. Подобные рассуждения содержатся и в сочинении «О следствиях книгопечатания» (1843 г.). Науки теперь доступны каждому, рассуждал семинарист, и этим типографии принесли «неоценимую доселе пользу». В сочинении «Образование человечества зависит от образования молодого поколения» (1845 г.) Николай Чернышевский призывал к тому, чтобы молодежь правильно, разумно распорядилась неисчерпаемыми сокровищами науки; тем самым она окажет «величайшее влияние и на будущие успехи человечества на пути образования».

Семинарский быт ежедневно питал критические настроения. Особо возмутительными были постоянные преследования учеников семинарии со стороны ее инспектора Тихона, следившего за каждым шагом, каждым поступком своих подопечных.

В феврале 1844 года Николай Чернышевский писал своему

[2] Антиминс — плат с изображением положения во гроб Христа, его расстилают на престоле во время богослужения; дарохранительница — ковчег, в котором хранятся «святые дары» в алтаре; камилавка — черная монашеская шапочка.
[3] В. Е. Евграфов. О новонайденных текстах Н. Г. Чернышевского. Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XVI. М., 1953, стр. XXXVII.

родственнику в Петербург: «Разумеется, скучно в семинарии... Уж если разобрать только, то лучше всего не поступать бы никуда, прямо в университет... Об учениках уже и говорить нечего: в класс не пришел — к архиерею. Но и между собою перекусались... Дрязги семинарские превосходят все описание. Час от часу все хуже, глубже и пакостнее...» Постепенно в сознании его вызревала и укреплялась мысль оставить карьеру богослова и «светила церкви», которую прочили одаренному юноше преподаватели семинарии, и посвятить жизнь науке, точнее — филологическим исследованиям, к которым его побуждал преподаватель семинарии Г. С. Саблуков.

Своеобразным катализатором этих раздумий послужили два события, которые случились в 1843 году.

В августе академическое духовное правление удовлетворило просьбу Г. С. Саблукова об увольнении из духовного звания в светское. Это не было разрывом с религией: Саблуков попрежнему оставался верующим человеком. Уходом из духовного сословия он освобождал время для научных занятий — главного дела жизни. Добровольный отказ любимого учителя от церковной карьеры ради науки произвел глубокое впечатление на семинариста Чернышевского.

В ноябре отец Чернышевского был уволен из консистории за неправильную запись в метрических книгах ребенка, появившегося на свет через месяц после брака и по церковным законам считавшегося незаконнорожденным. Наказание было, конечно, несоразмерно строгое, явно незаслуженное. Со слов современников известно, что Гаврила Иванович стал жертвой некоего Рыжкина, подстрекаемого родственниками из числа консисторских чиновников. Впоследствии Рыжкин повинился перед протоиереем. Чиновники консистории, в первую очередь секретарь-взяточник, были рады отставке человека, мешавшего им мошенничать. «История изумительная, — писал об этом впоследствии Н. Г. Чернышевский, — хорошо, если можно будет рассказать ее».

И менее чем через месяц после этих событий Николай Чернышевский в одном из писем описывал «семинарские дрязги» и рассказывал о характере и содержании вступительных экзаменов в университет. Таким образом, уже в январе — феврале 1844 года в семье Чернышевских вопрос о жизненном пути Николая был решен окончательно — университет, а не духовная академия. В декабре следующего года он подал прошение об увольнении из семинарии и в 1846 году стал студентом философского факультета по отделению общей словесности.

«Спасителями, примирителями должны мы явиться и в мире науки и веры»

Оставив семинарию и вместе с нею карьеру служителя церкви, Николай Чернышевский поначалу отнюдь не отказывается от религии как основы мировоззрения. Мысли о науке, литературные вкусы, отношения с товарищами — все пропитано пока еще дорогими его сердцу идеями христианского учения.

Гимном науке можно назвать его письмо А. Н. Пыпину от 30 августа 1846 года. Он воспроизвел отрывок из поэмы А. Майкова «Две судьбы», в котором его привлекла «жаркая, пламенная любовь к отечеству и науке». Говоря о «любви к науке для науки, а не для аттестата», Николай Чернышевский вслед за поэтом тревожится по поводу отсталости России в сравнении с Западом. Спасителями Европы стали русские, преградив путь монголам и разгромив наполеоновские полчища, «спасителями, примирителями должны мы явиться и в мире науки и веры. Нет, поклянемся, или к чему клятва? Разве богу нужны слова, а не воля?.. Содействовать славе не преходящей, а вечной своего отечества и благу человечества— что может быть выше и вожделеннее этого? Попросим у бога, чтобы он судил нам этот жребий».

Религиозными мотивами окрашены и комментарии к прочитанным художественным произведениям. В одном из писем в Саратов в том же 1846 году он сообщает, что продолжил начатое еще в отчем доме чтение романа Эжена Сю «Вечный жид» и намерен прочитать другой его роман — «Мартин Найденыш». Новая книга знаменитого романиста должна быть, по его мнению, выше предыдущих сочинений, ибо не только изображает в сочувственных тонах бедствия французского крестьянства, но и указывает на «средства помочь» ему. Закосневших во зле людей дóлжно обращать к добру мирными, кроткими средствами, формулирует он в письме взгляды писателя и с восторгом добавляет: «удивительный, благородный и, что всего реже, в истинно христианском духе любви написанный роман».

«Держусь старого, более по силе привычки»

Контрасты окружающей жизни были слишком разительны и не могли не обращать на себя внимание. Тяжелое положение угнетенного народа, живущего в невежестве и нищете, заставляло думать и думать о «средствах помочь» ему. Становилось ясно, что нравственное преображение богатых, упорствовавших ранее в нежелании сблизиться с бедняками и тружениками, совершалось только в романах, но не в жизни. В науке Чернышевский видит теперь единственное средство понять законы социального развития и с головой погружается в изучение философских, исторических и политико-экономических трудов лучших европейских ученых. Дневник, который он заводит с начала третьего курса, запечатлел сложнейшее развитие ищущей истину мысли, с научной тщательностью подвергающей анализу штудируемые теории. Оживление политической жизни на Западе, приведшее в некоторых странах к революциям и вызвавшее появление новой научной и публицистической литературы, приводит Чернышевского к мысли о необходимости постоянного сопоставления западных общественных

движений с положением в России. Республиканские лозунги о свободе и братстве воспринимаются им как передовые политические требования материального и нравственного улучшения жизни простого народа.

Догматы христианской религии входят в противоречие с его новыми политическими увлечениями, и он чувствует необходимость пересмотреть прежние верования. 2 августа 1848 года он записывает в дневнике ход размышлений о богословии, о христианстве: «Ничего не могу сказать положительно, кажется, в сущности держусь старого, более по силе привычки, но как-то мало оно клеится с моими другими понятиями и взглядами и поэтому редко вспоминается, и мало, чрезвычайно мало действует на жизнь и ум. Занимает мысль, что должно всем этим заниматься хорошенько. Тревоги нет...» Для него «заняться хорошенько» — значит подвергнуть тщательному теоретическому разбору, и тут ему приходит мысль, подсказывающая компромиссное решение. Платон, например, под словом «религия», конечно, «разумел совокупность нравственных убеждений, совести, естественную религию».

Итак, Чернышевский уже готов изменить «старое», «привычное» содержание понятия «религия», но еще далек от того, чтобы вовсе отречься от этого понятия. Идея «усовершенствования» христианства не дает ему покоя. 25 сентября он записывает в дневнике, что вера в божественное достоинство Христа соединяется с мыслью об изменении устарелой формы христианства, сущность которого («главная мысль христианства есть любовь») должна оставаться неизменной... В записи 9 ноября читаем: «Помолился, однако, холодно».

Сомнения в истинности существующих православных форм христианства в известной мере подрывали весь строй религиозных понятий, но сознание Чер-

Продолжение на стр. 8

НА РОДИНЕ ПИСАТЕЛЯ

Я родился в Саратове, губернском городе на Волге, 12 июля 1828 года. До 14 лет я учился в отцовском доме. В 1842 году поступил в низшее отделение (риторический класс) Саратовской духовной семинарии...

Н. Г. Чернышевский

Саратовцы по праву гордятся тем, что их город известен как родина великого русского революционного демократа. Многие места Саратова напоминают нам о славном сыне России. Прежде всего, это дом, в котором родился и жил молодой Чернышевский. Многие важные события его личной жизни связаны с родительским домом. Здесь он начал обучаться письму, чтению, языкам, слушал рассказы о жестокости помещиков и народных защитниках — Степане Разине, Емельяне Пугачеве. В этом доме он готовился к поступлению в Петербургский университет. Здесь жил после возвращения из столицы, будучи преподавателем гимназии.

На усадьбе, кроме здания Дома-музея, находится дом Пыпиных и флигель Ольги Сократовны Чернышевской. Дом Пыпиных ранее принадлежал священнику Голубеву, деду Чернышевского по материнской линии. Николай Гаврилович часто бывал здесь в детские и молодые годы, а также в последние месяцы жизни. Флигель, по рассказам О. С. Чернышевской, принадлежал ее няне и находился на усадьбе отца — саратовского врача Сократа Евгеньевича Васильева. Ольга Сократовна жила здесь в 1881—1883 годах... Н. Г. Чернышевский познакомился со своей будущей женой в Саратове в 1853 году. «У нее такой именно характер, какой нужен для моего счастья и радости», — записал он в дневнике. Любовь и уважение к своей жене Николай Гаврилович пронес через всю жизнь.

Как сын священника Николай Гаврилович должен был получить образование в духовных учебных заведениях, чтобы стать потом священником в одной из церквей. Духовное училище занимало два этажа большого трехэтажного дома на Старо-Соборной (ныне Музейной) площади. На втором этаже располагались классы духовной семинарии. Н. Г. Чернышевский учился здесь в 1842—1846 годах. Семинария внушала отвращение талантливому юноше. Не окончив курса, он подал прошение об увольнении, мечтая поступить в Петербургский университет. Ныне в здании бывшей духовной семинарии помещается школа № 25 имени Н. Г. Чернышевского.

В эти годы Николай Гаврилович часто бывал в общежитии семинарии (ныне — областной музей краеведения, ул. Лермонтова, 34), навещая своего друга Михаила Левицкого. Память семинарского товарища Чернышевский увековечил в романе «Пролог», дав главному герою романа фамилию Левицкий.

С апреля 1851 года Чернышевский начал преподавать словесность в Саратовской гимназии. Молодой учитель внес в обстановку реакционной официальной школы дух новых демократических идей, передовые методы обучения. «С его приездом, — вспоминает гимназист М. Воронов, — началось веяние нового духа». Ольге Сократовне Николай Гаврилович признавался, что говорит в классе такие вещи, «которые пахнут каторгою». На здании бывшей гимназии (ул. Некрасова, 17) установлена мемориальная доска.

Н. Г. Чернышевский любил родной город. Уехав в Петербург, он не порывал связи с Саратовом и саратовцами. В письме от 3 июля 1855 года он писал отцу из Петербурга: «...Как и всегда, как и каждый час, я буду мыслями в Саратове, которого, можно сказать, никогда не оставляли они». В родной город Чернышевский вернулся почти три десятилетия спустя. Позади остались годы напряженной работы в «Современнике», заточения в Петропавловской крепости, годы каторги и ссылки. Родительский дом сдавался внаем, и поэтому Чернышевские сняли квартиру в доме, принадлежавшем почтовому чиновнику А. М. Никольскому. Здесь прошли последние месяцы жизни Николая Гавриловича. Ныне этого дома не существует. На фасаде здания, построенного на его месте (ул. Коммунарная, 22), мемориальная доска: «Здесь находился дом, в котором умер 29. X. 1889 года Н. Г. Чернышевский».

Советские люди любовно хранят память о великом демократе. В 1939 году на его могиле был воздвигнут монументальный памятник (архитектор М. В. Крестин). Под аркой на белой плите высечены слова: «Я хорошо служил своей родине и имею право на признательность ее».

К 125-летней годовщине со дня рождения Чернышевского, 26 июля 1953 года, на площади его имени открыт памятник, выполненный лауреатом Ленинской премии А. П. Кибальниковым и архитектором Н. П. Гришиным.

Именем Чернышевского назван Саратовский государственный университет, о создании которого революционный демократ страстно мечтал и при-

ложил немало сил, чтобы ускорить его открытие. 19 декабря 1921 года университет, первоначально названный Николаевским, получил имя другого Николая — великого русского мыслителя и революционера.

Имя знаменитого саратовца присвоено улице, на которой он родился и вырос, школе № 25, театру оперы и балета, двум колхозам и совхозу в Саратовской области.

Г. МУРЕНИНА,
директор Государственного Дома-музея Н. Г. Чернышевского

Дом-музей Н. Г. Чернышевского.

«Синяя гостиная» в доме Чернышевских.

Театр оперы и балета имени Н. Г. Чернышевского.

Фото Г. Киселевой.

Бюст Н. Г. Чернышевского перед учебными корпусами университета, носящего его имя.

Внизу. Ученическое сочинение Н. Г. Чернышевского, написанное им в годы обучения в Саратовской духовной семинарии.

Внизу. Здание общежития бывшей духовной семинарии, в котором ныне помещается краеведческий музей.

нышевского еще не подготовлено к разрыву с этими понятиями. И даже энергичному А. В. Ханыкову, петрашевцу, знакомство с которым сильно продвинуло Чернышевского на пути к политической зрелости, не удалось достичь видимых успехов в попытке поколебать его веру в бога. Он — с Ханыковым, когда тот обрушивался на современный государственный строй, заботившийся об «эгоистическом распределении богатств» среди «привилегированных групп». Но отрицание религии вызывало решительное возражение и как бы в противовес этим воинственным выпадам религиозное чувство у Чернышевского вспыхивает на некоторое время с новой силой. «Так благ, так мил душе своею личностью, благой и любящей человечество, — пишет он об Иисусе Христе 10 декабря, — и так вливает в душу мир, когда подумаешь о нем». В христианской идее жертвенности Чернышевский видит возможность соединения несоединимого — религиозных взглядов со взглядами политическими, которые все более и более развиваются в сторону непримиримой радикальности и революционности. Так, вслед за словами о Христе он тут же пишет по поводу прочитанного в газете известия о смерти венского революционера: «В сущности я нисколько не подорожу жизнью для торжества своих убеждений, для торжества свободы, равенства, братства и довольства, уничтожения нищеты и порока, если бы только был убежден, что мои убеждения справедливы и восторжествуют».

«Веры весьма мало»

Прочитав весной 1849 года «Сущность христианства» Людвига Фейербаха, эту настольную книгу петрашевцев и всех русских материалистов, Чернышевский не сразу, не вдруг стал сторонником нового философского учения. Сочинение немецкого философа-материалиста с первых страниц привлекло «своим благородством, прямотой, откровенностью, резкостью». Автор — «человек недюжинный, с убеждениями», — записывает Чернышевский в дневнике 4 марта 1849 года. Мысль о том, что человек воображает бога по собственным понятиям о себе, показалась ему приемлемой. «Но что ж это доказывает? Только то, что человек все вообще представляет как себя, а что бог, решительно так, отдельное лицо». Продолжив чтение через несколько дней, Чернышевский пишет, что «не стал соглашаться» с Фейербахом с той страницы, где тот стал говорить о значении божественного слова, тайны создания из ничего и т. д. Утром 12 марта снова «стал читать Фейербаха и должен сказать — не слишком с большим вниманием и охотою, а более как бы по обязанности». 13 марта книга прочитана, и поскольку к этому краткому сообщению не прибавлено ни слова, нужно думать, что несогласие с Фейербахом осталось.

Продолжая размышлять над прочитанным, он в июле того же года пишет, что не может ответить на вопрос, убежден ли в существовании «личного бога» или принимает его «как пантеисты, или Гегель, или лучше — Фейербах». Сомневаясь в прежних «старых» представлениях о религии, Чернышевский, как видно, приходит к некоторому признанию гегелевской философии, которая теперь выступала союзником в отрицании «старых» религиозных догм. Но он отрицает политические убеждения Гегеля, «раба настоящего положения вещей, настоящего устройства общества».

Подобные политические настроения, солидарные с революционными убеждениями, вели к отказу от мысли о первичности нравственного самосовершенствования по отношению к материальному положению людей. Уже кажется наивной мысль, будто «мир более нуждается в освобождении от нравственного ига и предрассудков, чем от материального труда и нужд». Наоборот, только облегчением материальной стороны жизни можно обеспечить развитие «сердца, нравственности, ума».

Беседуя со своим другом и однокурсником В. П. Лободовским о возможности революции в России, Чернышевский уже критически воспринимает его главный тезис, согласно которому роль политического руководителя в революционном движении может быть сравнима с ролью мессии, христианского избавителя. Не совершил же Иисус Христос освободительной миссии; «бог, который может освободить человека от физических нужд, должен был раньше это сделать, а не проповедовать нравственность и любовь, не давши средств освободиться от того, что делает невозможным освобождение от порока, невежества, преступления и эгоизма».

Плоды размышлений над книгой Фейербаха давали себя знать все больше и больше.

Но не только над нею, разумеется. В конце 1849 года, когда Чернышевский причислил себя, хотя и с оговорками, к «последователям Фейербаха», он начинает посещать кружок И. И. Введенского, по составу участников и направлению близкий к петрашевцам. Там закрепил и завершил он философское и литературное образование, пройдя школу идей Белинского и Герцена. Под влиянием статей Белинского он изменил отношение к романам не так давно превозносимого им Э. Сю. Былые панегирики по адресу романиста сменяются скептической характеристикой: «преувеличения и мелодраматические сцены, как всегда у него».

В этом кружке Чернышевский ощутил идейную преемственность с деятельностью Белинского и Герцена, о которых он через несколько лет скажет в рецензии на книгу поэта Н. Огарева, друга Герцена: многие из нас «знают, что если они могут теперь сделать шаг вперед, то благодаря тому только, что дорога проложена и очищена для них борьбою их предшественников, и больше, нежели кто-нибудь, почтут деятельность своих учителей».

Переходу на идейные позиции Белинского и Герцена сопутствовала напряженнейшая внутренняя борьба. Религиозные убеждения еще продолжали корениться в его сознании и вносили в новую систему взглядов непос-

ледовательность, противоречивость. В кружке Введенского, где постоянно «говорят против религии», Чернышевский, по его признанию, поддерживал эти разговоры лишь по «слабости характера». И все же он вынужден отметить в дневнике, что «веры весьма мало». Антирелигиозные разговоры, опирающиеся на авторитетные суждения Белинского и Герцена, конечно, не проходили для него бесследно, и как ни старался он отделить вопросы религиозные от особо интересовавших его вопросов «политико-социальных», он вынужден был признать тесную связь между ними — связь, ведущую к атеизму.

В августе 1850 года, встретившись в Москве со знакомыми, он уже готов был обратить их «в веру Жорж Занда и Гейне («мы дадим тебе рай на земле») и Фейербаха» и говорил им: «Не хочу верить, чтоб был бог, когда мы видим, что так несчастны самые лучшие между нами».

Огромное значение для духовного развития Чернышевского имело знаменитое письмо Белинского к Гоголю. В кружке Введенского письмо это было хорошо известным документом, и Чернышевский мог здесь познакомиться с этим манифестом передовой мысли тех лет. Года два назад атеистические высказывания Белинского воспринимались им критически. Теперь же они становились мощным аргументом в пользу новой идеологии, все решительнее овладевавшей его сознанием.

Чтение «Сущности христианства» Фейербаха положило начало глубоким раздумьям, которые лишь осенью 1850 года завершились принятием материализма и атеизма. 15 сентября в дневнике появилась знаменательная запись: «Скептицизм в деле религии развился у меня до того, что я почти совершенно от души предан учению Фейербаха». Чернышевский пришел к осознанию несовместимости науки и религии. Завершился процесс вызревания основных черт революционно-демократической идеологии, явившейся впоследствии необходимым звеном в восприятии идей марксизма русскими мыслителями и революционерами.

г. Саратов

ВОИНСТВУЮЩИЙ МАТЕРИАЛИСТ И КРИТИК РЕЛИГИИ

Г. ВАСЕЦКИЙ, доктор философских наук,

В. ПЛЕХОВ, кандидат философских наук

Характеризуя свое мировоззрение, Николай Гаврилович Чернышевский относил себя к тем ученым, которые неуклонно держатся научной точки зрения: «Я принадлежу к тем мыслителям, которые атеисты»[1]. Он неоднократно повторял: «Я человек неверующий» (X, 536, 537).

Резко разграничивая материалистическое и идеалистическое направления в философии, Чернышевский указывал, с одной стороны, на линию Левкиппа — Демокрита — Спинозы — Гольбаха — Фейербаха, с другой — на линию Сократа — Платона — Беркли — Канта — Шеллинга — Гегеля. Революционный демократ, он по праву считал себя сторонником материалистического направления и видел свою задачу в том, чтобы популяризировать учения философов-материалистов. «Я с первой молодости был твердым приверженцем того строго научного направления, первыми представителями которого были Левкипп, Демокрит и т. д.» (XIV, 650).

В идеалистической философии Чернышевский видел обоснование и прикрытие религии. Органическая связь идеализма с религией была убедительно показана им на примере немецких идеалистических систем: «При всем различии в своих принципах и выводах, все немецкие философские системы сходятся в том, что ни одна из них не имеет враждебности против христианства, какою отличались системы некоторых английских и французских философов» (IV, 207). Аргументированной критике подверг он немецкого идеалиста-агностика Канта, который принижал знание, чтобы очистить место вере. Хитросплетения кантовской философии, писал Чернышевский, придуманы для того, «чтобы отстоять свободу воли, бессмертие души, существование бога, промысел божий о благе людей на земле и о вечном блаженстве их в будущей жизни, — чтобы отстоять эти дорогие сердцу его убеждения от — кого? — собственно, от Дидро и его друзей; вот о чем думал Кант» (XV, 198).

Опровергая религиозные догмы о двойственной природе человека, Чернышевский исходил из данных науки, которые доказывали, что человек есть часть природы и имеет единую натуру, что «выработанной естественными науками идеей о единстве человеческого организма; наблюдениями физиологов, зоологов, медиков отстранена всякая мысль о дуализме человека. Философия видит в нем то, что видят медицина, физиология, химия» (VII, 240).

Религиозно-мистическая концепция, признающая сверхъестественные силы, бессмертие души и т. п., противоречила, по его мнению, всем выводам и фактическим данным естественных наук. В воспоминаниях историка Н. И. Костомарова приведено высказывание Чернышевского: «Бессмертие души есть вредная мечта, удерживающая человека от прямого пути главнейшей цели жизни — улучшения собственного быта на земле. Нас манят какими-то фантастическими, ни для кого не понятными надеждами вечного блаженства за гробом и заставляют ради него терпеть на земле всякую неправду и страшиться противостать против зла»[2]. Человек является частью органической природы, ее высшим продуктом, он — ка-

[1] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. X. 1951, стр. 522. Далее сноски по этому изданию будут даны в тексте статьи с указанием тома и страницы.

[2] «Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников», т. I. Саратов, 1953, стр. 158.

чественно более высокая ступень в развитии природы, а это в свою очередь предполагает, что в человеке нельзя найти что-либо сверхприродное, сверхъестественное. В человеке взаимодействуют явления так называемого материального порядка (человек ест, ходит) и явления так называемого нравственного порядка (человек думает, чувствует, желает). Эти два порядка явлений не противоречат единству натуры человека.

Одна из любимых тем в религиозных проповедях — рассуждения о том, что происходит с «душой» после смерти тела. А «куда девается пламя, носящееся над светильнею горящей свечи, когда мы гасим свечу?» — спрашивал Чернышевский. Когда гаснет свеча, прекращается процесс горения, исчезает и сопровождающее его пламя. Как с прекращением пламени перестают существовать его качества, так с прекращением жизни исчезают свойства живой материи, в том числе психика (VII, 263).

Так, шаг за шагом приводил он читателя к выводу о несостоятельности религиозно-идеалистических взглядов на природу человека, на сущность сознания человека, на сущность так называемой «души».

Чернышевский выражал глубокую уверенность в том, что «со временем человек вполне подчинит себе внешнюю природу, насколько будет это ему нужно, переделает все на земле сообразно с своими потребностями, отвратит или обуздает все невыгодные для себя проявления сил внешней природы, воспользуется до чрезвычайной степени всеми теми силами ее, которые могут служить ему в пользу» (V, 609).

Опровергая религиозно-фаталистические взгляды и учения, Чернышевский противопоставлял им материалистическое положение о безграничных возможностях познания человеком природы, ее сил и законов, о беспредельных возможностях преобразования природы в интересах людей. Он понимал реакционную роль религиозно-фаталистических взглядов, ясно видел, что они обрекают людей на пассивность и бездействие, отвлекают трудящихся от активной борьбы за изменение условий их жизни, за революционно - демократические преобразования общественно-политических порядков, служат только реакционным общественным силам, заинтересованным в сохранении эксплуататорских порядков. Он вплотную подошел к правильному пониманию социальной роли религиозных организаций и священнослужителей как идеологического орудия в руках правящих классов и государства. «Духовное сословие, как духовное сословие, проповедовало и действовало, сознательно или бессознательно, в интересах действительной власти, а эта власть — светская власть — покровительствовала такому учению и сословию пастырей, заботившемуся о его распространении, усилении, поддержании» (X, 451).

Подчеркивая, что на разных этапах развития классового общества священнослужители выступали в союзе с поработителями трудящихся, Чернышевский в то же время не упускал из виду и те случаи, когда отдельные представители духовенства примыкали к освободительной борьбе. «Духовные пастыри, — писал он, — иногда становились... проповедниками национальной борьбы против иноземцев, — что же делать, они были люди и увлекались иногда мотивами, противоположными характеру их звания... Но это были временные и местные уклонения» (X, 451).

Объясняя происхождение взглядов людей на «судьбу», стоящую якобы над человеком и предопределяющую его жизненный путь, мыслитель утверждал, что первобытные люди не понимали действительных причин стихийных бедствий, не умели еще, из-за ограниченности своих знаний, использовать природные явления и законы в собственных интересах. Они поэтому признавали существование таинственных, сверхъестественных могущественных сил, от действия которых зависят удача, несчастья, жизнь и смерть людей. Очеловечивая природу и все ее стихии, первобытный человек одухотворял силу случая, создавая, в конечном итоге, понятие о всесильной судьбе.

Доказывая необходимость последовательной и непримиримой борьбы с религиозными учениями, религиозной моралью, Чернышевский считал одной из важных задач атеистов изобличение сознательных лицемеров, обманщиков из лагеря священнослужителей, тех, кто сам не верит в религиозные догмы, но пропагандирует их, преследуя классовые и личные корыстные цели. Но, кроме сознательных лицемеров и обманщиков, среди духовенства имелось, по утверждению Чернышевского, немало и таких, которые сами верили в то, что проповедовали. Они «обманывали других, потому что обманывались сами, и, таким образом, вместо истины, или вместе с частицей истины, распространяли в большом количестве ложь и неправду, которая соблазняла и губила многих, так как она противоречила основным началам здравого смысла. Поэтому их никак нельзя назвать «безвредными»: они стесняли человеческий разум и колебали его доверение к своим силам» (X, 482). Противодействие влиянию таких священнослужителей было делом более трудным и требовало особого подхода.

Решительно выступал Чернышевский против устоев религиозной морали, которая призывала к непротивлению злу, к смирению и покорности, к отказу от борьбы трудящихся за улучшение своего положения. Он ясно видел, что религиозная мораль приносит огромный вред угнетенным, подрывает их уверенность в своих силах, в возможность добиться освобождения от поработителей.

Религия, по словам Чернышевского, породила столько страданий, что нет им ни числа, ни меры. Много ярких страниц посвятил Чернышевский разоблачению католического вероисповедания — одного из основных устоев феодального строя, реакционных, монархических порядков в западноевропейских странах. Монашеский орден иезуитов и другие религиозные ордена, отмечал он, приносили и приносят громадный вред революционно-освободительным движениям трудящихся, являясь паразитическим наростом на общественном теле. Чтобы уничтожить этот нарост, нужно ликвидировать главное зло — причины, порождающие эксплуатацию.

Развивая и конкретизируя прогрессивные идеи своих отечественных предшественников — Бе-

линского и Герцена, он последовательно вскрывал неразрывную связь православия с самодержавием. В период революционной ситуации 1859—1861 годов журнал «Современник» собрал вокруг себя выдающихся деятелей прогрессивной России. Возглавляя когорту революционеров, Чернышевский организовал публикацию на страницах «Современника» многих философских и атеистических произведений своих соратников и последователей. 5 декабря 1861 года цензурный комитет указывал, что «статьи «Современника» по-прежнему в религиозном отношении лишены всякого христианского значения, в законодательном — противоположны настоящему устройству, в философском — полны грубого материализма, в политическом — одобряют революции, отвергают даже умеренный либерализм»[3].

Само собой разумеется, что в условиях самодержавной России открыто вести в печати борьбу против православной религии Чернышевскому было очень трудно. Цензура, как известно, запрещала даже упоминать имя замечательного немецкого материалиста и атеиста Л. Фейербаха, который оказал большое влияние на формирование мировоззрения Чернышевского. Критикуя религию, революционные демократы прибегали к уловкам, обманывавшим бдительность цензоров. Так, Чернышевский раскрывал реакционную сущность религии на примере католицизма, показывал корни суеверий, ссылаясь на язычество, разоблачал духовенство на примере иезуитов, нередко слово «религия» заменял «фантазией» и т. п. Но главные стрелы его критики при этом были направлены на православие и на религиозное мировоззрение в целом.

Это разглядели защитники царизма и религии. Реакционные публицисты — Юркевич, Катков и другие — подняли в монархической и церковной печати настоящую кампанию против материалиста, против журнала «Современник». Чернышевский с достоинством отвечал на нападки, язвительно высмеивал неуклюжие попытки реакционеров «опровергнуть» положения материализма. Обращаясь к читателям, он писал в одной из статей: «Как вы смотрите на ученых, держащихся алхимического или кабалистического учения, так я смотрю на школу, к которой принадлежит г. Юркевич» (VII, 762).

Митрополит Филарет обратился к министру внутренних дел со специальным письмом, в котором жаловался на то, что противохристианские и противоправительственные мысли и учения особенно сильно распространяются бесцензурной и цензурной литературой в молодом поколении и проникают в низшие слои общества. Митрополит прямо указывал, откуда идут столь опасные идеи, ссылаясь на «Современник» и — в особенности — на опубликованную на его страницах работу Чернышевского «Антропологический принцип в философии». Свое письмо этот рясоносный сановник заканчивал просьбой репрессивными «законами» и «правительственными мерами» остановить «пагубное влияние» Чернышевского и его последователей, оградить от разрушения религиозно-нравственные устои.

Подобное же суждение о деятельности Чернышевского высказывал и министр внутренних дел П. А. Валуев, который в одном из писем отмечал: «Журналы «Современник» и «Русское слово» подверглись временному запрещению вследствие замеченного в них систематического вредного направления и постоянных усилий к распространению вредных противурелигиозных и противуправительственных теорий»[4].

«Правительственные меры» не замедлили последовать. Чернышевский был арестован и заключен в крепость. По приговору царского суда мыслитель-материалист был осужден на вечную каторгу. Одним из «преступлений» Чернышевского, о которых говорилось в приговоре, было участие его в «Современнике» — журнале, где развивались материалистические и атеистические идеи.

Ни унизительный обряд «гражданской казни», которому был подвергнут Чернышевский, ни долгие годы каторги и ссылки не сломили духа мыслителя, не поколебали его убеждений. Все эти годы он продолжал работать, писал книги, статьи, письма и всюду, где это было возможно, проводил идеи революционной демократии, поднимал на щит идеи материализма и атеизма.

В понимании сущности религии, ее реакционной социальной роли и необходимости борьбы с нею Чернышевский поднялся выше всех домарксистских материалистов. В специфических условиях России того времени его взгляды способствовали развертыванию русского революционно-освободительного движения, помогали росту передовой отечественной науки. Материалистические и атеистические идеи Чернышевского осветили путь блестящей плеяде русских естествоиспытателей второй половины XIX века. И. М. Сеченов, Д. И. Менделеев, И. И. Мечников, К. А. Тимирязев, И. П. Павлов и многие другие передовые ученые, чьи имена составляют гордость нашего отечества и всего прогрессивного человечества, называли себя «шестидесятниками», питомцами той эпохи, которая прошла под знаком могучего влияния Чернышевского.

Удары, которые нанес религиозно-идеалистическому мировоззрению великий философ-материалист и атеист, были настолько серьезны, что буржуазные философы и теологи и ныне не могут их забыть. Об этом свидетельствуют многочисленные и самые разнообразные писания тех реакционеров, которые специализируются на фальсификации русской общественно-политической и философско-атеистической мысли. И хотя он не дал и не мог дать строго научного объяснения причин и особенностей возникновения религии, ее социальных и гносеологических корней, раскрыть полностью классовый характер этой антинаучной идеологии, этой особой формы общественного сознания, семена, посеянные им и другими революционными демократами, не пропали даром. Революционная пропаганда Чернышевского и его сторонников, их последовательная борьба против религии и идеализма содействовали подготовке российской общественности к восприятию великих идей научного коммунизма.

[3] Цит. по журн. «Звезда», 1939, № 12, стр. 169.

[4] Цит. по кн.: Н. М. Чернышевская. Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского. М., 1953, стр. 259.

150 лет со дня рождения Н. Г. Чернышевского

КРИТЕРИИ НРАВСТВЕННОГО ВЫБОРА

Г. ВОДОЛАЗОВ,
кандидат философских наук

ДЛЯ СЕБЯ ИЛИ ДЛЯ ДРУГИХ?

◆ Человеку свойственно задумываться над общим смыслом того, что он непосредственно делает, над тем, какое место занимает (или должно занимать) его дело в жизни общества, человечества, человеческой истории. И довольно часто размышления эти начинаются с самого общего и внешне простого вопроса: жить — для себя или для других (для общества, человечества и т. п.)? Непритязательно формулируемая, но весьма серьезная нравственная проблема.

«А какая, собственно, здесь проблема? — удивится иной любитель прописных истин. — Неужели кто-нибудь (кроме разве закоренелых эгоистов) скажет: «Для себя»? Подавляющее большинство, не задумываясь, ответит: «Конечно, для человечества». Даже учащиеся старых гимназий, когда им предлагали сочинения на соответствующую тему, все как один отвечали: «Не для себя, для человечества». Конечно, оговорится наш оппонент, не все живут в соответствии с этим решением. Но это уже другой вопрос — чисто практический. С точки же зрения идеала, теории — все тут предельно ясно. Конечно, человек должен стремиться жить не для себя.

Но вот как раз против этой, как будто бы предельно ясной, «теории», против этого, казалось бы очевидного, идеала и выступили в свое время, как это ни покажется странным, такие, по всеобщему признанию, безукоризненные в нравственном отношении люди, как Чернышевский, Добролюбов, Писарев, Засулич...

Что же не устраивало их в этом, так благородно звучащем, девизе?

В статье о романе Тургенева «Накануне» Добролюбов просит читателя приглядеться к одному из героев романа — Берсеневу. Берсенев — как раз один из тех, кто «готов отказаться от личного счастья в пользу родины, свободы, справедливости». Но, замечает Добролюбов, он похож в этой своей готовности «на великодушную девушку, которая для спасения отца решается на ненавистный брак. С затаенной болью и тяжкой покорностью судьбе ждет она дня свадьбы, и рада была бы, если б что-нибудь ей помешало».

Хорош же нравственный принцип — если столь гнетущим образом действует он на человека! Такой человек, заключал Добролюбов, «не сумеет и не посмеет определить себя на широкую и смелую деятельность, на вольную борьбу».

Писарев присматривается к другому литературному герою — Щетинину, из «Трудного времени» Слепцова. Этот тоже в юности все «не для себя, а для человечества» собирался жить и даже при случае погибнуть намеревался. Но и для него «работа на человечество» — вроде работы на барщине — хоть и «нужный», но «тяжелый» труд, быстро приводящий человека к усталости и разочарованию. А тут к тому же под рукой всегда вполне сносное оправдание имеется: и дела веков поправлять нелегко, и сил у него, Щетинина, одного маловато, чтобы «человечество подвинуть», да и человечество это еще не доросло до того, чтобы быть способным понимать щетининых и принимать их благодеяния. Поэтому и кончает слепцовский Щетинин тем, что, продолжая говорить (правда, все реже и все более вялым языком) фразы о «человечестве», начинает «вить гнезда» для своих детей, «ругаясь с мужиком из-за каждой копейки».

А вот тип из жизни — печально знаменитый народник Сергей Нечаев, которого близко знала В. И. Засулич. Он — «революционер», «человек Дела». И он, действительно, не щадит себя ради Дела. Но не щадит он не только себя. Для него все люди — «лишь средство или орудие для выполнения и достижения» конечных целей революционного дела. Поэтому, согласно Нечаеву, «для возбуждения энергии необходимо объяснить им (людям) сущность дела в превратном виде», «дозволительно и даже простительно их обманывать, компрометировать, обкрадывать и, по нужде, даже губить их» (что Нечаев и продемонстрировал, убив «в интересах Дела», студента Иванова, желавшего быть сознательным участником революционной борьбы, человека, отказавшегося следовать иезуитским предписаниям нечаевского устава). Там, где людей, подчеркивала В. И. Засулич, вспоминая о Нечаеве, рассматривают как ничтожную, не имеющую значения величину, как «средство», там не может идти речь о «благе человечества». «Не для себя» оборачивается здесь «не для людей», «жертва» становится «жертвой людьми», а «Дело», которому таким образом пытаются служить, становится антигуманистическим, реакционным делом, какими бы возвышенными словами ни пытались характеризовать его нечаевы. Ибо эти, претендующие быть социалистическими, революционеры всецело остаются на почве буржуазной морали, разделяющей людей на руководящее, всезнающее и всеопределяющее меньшинство и на инертное, лишенное права голоса, обесчеловеченное стадо большинства.

Вот такими, казалось бы, неожиданными, парадоксальными и весьма печальными результатами могла оборачиваться и действительно сплошь и рядом оборачивалась на деле эта благородная, так красиво звучавшая формула «жить для других». Против внутренней фальши, заложенной в категоризме формулы «не для себя», и выступили публицисты школы Чернышевского.

МОРАЛЬ «НОВЫХ ЛЮДЕЙ»

В своей программной статье «Антропологический принцип в философии» Чернышевский в качестве исходной и бесспорной истины констатирует: «Человек любит прежде всего сам себя». И далее: «В основе» всех его поступков, даже по видимости бескорыстных, «лежит та же мысль о собственной личной пользе, личном удовольствии, личном благе, лежит чувство, называемое **эгоизмом**».

Это теория.

А вот практика. Вот как рассуждают любимые герои Чернышевского. Вера Павловна, познакомившись с Кирсановым, спрашивает его, очень ли он любит Лопухова.

— Я? Я никого, кроме себя, не люблю, Вера Павловна.

— И его не любите?

— Жили — не ссорились и того довольно.

— И он вас не любил?

— Не замечал что-то. Впрочем, спросим у него. Ты любил ли меня, Дмитрий?

— Особенной ненависти к тебе не имел.

Плеханов, приведя в своей статье об этике Чернышевского этот разговор, замечает: «Кирсанов «никого, кроме себя», не любит, а Лопухов ограничивается тем, что не чувствует к своему лучшему другу «особенной ненависти». Как видите, они **эгоисты** до конца ногтей».

Ситуация возникала, в самом деле, несколько странная. Чернышевский, уходящий на каторгу, Писарев, просидевший лучшие годы своей сознательной жизни в Петропавловке, Добролюбов, сжигающий себя в журнальной борьбе,— «эгоисты до конца ногтей». А вот благоденствующий и бандитствующий редактор «Русского вестника» Катков (этот «цепной пес самодержавия», как сам он себя аттестовал), продажные писаки из лагеря Победоносцева и Суворина — эти «не для себя...».

Уж не было ли тут со стороны публицистов «Современника» и «Русского слова» простого розыгрыша доверчивой публики, рассчитанного на то, чтобы, сбив ее с толку, потом над ней же и посмеяться? Как же совместить в самом деле: с одной стороны, сами жизни свои отдают за общественные интересы, приобретая «для себя» лишь тюрьмы и

Теория «разумного эгоизма» Чернышевского и ее исторические судьбы

каторги, а с другой — их нравственная формула вроде бы вполне годится для идейного оправдания жизненной позиции как раз самых отъявленных корыстолюбцев и стяжателей, которые, «по Чернышевскому и Писареву», «никого, кроме себя, не любят» и вовсю «для себя» тянут отовсюду, откуда только можно тянуть?

Нет, никого эти публицисты не пытались разыгрывать и ни над кем не намеревались смеяться. Кажущаяся же странность и двусмысленность их позиции, ее не поддающееся «совмещению» противоречие — все это оказывается простым обманом зрения, стоит только с должной внимательностью и добросовестностью вдуматься в смысл того, что они говорили.

Попробуем же быть внимательными и добросовестными.

Во-первых, никакого отпущения грехов корыстолюбцам и стяжателям формула Чернышевского, Добролюбова, Писарева не содержит; никакой двусмысленности на этот счет в ней нет.

«Для себя...» — да, действительно, с этого начинается их нравственное кредо. Но, во-первых, с этого оно только **начинается**, дальнейшее же наполнение этой формулы как раз прямо обращено против тех, кто хотел бы набивать свои сундуки под портретом Чернышевского. И во-вторых, «для себя»— штука сложная, ибо вопрос упирается здесь в то: а что такое есть «ты» и, следовательно, что, собственно, значит это «для себя». При разъяснении этой стороны дела тоже появляется много весьма любопытных и неожиданных для поверхностно читающего глаза следствий. Одно дело, если «ты» — «большой желудок», и другое — если «ты» — «развитая, нравственная голова» или «трудовые, умные руки». Конкретная форма реализации этого «для себя», конкретная форма проявления «эгоизма» в первом и во втором случаях будет разная. Это будут существенно разные формы «эгоизма», что и подчеркнуто в знаменитой формуле Чернышевского определением, которое он дает отстаиваемому с таким жаром эгоизму,— **разумный** эгоизм.

Об этом — в полном соответствии с идеями Чернышевского — очень хорошо пишет Писарев, характеризуя отличие эгоизма «новых людей» из романа Чернышевского «Что делать?» от эгоизма людей «старого закала».

«Если человек старого закала, — читаем мы, — занимается медицинскою практикою, то его эгоизм выражается в том, что он старается сделать в день как можно больше визитов и приобрести как можно больше зелененьких и синеньких бумажек»; тем самым эти люди, по существу, «эксплуатируют своих пациентов».

«Новый человек занимается медициною не иначе, как по страстному влечению... для него деньги составляют только средство, которым он поддерживает свою жизнь, чтобы иметь возможность отдавать эту жизнь труду».

Да, и тот, и другой — **эгоисты**, то есть люди, страстно стремящиеся удовлетворить свои потребности, неустанно преследующие **свои** личные цели. Но и цели их деятельности, и направленность их страстей, и способ удовлетворения потребностей — все тут разное. Эгоизм первых — это эгоизм, идущий «вразрез с интересами всех остальных людей»; «такой эгоизм лишает их всякого человеческого образа и превращает их в цивилизованных людоедов, которые гораздо отвратительнее людоедов-дикарей».

Эгоизм «нового человека», видящего в труде **цель** (а не средство для получения «зелененьких и синеньких»), «совпадает с интересами всех остальных трудящихся людей». «Перед постелью больного он является мыслителем, разрешающим научный вопрос. Ему хочется не обобрать пациента, а вылечить его, потому что вылечить — значит разрешить задачу; пациенту также хочется, чтобы его не обобрали, а вылечили; таким образом, интересы медика и интересы больного сливаются между собою, и эксплуатации не существует». «Для себя» и «для других» здесь, таким образом, сливаются воедино; вот почему «доктор нового закала может самым бессовестным образом предаваться своему эгоистическому влечению, и ему за это скажут спасибо и пациенты, и их родственники, и общественное мнение всех сограждан».

Чтобы отличить этот возвышенно-прекрасный тип человеческого «эгоизма» от эгоизма стяжательского, животного, публицисты школы Чернышевского, следуя давней философской традиции, и назвали его «разумным эгоизмом». Из статьи в статью они доказывали, что настоящий, глубоко личный («эгоистический») интерес всякого нормального человека состоит не в том, чтобы, обжираясь, стяжательствуя, жить за счет других, а — в труде, в деятельности на «общую пользу» людей. Только такая деятельность может принести человеку физическое, умственное и нравственное удовлетворение, то есть счастье.

Писарев: «В жизни новых людей не существует разногласия между влечением и нравственным долгом, между эгоизмом и человеколюбием».

Добролюбов: Инсаров «потому-то и стремится к свободе родины, что в этом видит **свое** счастье» (а не внешнюю, обязанность по отношению к другим).

Такова, следовательно, вторая часть формулы «разумного эгоизма»: прожить «для себя» вы сможете по-настоящему только тогда, когда будете жить для людей. Такова глубоко гуманистическая основа «разумного эгоизма».

Но если так, если «разумный эгоизм» кончает «служением человечеству», почему же такой вой поднимали его противники — те, которые жили «не для себя»? И во-вторых: стоит ли, раскрывая суть «разумного эгоизма», делать такой акцент на этом «для себя», не употребляют ли «новые люди» это выражение просто как некую гиперболу, как некий привлекающий внимание читателя парадокс, как выражение, которое не имеет какой-либо значительной смысловой нагрузки и которое поэтому, особенно при обращении к современному читателю (тем более молодому), вполне безболезненно можно сократить, оставив лишь вторую часть формулы — «для людей».

Однако ни преувеличений, ни парадоксов в формуле «разумного эгоизма» нет, и смысловая нагрузка на этом «для себя» — огромная. И вот в чем она состоит.

Во-первых, не следует забывать, что нравственное требование «жить не для себя, а для других», «для отечества», «общества», с которым реакционные деятели обращались к народу, реально означало не что иное, как требование жить не «для себя», а для... **них**, для стоящего наверху общественной лестницы привилегированного меньшинства, ибо «отечество», «государство» были **их** собственностью. Вот почему, когда революционные демократы обращались к людям с лозунгом, начинавшимся с «для себя», они взрывали лицемерие двойной морали, существующей во всяком антагонистическом обществе. В их «для себя» уже ясно просвечивает: для **своего** социального слоя, для **своего** класса, для трудящихся и мыслящих пролетариев. И это перерастание внешне эгоцентрического лозунга в лозунг социальной борьбы с миром угнетения ясно раскрывалось в статьях революционных демократов. Вот не оставлявшее на сей счет никаких сомнений высказывание Писарева:

«Опираясь на свой любимый труд, выгодный для них самих и полезный для других, новые люди устраивают свою жизнь так, что их личные интересы ни в чем не противоречат действительным интересам общества... Когда вы трудитесь, то ваши интересы совпадают с интересами всех остальных трудящихся людей; вы сами — работник, и все работники — ваши естественные друзья, а все эксплуататоры — ваши естественные враги...»

Вот этот-то ясно выраженный демо-

кратизм «разумного эгоизма» (с несомненной революционной окраской) и бесил реакцию, вызывал истерику у либералов.

Кроме того, «для себя» разумного эгоизма было лозунгом атеизма, нанесившим сокрушительный удар религиозной морали с ее лицемерными увещеваниями не заботиться о себе в этом мире, с ее пафосом умерщвления природных и социальных потребностей человека. Не случайно Киевская духовная академия отрядила одного из своих вождей — Памфила Юркевича дать решительный бой идеям статьи Чернышевского «Антропологический принцип в философии», не случайно бросились славить выступление Юркевича реакционный «Русский вестник» Каткова и либеральные «Отечественные записки» Краевского — Дудышкина, особенно выделяя ту мысль религиозного проповедника, что Чернышевский будто бы своей теорией «уничтожил нравственную личность человека и допускает только эгоистические побуждения животного». Разумеется, ответ Чернышевского не замедлил последовать — в знаменитой статье «Полемические красоты». И после него Юркевич вкупе с Катковым и Дудышкиным надолго стали посмешищем для прогрессивной русской общественности.

Наконец, из формулы «разумного эгоизма» следовало, что деятельность по преобразованию общественных отношений есть право и долг, **личное** дело каждого человека. «Разумный эгоизм» развеивал также реакционно-романтический миф, будто революционной деятельностью могут заниматься лишь какие-то особо выдающиеся люди с редко встречающимися качествами (с какой-нибудь сверхъестественной самоотверженностью, невероятной волей, с особенной силой характера и т. д.). Теоретики «разумного эгоизма» доказали, как дважды два четыре, что быть революционером означает быть просто нормальным во всех отношениях человеком — не более того. Тем самым они переводили дело общественного преобразования из плана борьбы отдельных, «выдающихся» личностей в план нормального, естественного, доступного всем дела, не противоречащего, а целиком согласующегося **с личным** интересом **каждого.**

Чернышевский и его последователи дали своей теорией «разумного эгоизма» юношам и девушкам 60—70-х годов XIX века твердые и ясно обоснованные **критерии** нравственного выбора. И это были очень высокие и весьма совершенные для своего времени критерии. Разумный эгоизм говорил: следуйте во всем только своей собственной правильно понятой человеческой природе, простому и естественному правилу: для себя — значит для других. Не жертвенничество выставляйте в качестве идеала, а стремление к счастью, стремление к труду, любимому и интересному; проникнитесь сознанием, что ваше счастье, ваше занятие любимым трудом возможно только в дружном союзе свободных и равных трудящихся людей.

Прекрасный принцип! Вооруженные им, лучшие молодые люди той далекой эпохи уверенно, с радостью и гордостью выбирали рахметовско-инсаровскую дорогу. Всей своей жизнью, всем своим духовным обликом люди эти опровергали один из самых расхожих и живучих религиозных «доводов», который, заметим кстати, и по сей день то и дело встречаем мы в проповедях защитников религиозного мировоззрения. Согласно этому «доводу», вера в бога и, следовательно, в неотвратимое загробное возмездие за грехи и преступления есть необходимейшая предпосылка высоконравственной жизни, чистоты душевной, ибо в противном случае — «если бога нет, то все дозволено»... «Новые люди», герои романа Чернышевского «Что делать?» и прототипы их — революционные демократы 60-х годов прошлого века — соединили в себе последовательные атеистические убеждения с безупречной нравственностью, абсолютной честностью, со страстным порывом отдать всего себя героическому служению народному благу, высшим идеалам общественного развития.

Но сыграв великую историческую роль, определив выбор жизненного пути целому поколению молодых борцов, принцип «разумного эгоизма» выявил в деятельности этого поколения (и только в ней это могло случиться) и свою исторически обусловленную теоретическую и практическую ограниченность. Практика молодого поколения 60—70-х годов обнаружила его исторические пределы, остро выявила необходимость снятия его исторической ограниченности, перехода от принципа «разумного эгоизма» к иным, более глубоким и исторически выверенным нравственным критериям.

Одной из тех, кто испытал на себе все благотворное влияние теории «разумного эгоизма» и кто на своем собственном опыте почувствовал ее историческую ограниченность, попытался ее преодолеть, как раз и была ревностная ученица и последовательница Чернышевского — Вера Ивановна Засулич.

ВЕРШИНЫ И ЯМЫ «РАЗУМНОГО ЭГОИЗМА»

Как-то в Плехановском Доме в Ленинграде — отделе рукописей библиотеки имени Салтыкова-Щедрина, листая тетрадку из архива В. И. Засулич с ее конспектами различных научных работ, я неожиданно натолкнулся на две дневниковые записи за 1883 и 1885 годы — «Откровенные речи», написанные быстрой и нервной рукой не любившей откровенничать Веры Ивановны. Она вспоминает то нравственное настроение, с которым она вступила на путь революционной деятельности. Нравственное кредо народников, позиция «разумного эгоизма» с удивительной яркостью обрисованы на этих страничках. Там вы не найдете высокопарных рассуждений о желании служить «светлому будущему», о тяжести своего выбора и т. п. Засулич прямо пишет, что разговоры этого рода она «находила смешными, а в большом количестве противными». Что же ее «увлекало в революции»? В первую очередь **«отвращение** к несправедливой погоне за материальными благами среди нетрудящихся классов».

Это очень характерно: «увлекает в революцию» не абстрактная, вычитанная из книг идея, а пронизывающее все существо человека глубоко личное чувство — ОТВРАЩЕНИЕ. Такой человек уже не сможет спокойно вить теплые гнезда детям. Он просто физически, нравственно, как угодно не может жить в мире, к которому испытывает ОТВРАЩЕНИЕ. И потому борьба с этим миром для такого человека — не обуза, не тяжкий труд и тяжелый долг, а радость, деятельность по любви. И эта любовь буквально светится в словах, звучащих так необычно для всяких берсеневых и щетининых: «Выбирать (революционные) дела я могла только «по красоте», опасности (тоже элемент красоты), по симпатичности товарищей по делу». Она ни в чем себя не насилует. Какое же это насилие: из мира подлости, трусости, карьеризма и предательства она вступает в мир Красоты, в мир высокого Товарищества. Вот это и значит «для себя». Но как и у всякого «разумного эгоиста», это «для себя», эти представления о «привлекательных, красивых делах» связаны у Засулич с мыслью о служении людям, общему делу. **Личное** счастье связывается с борьбой против общественной **несправедливости.**

Теория «разумного эгоизма», таким образом, сделала свое доброе дело: она помогла девушке из провинциальной дворянской семьи подняться к высокой и благородной деятельности — к борьбе против общественной несправедливости.

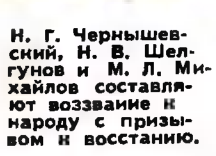
Но вот что касается дальнейших вопросов: как именно бороться, как конкретно победить «несправедливость», как сделать мир достойным человека,— об этом теория «разумного эгоизма» говорила как-то менее внятно. Например, Писарев, которым зачитывалась Вера Ивановна, полагал, что «вовсе не трудно устроить», чтобы личные интересы не противоречили «действительным интересам общества», — «стоит только полюбить полезный труд». «Если ваш труд обеспечивает вас и доставляет вам высокие наслаждения, то вам нет надобности обирать других людей; ни прямо, ни косвенно, ни посредством воровства-мошенничества, ни посредством... эксплуатации». Итак, стоит **всем** заняться трудом (и к тому же — любимым) — и эксплуатации придет конец. Ну, положим, миллионы трудящихся готовы выполнить совет «разумного эгоизма» (да они, собственно, и так заняты трудом, а если — не «любимым», так то не их вина). Но вот как заставить эксплуататоров отказаться от нетрудового богатства и заняться трудом?

«Разумный эгоизм» видел в эксплуатации результат исторических ошибок, невежества, пагубных страстей, глупости и т. д., которые загрязнили, исказили гуманистическую, альтруистическую «природу человека». И потому-то сторонники этой теории и пробовали очищать человеческую природу от загрязнений с помощью «просвещения» и личного примера трудовой, самоотверженной деятельности. Но чрезвычайно быстро выяснилось, что найти в разлагающейся социальной системе «любимое» дело, в котором бы личное и общественное органически сочетались, — вещь почти несбыточная. Выяснилось, что в антагонистическом обществе всякий «полезный», «с любовью совершаемый» труд часто прямо или косвенно служит упрочению господствующего строя.

Художник Юрий Матвеевич Казмичов воссоздал на основе исторических фактов главные моменты деятельности Н. Г. Чернышевского в наиболее плодотворный и значительный период его жизни — годы жизни в Петербурге. Некоторые рисунки тематического цикла «Чернышевский в Петербурге» воспроизведены на этой странице.

Н. Г. Чернышевский за работой.

Н. Г. Чернышевский, Н. В. Шелгунов и М. Л. Михайлов составляют воззвание к народу с призывом к восстанию.

Н. Г. Чернышевский произносит речь на похоронах Н. А. Добролюбова.

Гражданская казнь Н. Г. Чернышевского на Мытнинской площади в Петербурге.

Н. Г. Чернышевский во дворе Петропавловской крепости перед отправлением в Сибирь.

Передовые люди ясно осознали, что в этих условиях наиболее полное слияние личного и общественного интересов может происходить только тогда, когда деятельность человека приобретает революционный характер. Народническая молодежь 70-х годов стала поголовно революционной. И вот теперь она попробовала очищать «человеческую природу», уничтожая наиболее злостных угнетателей, дабы создать условия для прихода к власти высоконравственных людей. Кравчинский убивает Мезенцева, Засулич стреляет в Трепова, Перовская с товарищами убивает царя... И что же? На место одного мерзавца приходит другой — и только. Стоит ли из-за прибавления одной палочки в имени царя Александра (на смену Александру II пришел Александр III) губить цвет русских революционеров? — вот над чем с тоской и душевной тревогой задумались народники после всех своих «удачных покушений». «Разумный эгоизм» был бессилен что-либо здесь объяснить.

Кроме того, «разумный эгоизм» обнаружил не только свою недостаточность при решении социальных и конкретно-революционных задач, но и свою внутреннюю, логическую противоречивость. Направленные своим острием против «жертвенничества», «страдальчества» и т. п., принципы «разумного эгоизма» на практике нередко выливались именно в «жертвенничество», причем чуть ли не с обязательным трагическим концом. «Чтобы революционная интеллигенция погибала в протесте против несправедливости, казалось мне в ту пору, — подводит итог своим народническим рассуждениям Засулич, — самым лучшим для нее исходным и обязательным... А главное эта гибнущая за справедливость интеллигенция так хороша... Как не пожелать, чтобы ее было как можно больше?»

Здесь есть гордая готовность **погибнуть** в борьбе за хорошее дело. Но здесь нет, увы, готовности **победить** в борьбе. Ясно, что с такой программой, с таким настроением серьезную борьбу, до победы вести нельзя.

Одним из первых, кто указал на недостаточность концепции «разумного эгоизма», кто выступил против ориентации на «трагедийный вариант» деятельности и была Вера Ивановна Засулич — уже в качестве члена группы «Освобождение труда», первой марксистской организации в России. (См., например, ее статью о Писареве, которую Ленин называл «превосходной».)

В чем же суть марксистской позиции по данному вопросу?

ЧЕЛОВЕК — ЭТО МИР ЧЕЛОВЕКА

Марксизм начинает с... начала, с самого простого и естественного: он утверждает, что нельзя понять, что такое «я», что такое «человек», изучая только его естественные, дарованные природой органы. Надо изучать и его «искусственные органы» — все то, с помощью чего он воздействует на мир, — фабрики, заводы, государство и т. д. То есть, чтобы понять «человека», нам придется изучать, говоря словами Маркса, «мир человека». И второе. Привести в движение эти свои могуче разросшиеся искусственные органы человек сам по себе, в одиночку, не в состоянии. Он может это сделать, только соединившись определенным образом с другими людьми, то есть вступив с ними в определенные общественные отношения. Общественные отношения, таким образом, — это тоже средство, тоже своеобразные «органы», с помощью которых человек воздействует на мир. Вот почему Маркс именно в совокупности общественных отношений видит сущность человека. Стало быть, фабрики, заводы, государство, соединенные определенным образом люди — это и есть «Я». Мое природное тело есть только частичка «меня». И так же как я стараюсь содержать в чистоте и здоровье свое тело: мою лицо, чищу зубы, тренирую мышцы, совершенствую свои естественные органы, точно так же я должен заботиться о совершенствовании своих искусственных органов — производительных сил и общественных отношений. Вот почему отдавать свою энергию, свое время делу развития производительных сил, культуры, совершенствованию общественных отношений — значит работать «на себя», а не «на других», ибо «другие» есть не что иное, как продолжение, часть тебя, и «ты» — часть «других».

Итак, по сущности своей, считает марксизм, противопоставление «себя» и «других», «себя» и «общества» — ложно. Но это не просто ложность рассуждения, не просто ошибка сознания. Если бы это было так, достаточно было бы ее осознать. И проблема, а вместе с нею и противоречие между «для себя» и «для других» исчезли бы, единство личности и общества было бы осуществлено. Но дело как раз и состоит в том, что человек, трудящийся человек, реально, а не в воображении отчужден от своей собственной сущности: производительные силы принадлежат не ему и над общественными отношениями он не властен. Мир человека в действительности (а не в воображении) — чужой для него мир. Это-то и показал Маркс, поставив задачу присвоения человеком своей собственной сущности. Значит, надо было не только осознать факт отчуждения, но и определить пути его реально-практического преодоления. И такой путь был марксизмом найден. Это была не просветительская деятельность фейербахианского типа, не террористическая деятельность против отдельных личностей, а массовая революционная борьба за отмену частной собственности, то есть за отмену элитарной, ограниченной собственности на всеобщее, общечеловеческое, принадлежащее по сути своей каждому человеку, — на общественные производительные силы. Борьба за присвоение трудящимся человеком производительных сил и производственных отношений и есть процесс присвоения человеком своей сущности; процесс очеловечивания человека. И дело это — не задача героев, а дело масс народных, социальных классов, дело каждого человека.

Однако нравственный принцип «разумного эгоизма», которому следовали народники, подчеркивает Засулич, не отбрасывается. Он, содержащий в себе прозрение об истинных связях личности и общества, наполняется у марксистов глубоким политическим смыслом и богатым экономическим содержанием. Из абстрактного и вневременного он становится конкретным и предельно историческим. Не пропадает напрасно и деятельность людей, следовавших этому, для своего времени чрезвычайно высокому принципу. Этот глубоко диалектический характер связи нравственных устремлений двух поколений революционеров превосходно обрисовала Засулич: «Теперь нельзя уже повторять слова этих революционеров в том самом смысле, в каком говорили их они, — жизнь уничтожила этот смысл. Нельзя походить на них, стремясь подражать их отдельным действиям, а самостоятельно прокладывать свой путь. Но, с другой стороны, нельзя и стать серьезным революционером, нельзя действовать при русских условиях, если дорожить хоть чем-нибудь: своей легальностью, своим будущим, семейными привязанностями, чем бы то ни было, кроме удобств для деятельности. Нельзя, словом, действовать, не относясь к делу так же точно, как относились к нему прежние революционные деятели. С этой стороны они останутся образцами для подражания, пока Россия будет нуждаться в таких революционерах».

Эти же слова в полной мере можно отнести и к самой Засулич. Развивавшиеся ею на марксистской основе этические нормы революционного действия, защищавшийся ею принцип «для себя, значит — для людей», не устаревают. Они должны быть тщательно продуманы и усвоены каждым человеком. При этом только надо помнить, что, как бы хорош ни был этот принцип, он все-таки лишь **начало** — важное, чрезвычайно нужное, но лишь начало становления личности, становления Человека. Без исходного, верно намечающего соотношения личного и общественного нравственного принципа невозможно начать, невозможно и последовательно продолжать требующую большой самоотверженности и самоотдачи деятельность по исследованию и совершенствованию мира, в котором живет человек. И в этом огромное стимулирующее значение исходного принципа. Но следует помнить, что верная исходная нравственная позиция отнюдь не предопределяет и не гарантирует верности последующего социологического анализа и конкретных социальных выводов. Нравственные принципы должны органически слиться в единый синтез с глубоким научным знанием. Только этот синтез и может дать деятельных людей, преобразователей общественных отношений.

Ленинизм — это и есть тот совершенный синтез науки и нравственности, тот осуществленный идеал, который искали и к которому шли русские революционеры прошлого столетия.

ТОРЖЕСТВЕННО И ПРАЗДНИЧНО

Журнал «Наука и религия» рассказывал на своих страницах о том, как проходят новые семейные праздники в Российской Федерации, в прибалтийских республиках, на Украине, в Казахстане, Киргизии, Грузии. «А как проходят семейные торжества в столице нашей Родины?» — спрашивает в письме в редакцию читатель А. Казинюк из Томска. Наш корреспондент В. Долгова встретилась с заведующей отделом загс исполкома Московского Совета народных депутатов Софьей Иосифовной Кулаевой и попросила ее ответить на несколько вопросов. Ниже мы публикуем это интервью и репортаж об обрядах бракосочетания и имянаречения.

— Расскажите, пожалуйста, как возглавляемый вами отдел работает над совершенствованием семейных обрядов.

— Прежде чем ответить на этот вопрос, я хотела бы сделать несколько общих замечаний. Обряд, праздник, традиция — явления сложные. В своеобразной эмоционально-художественной форме в них отражается уровень духовной жизни народа. Новые семейные советские обряды призваны отразить черты образа жизни строителей коммунистического общества.

Народная мудрость издавна считала, что в жизни мужчины выбор жены — очень важный шаг. Это справедливо и для нашего времени, с той лишь поправкой, что правило это относится и к женщине. Одно из завоеваний Октября — равенство женщины и мужчины — основа семейно-брачных отношений. Новая Конституция СССР в статье 35 вновь подтвердила это равенство: «Женщина и мужчина имеют в СССР равные права».

В конце прошлого века в известной работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельс писал: «Полная свобода при заключении браков может... стать общим достоянием только после того, как уничтожение капиталистического производства и созданных им отношений собственности устранит все побочные, экономические соображения, оказывающие теперь еще столь громадное влияние на выбор супруга. Тогда уже не останется больше никакого другого мотива, кроме взаимной склонности»[1]. Именно так: большинство советских людей руководствуются в своем выборе спутника жизни лишь чувствами. В нашей стране брак освободился от корыстных расчетов, имущественных, сословных и религиозных преград.

Вступление в брак, свадьба, рождение ребенка всегда порождают мажорные чувства у новобрачных, молодых родителей и их близких. Так уж устроен человек, что в радости он ищет способ излить свои чувства в особой художественной, выразительной форме, в форме обряда.

Писатель В. Вересаев, определяя существо обряда, заметил: «Он, с одной стороны, дает людям готовые, художественно-закрепленные русла для проявления теснящихся в душе чувств, — с другой же стороны организует сами эти чувства, направляет, просветляет и углубляет их. Огромное действенное значение обряда великолепно учитывала церковь»[2].

Действительно, церковные обряды производили большое впечатление (да и сейчас не утратили своей выразительности), способствовали закреплению религиозных чувств. Например, венчание, одно из семи таинств русской православной церкви, обставлялось особенно пышно. Однако не забудем о сущности происходящего в храме. В свадебном обряде закреплялось отношение к женщине как к существу подчиненному. Одно из обязательных поучений священнослужителя при этом: «Жена да боится своего мужа». Зависимость, бесправие женщины, освященные церковным браком, были заложены в укладе жизни дореволюционной России: без согласия мужа жена не могла получить отдельный паспорт, не могла учиться в высшей школе и т. д.

Новый гражданский обряд бракосочетания символизирует равенство супругов, добровольность их союза, основанного на взаимной любви и уважении. И ритуал должен отразить это новое идейное содержание.

Неудачи некоторых энтузиастов новой обрядности объясняются тем, что они не учитывают природу обряда, особенности человеческих переживаний, порой произвольно вводят элементы, чуждые социально-психологическим основам ритуала. Каждое обрядовое действие должно быть основательно подготовлено, тщательно изучено прошлое, бережно сохранено лучшее из национальных традиций.

Все это приобретает особое значение, когда речь идет об обрядах, связанных с созданием новой семьи, с рождением нового человека. За последние годы загсы Москвы стали уделять большое внимание семейным обрядам. Во всех районных загсах столицы оборудованы помещения, изготовлены специальные красивые папки для актов брака и имянаречения, установлены дни, когда проводятся торжественные регистрации брака и наречения имени. При городском и районных Советах народных депутатов созданы комиссии по гражданским обрядам. Городская комиссия, например, не только контролирует всю работу по совершенствованию семейных обрядов, но и стремится привлечь к ней деятелей искусства.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 84.

[2] В. Вересаев. К художественному оформлению быта (Об обрядах старых и новых). «Красная новь», 1926, № 1.

С. И. Кулаева.

При проведении обряда все имеет значение: удачно ли оформлено помещение, хорошо ли звучит музыка, насколько выразительно произносит слово ведущий, хватает ли ему такта, культуры, душевности, какова у него дикция. Ведь даже умело выдержанная пауза способна создать особое настроение. Трудностей здесь очень много. Взять хотя бы кадры ведущих. К сожалению, ни одно учебное заведение страны их не готовит. Приходится нам самим изыскивать способы повышения мастерства наших работников. Так, в 1975 году в Москве был проведен конкурс ведущих семейные ритуалы, который помог улучшить работу Дворцов бракосочетаний и районных отделов загса, повысить мастерство его сотрудников. Ведущие стали учитывать возраст, профессию каждой вступающей в брак пары.

Большое значение имеет обмен опытом. Поэтому мы проводим смотры в лучших районных отделах загса и Дворцах бракосочетаний. Москвичи внимательно следят за достижениями своих коллег в Ленинграде, Киеве, Прибалтике.

И все же, хотя работа по совершенствованию семейных обрядов проводится у нас немалая, нельзя сказать, что мы удовлетворены состоянием дела. Поиск выразительных средств продолжается. Каждый обряд должен иметь свое лицо, свои песни и музыку. Сейчас музыкальное сопровождение собрано из отдельных фрагментов, в нем нет цельности, единства.

Нам, к сожалению, пока слабо помогают композиторы, писатели, поэты, художники. Впрочем, некоторые сдвиги в этом направлении уже есть. Так, управление культуры Моссовета выделило хорошие струнные ансамбли для двух Дворцов бракосочетаний и для Сокольнического загса. Участие музыкантов, конечно, придает церемониям особую торжественность.

— Новые обряды выполняют важную функцию в атеистическом воспитании; становление их уменьшает количество венчаний и крещений. Как обстоит с этим дело в столице?

— Хотя в результате огромных социальных преобразований в нашей стране религиозная идеология во многом утратила свое прежнее значение, некоторых людей еще привлекают в церковь религиозные обряды. Огни свечей и лампад, музыка, хор, вся тщательно разработанная церковная служба способны иной раз воздействовать даже на того, кто и в бога-то особенно не верит. Именно на торжественность церковного обряда ссылаются порой молодые люди, решившие обвенчаться или крестить в церкви своего ребенка. Конечно, иногда здесь срабатывает и распространенный стереотип мышления: «Так заведено, так исстари ведется».

Естественно, что выразительный, эмоциональный гражданский обряд — одно из действенных средств вытеснения религиозных пережитков. Там, где работа в этом направлении ведется умело, целенаправленно, количество венчаний и крещений заметно уменьшается.

В Москве Дворцы бракосочетаний и районные загсы стремятся проводить семейные праздники торжественно, ярко. В результате гражданская обрядность почти полностью вытеснила церковное венчание. Сложнее обстоит дело с крещением детей. И это заставляет нас более требовательно рассматривать свою деятельность. Видимо, обряд наречения имени пока еще как следует не сложился, еще не хватает ему выразительности. И в этом направлении предстоит большая работа.

Следует добавить, что значение новых обрядов не ограничивается их атеистической направленностью. Придет время, когда религия отомрет полностью, а обряды будут всегда. При этом они, разумеется, будут и дальше совершенствоваться, чтобы полнее удовлетворять постоянно растущие духовные потребности советских людей.

— Наше общество заинтересовано в укреплении семейных отношений. В этой связи, видимо, возрастает значение воспитательной работы с молодоженами, пропаганды новых обрядов, правовых, медицинских, психологических знаний. Как ведется эта работа в Москве?

— Подготовить молодоженов к семейной жизни, помочь семье в процессе ее формирования — очень важные задачи. Так, при Дворце бракосочетаний № 2 при активной помощи общественных организаций Фрунзенского района открыт клуб «Молодая семья». Будущие супруги и молодожены слушают здесь лекции о своих правах и обязанностях, об этике семейных отношений, о том, как лучше строить семейный бюджет. Встречи с людьми, прожившими счастливо до золотой или серебряной свадьбы, с матерями-героинями, интересные концерты и веселые балы — все это привлекает молодых в клуб, помогает им в живой форме усваивать правила и нормы, способствующие прочности семейных отношений. Теперь подобные клубы созданы в одиннадцати районах столицы.

Во Дворце культуры завода имени Лихачева стали традиционными вечера, на которые приходят и молодожены, и люди с солидным супружеским стажем. Нравственный пример супругов, проживших долгую жизнь вместе, их рассказы о том, как они берегут любовь и дружбу, производят на молодежь большое впечатление.

В лекториях и университетах культуры Москвы широко пропагандируются знания по семейному праву, проводятся научно-практические конференции по новым обрядам. В прошлом году, например, прочитано около трех тысяч лекций по этим вопросам. Было организовано более двухсот вечеров для молодых людей, вступающих в брак. Но мы считаем, что это не столь уж много для такого большого города. Надеемся с помощью учреждений культуры, просвещения и общественных организаций сделать в будущем больше.

В последние годы получил распространение обряд помолвки. Видимо, в возрождении этой народной традиции есть свой смысл. Помолвка, мне кажется, повышает ответственность молодых людей на пути рождения крепкой семьи. Обычно ее отмечают или в семейном кругу, или на дружеском вечере вместе с общественностью предприятия, где работают будущие супруги[3].

Большое значение в подготовке молодых к семейной жизни имеют лекции и беседы медицинских работников. К сожалению, ни школа, ни институт не дают соответствующих знаний. Поэтому в московских Дворцах бракосочетаний и районных отделах загса мы организуем беседы врачей (раздельно для девушек и юношей) о психогигиене брака. Их посещает огромное количество молодежи, что доказывает необходимость этого. В Свердловском районе Москвы при поликлинике № 10 открылась специальная консультация по вопросам семьи и брака. В последний вторник каждого месяца сюда приглашают молодых людей, решивших вступить в брак. Беседы, которые здесь проводятся, призваны помочь молодой семье вырастить здоровых детей. В Тимирязевском районе при Доме санитарного просвещения тоже создана консультация. Программа ее включает лекции о гигиене супружеской жизни, об этике отношений между супругами.

Как видите, для совершенствования семейной обрядности и укрепления семьи загсы Москвы делают немало. Но еще больше предстоит сделать. И в этой работе нам должны активнее помогать общественные организации, учреждения культуры, творческие союзы.

[3] Репортаж об обряде помолвки см.: «Наука и религия», 1977, № 12.

Фото А. Казимирова.

Слова ритуала торжественны и значительны... И произнести их надо с чувством.

ИГРАЮТ СВАДЬБЫ

...Антонина Петровна Сивидова, заведующая Сокольническим загсом Москвы, пошла переодеться и вернулась в темно-синем длинном платье. Я удивилась происшедшей в ней перемене: она кажется выше, стройнее. Но главное — изменилось лицо: стало строже, торжественнее. Она сосредоточилась на предстоящей церемонии, отрешилась от будничных дел. Сегодня обряд бракосочетания ведет сама заведующая вместо заболевшей сотрудницы. В небольшом штате районного загса такие замены неизбежны. Но вот готовность, с какой каждый стремится помочь общему делу, создает ощущение заинтересованности всего маленького коллектива. Я наблюдала, как молодой музыкант из струнного оркестра в те минуты, когда был свободен, охотно помогал ведущей: открывал двери ритуального зала, приглашал молодоженов... Царящую здесь атмосферу доброжелательности непременно ощущают и те, кто пришел скрепить свой союз. Доброе отношение к молодоженам — одно из важнейших условий нормальной деятельности загса.

Знакомясь с московскими обрядами, я вынесла впечатление, что организаторы их — люди сердечные, умеющие создать и поддержать обстановку взаимного расположения. Не знаю, случайно ли, но заведующие загсами, Дворцами бракосочетаний — женщины. И ведущие ритуал — как правило, женщины приятной наружности.

— Очень трудное это дело — вести обряд, — говорила мне директор Дворца бракосочетаний № 3 Е. Е. Малышева. — Нам надо добиваться, чтобы он был выразительным, эмоциональным. Ждем помощи от творческих организаций, но, видно, руки у них до этого еще не доходят. Несколько лет назад Комиссия по гражданской обрядности при Моссовете обратилась с просьбой к театру Ленинского комсомола: помогите Дворцу бракосочетаний. К нам оттуда пришли ак-

триса и музыковед, посмотрели на нашу работу, расспросили и ушли. Больше мы их не видели.

Есть у нас сложности и другого порядка. Для такого города, как Москва, Дворцов бракосочетаний явно мало — всего три. Вот и приходится жениху и невесте ждать подолгу, когда наконец подойдет день их торжественной регистрации. А каково ведущей, если в течение дня регистрируется 35—40 пар? И ведь каждый раз надо провести ритуал с чувством, каждый раз произнести слова тепло, сердечно.

В Сокольническом загсе я убедилась в том, как сложен и ответствен труд ведущей. Только что А. П. Сивидова беседовала со мной в кабинете, а теперь проходит в зал, надевает через плечо широкую красную ленту с гербом Российской Федерации и подает знак, чтобы пригласили первую пару. Я замешкалась, не успела войти вместе с гостями, двери закрылись.

— Туда теперь нельзя!..

Закрытые от случайных любопытных глаз двери напоминали о значительности происходящего за ними. При регистрации следующей пары я уже не мешкала и прошла в зал вместе с гостями. Двери закрылись. До начала торжественной регистрации успела заметить убранство. Все продумано, все создает ощущение праздничности: стены из светлого дерева, драпировка благородной расцветки, искусно смонтированные светильники, излучающие мягкий свет, ковры на полу, цветы в вазах... В центре, над столом — Государственный герб РСФСР, переплетающиеся обручальные кольца — на стене.

Знакомство мое с загсами Москвы позволяет говорить о том, что в них идет поиск наиболее выразительных средств оформления. Так, в загсе Люблинского района в большой вазе на полу пшеничные колосья — символ плодородия и достатка. Ведь не случайно в Новгородской области молодых осыпают зерном, и энтузиасты новой обрядности, внимательно изучающие народную основу праздников прошлого, используют отдельные их элементы.

Женихи перед торжественным ритуалом.

В некоторых загсах играют струнные оркестры. Разумеется, Первый концерт для фортепьяно с оркестром и Струнная серенада Чайковского, Свадебный марш Мендельсона, адажио из балета «Раймонда» Глазунова могут звучать и в записи. Но насколько же глубже впечатление от исполнения этих произведений оркестром!

Вряд ли стоит подробно описывать ритуал торжественной регистрации брака. В Российской Федерации он повсеместно включает одни и те же основные элементы: слово к молодым о зна-

чении создания новой семьи, подтверждение ими обоюдного согласия вступить в брак, закрепление подписями регистрации, поздравление новобрачных ведущим.

То, что теперь во время торжественной церемонии ведущий обращается сначала к невесте, спрашивая, искренне ли, свободно ли ее желание вступить в брак, представляется удачным разрушением прежнего стереотипа — при церковном венчании первый вопрос задавался мужчине. Расписываются теперь в книге записей о заключении брака в таком же порядке: сначала невеста, потом жених.

Не забудем еще об одной мрачной стороне церковного венчания, порождавшей нередко истинные трагедии. Браки между приверженцами разной веры запрещались, один из них должен был сменить вероисповедание.

А теперь? Вот, например, в загс Ждановского района Москвы вошла очередная пара молодоженов. Он — русский, она — татарка. Глядя на их счастливые, радостные лица, я подумала: сколько слез, неприязни родных могло бы породить раньше одно их желание вступить в брак!

Один из впечатляющих элементов свадебного обряда — обмен новобрачных кольцами. Древний обычай, использованный в свое время церковью, сейчас символизирует обещание верности друг другу. Известно, что молодые во время венчания в церкви держали в руках зажженные свечи. Это была своеобразная жертва богу, желание его умилостивить. Огонь используется и в новом свадебном обряде, но сейчас это — символ жизни и мира на земле. Об этом говорит поэт Расул Гамзатов в своих «Сонетах»:

Обычай старый есть в горах у нас:
Коль провожают замуж дочь родную,
Чтоб род ее навеки не угас,
Вручают ей лучину смоляную.

Зажженный факел используется в свадебных обрядах Украины и Грузии, иногда сопровождает свадебный ритуал и в Москве.

В комнате невест.

...Мелодичный голос Антонины Петровны Сивидовой временами срывался. Разумеется, были взволнованы и молодожены.

— Вот так всегда, — говорила Сивидова, когда церемония закончилась. — Не могу не волноваться. Хочется, чтобы молодые навсегда запомнили сегодняшний день, всю жизнь берегли любовь. Ведь сколько еще легкомысленных браков! Конечно, установленный срок между днем, когда подано заявление, и регистрацией заставляет жениха и невесту еще раз подумать о серьезности своего шага. Да и помолвка, которая сейчас с успехом прививается, помогает становлению новой семьи. И все-таки горько думать: неужели кто-то из этих молодых людей через короткое время узнает, что совершил ошибку?..

Вместе с молодыми во Дворцы бракосочетаний приезжают родители. И после того, как жених и невеста расписываются в книге регистрации и объявляются мужем и женой, звучат кремлевские куранты, молодые встают рядом со столом, лицом к гостям, а на середину зала выходят родители.

— Дорогие молодожены, — говорит ведущая, — сегодня у вас торжественный день. У вас много гостей, и среди них — самые дорогие для вас — ваши родители. Подойдите к ним, поклонитесь за их любовь и ласку, за то, что они вырастили и воспитали вас, а сегодня благословляют на счастливую семейную жизнь...

В этот волнующий момент почитания родителей редко кто из присутствующих может сдержать слезы. А что говорить о самих родителях! Низкий поклон молодых символизирует глубокие семейные человеческие связи — любовь, уважение, сыновний долг. Эти чувства стали непременным условием крепости семейных отношений.

Как важно утверждение в жизни истинно человеческих отношений. Церковь выдает за чисто религиозное поучение высоконравственное житейское правило — «чти отца и матерь свою». За нарушение ее церковь грозила тяжелейшим наказанием, грех великий был ослушаться батюшки, матушки. А что было за этой догмой — церковь не

интересовалась. Теперь глубокое уважение к родителям воспитывается их нравственным примером и, естественно, действует сильнее, чем угроза непростительного греха.

Поиски выразительности обряда приводят иногда к возвращению первоначального значения слов. Когда ведущая сказала молодым, что родители «благословляют их на счастливый брак», я подумала, что вот и слову «благословлять» возвращено его исконное значение. В дореволюционном быту оно было накрепко увязано с религиозными представлениями. Благословляли в церкви крестом, а на брак родители детей — иконой. Но ведь само слово означает желать блага, добра.

В последние годы в Москве утвердился еще один впечатляющий элемент обряда — возложение новобрачными цветов к Мавзолею Ленина и к Вечному огню на могиле Неизвестного солдата. В других городах молодые приходят к монументам Славы, на могилы павших борцов, чья жизнь и смерть были великим примером служения Родине. Всего несколько минут — положить цветы, постоять в молчании,—но они наполнены глубоким смыслом: молодые люди как бы дают обещание быть верными делу отцов, идти по их стопам.

Новое пробивает себе дорогу, но старое еще дает о себе знать...

Взволнованное письмо в редакцию журнала «Наука и религия» прислала читательница Е. И. Комиссарова из Ульяновска:

«Сейчас говорят о новых обрядах, рожденных новой жизнью... Вот у меня младшая дочка после техникума уехала на работу в Пермь. Я у нее побывала на комсомольской свадьбе. Много веселья, песен, поэзии. И ни одного пьяного, ни одного грубого слова. Все с человеческим достоинством. Но не всегда ведь так. Многие свадьбы грешат излишними возлияниями,

Сердечное поздравление ведущей ритуал — один из элементов обряда бракосочетания.

Свадьба едет!

Цветы новобрачных — признательность героям за отвоеванное счастье.

пропитались водкой. Узкое, мещанское желание превзойти других часто руководит устроителями таких свадеб».

В самом деле, свадьба — семейное празднество, красивый, яркий обряд (недаром говорят в народе—«свадьбу играют»)—порой утрачивает свой обрядовый, игровой характер, превращаясь в хмельное застолье. И если торжественная регистрация брака — предмет заботы многих энтузиастов, то о другой части этого события пока мало кто серьезно заботится. Вот почему свадьба часто приобретает черты явно нездорового желания блеснуть, выставить напоказ достаток. А желание это оборачивается иной раз непосильными затратами.

Конечно, старинные свадебные обряды, свадьбы-спектакли с величальными песнями, звеневшими когда-то в селах по нескольку дней, трудно представить в наше быстрое время, особенно в городах. Но что-то соответственное времени должно существовать. Ведь открылся же в Ленинграде Дом свадебных торжеств, в котором весело, занимательно празднуют свадьбу. Накрывается там и стол, где все в меру — и еда и питье, однако не он — основа праздника. Свадьба творчески разработана и поставлена как веселый спектакль, одинаково интересный и молодоженам, и их гостям*.

В суете повседневных дел люди на улицах с доброй улыбкой провожают вереницы машин, украшенных лентами и воздушными шарами: «Свадьба едет!» Торжественные регистрации брака стали привычными. Новые семейные обряды прочно вошли в быт, прижились, стали неотъемлемой частью нашего социалистического образа жизни. Конечно, они еще нуждаются в совершенствовании, и над этим работают сотрудники загсов и Дворцов бракосочетаний Москвы.

* Очерк о Ленинградском Доме свадебных торжеств — «Подари людям радость» — см. в № 8 нашего журнала за этот год.

ДАТЬ ЧЕЛОВЕКУ ИМЯ

Около нового дома, в нижнем этаже которого разместился загс Люблинского района Москвы, остановилась машина, из нее выходит молодая женщина с ребенком на руках. За молодой мамой следуют счастливые бабушка и дедушка. Еще и еще прибывают родители с младенцами. Сегодня среда — будничный день, поэтому гостей, прибывающих на торжество, не так уж много. Да и погода неважная.

В ритуальном зале ведущая обряд и депутат районного Совета встречают молодых родителей.

— Люблинский районный Совет народных депутатов поручил нам зарегистрировать нового гражданина Союза Советских Социалистических Республик. Дорогие друзья! В вашей семье большое и радостное событие — родился сын, которому по желанию родителей дается имя Андрей...

Слова звучат четко, значительно, и чувство важности происходящего передается всем присутствующим. После торжественной регистрации ведущая обращается к родителям с напутствием и поздравлениями, затем депутат районного Совета поздравляет их, а также бабушек и дедушек.

Рождение ребенка — одно из самых значительных семейных событий. Человек всегда испытывает радость при появлении на свет нового члена семьи. И естественно стремление людей особым образом отметить это радостное событие.

Конечно, выразительные элементы новых обрядов утверждаются постепенно, не сразу, время будет их шлифовать. Но в тех, которые уже утвердились, заложено очень важное содержание: они славят человека, его труд, утверждают высокую коммунистическую мораль, дают возможность, отойдя на время от всего обыденного, ощутить преемственность поколений.

Осуждая укоренившуюся привычку сопровождать семейные события выпивкой, Л. Н. Толстой писал: «Праздник значит — ручному труду перерыв, отдых. Можно сойтись с близкими, с родными, с друзьями, побеседовать, повеселиться. Главное дело о душе подумать можно. И тут-то заместо беседы, веселья с друзьями, родными напиваются вином и вместо того, чтобы о душе подумать — сквернословие, часто ссоры, драки. А то крестины. Человек родился, надо подумать, как его хорошо воспитать. А чтобы хорошо воспитать, надо самому себя получшить, от плохого отвыкать, к хорошему приучать и тут вместо вино и пьянство».

Появление на свет нового члена семьи рождает у родителей размышления о том, как его вырастить, достойно воспитать. Вместе с мыслями о будущем ребенка человек оглядывается на свою жизнь, открывается для добра. Современный обряд, призванный отразить эти высокие чувства, в корне отличается от церковного крещения.

Таинство приобщения младенца к церкви включает очищение его от грехов (это новорожденного-то!). И в этом церковном обряде отразилось отношение к женщине как к существу второго сорта: новорожденного мальчика священник вносит в алтарь, девочку только подносит к царским вратам. Действия священника — погружение ребенка в купель с водой, обношение вокруг зажженных свечей, миропомазание, надевание крестика — содержат явные магические, колдовские черты, привнесенные из дохристианских верований. На дьявола, якобы стоящего у купели, полагается «дунуть, плюнуть».

Кроме настояния верующих родственников и убеждения, что окрещенный младенец вырастет здоровым, родителей, иной раз неверующих, видимо, привлекает таинственность, которой окутано церковное крещение. Возможно, еще одна причина тому — недостаточная выразительность нового ритуала имянаречения. Над этой проблемой думают многие. Ведь рождение ребенка не только семейный праздник. В коллективах, где работают родители новорожденного, эта весть обычно вызывает радостный отклик. Сослуживцы стремятся разделить первые заботы о ребенке, подготовить подарки, принять участие в торжестве имянаречения. Участие в обряде представителей общественности придает семейному торжеству гражданский характер, олицетворяет связь семьи и общества.

В новый ритуал хорошо вписан и давний народный обычай выбирать для новорожденного почетных родителей (иногда их называют восприемниками). Товарищи по работе, давние друзья обязуются помогать родителям растить ребенка.

Московские загсы широко пропагандируют новые обряды. Так, работники Сокольнического районного загса приняли участие в очередном выпуске устного журнала «Новости жизни» в Центральном Доме культуры железнодорожников. По красной ковровой дорожке поднимаются на сцену родители с новорожденным. Студенты Московского института электронного машиностроения Валентина Кирюшина и Александр Кирокосян сегодня дают имя Артем своему мальчику. Здесь же присутствуют дедушка и бабушка.

В чуткой тишине зала раздаются торжественные слова ведущей. Когда называют имя ребенка, звучит Гимн Советского Союза. Все присутствующие встают.

По знаку ведущей молодые супруги кланяются в пояс своим родителям, их вырастившим и воспитавшим, а вслед за ними пожилым людям низко поклонилась ведущая, отдавая дань уважения старшим.

Ведущая берет на руки малыша, произносит ему слова напутствия. Потом передает дедушкам и бабушкам, а те — почетным родителям. Дружеские руки осторожно берут ребенка...

Конечно, такой обряд требует тщательной подготовки, усилий многих людей.

Бывает и так: торжественная регистрация новорожденного проходит на вечерах производственных коллективов.

В Свердловском районе столицы многие годы 22 апреля, в день рождения В. И. Ленина, чествуют родителей, у которых в этом году родились малыши.

Приподнятое, радостное настроение царит на таких вечерах. Во Дворец культуры заранее привозят цветы. При входе в зал родителей с малышами встречают члены инициативной комиссии, каждому вручают гвоздики. Директора заводов сердечно поздравляют молодых родителей. Звучит музыка в исполнении самодеятельного оркестра. Несмотря на большое число участников, вечера такого рода носят семейный характер. И поздравления, и напутствия, и рассказ главного врача детской консультации об уходе за ребенком — все выдержано в истинно доверительном тоне.

Заведующая отделом загса Свердловского района К. И. Волкова рассказывает:

— Такие семейные вечера обычно проходят очень живо. Гости с удовольствием слушают, как воспитанники детского сада радостно приветствуют родителей, «принимают» в свой сад новорожденных. Со своими товарами во Дворец культуры приезжает магазин «Малыш».

После торжественной части проводится шуточный конкурс отцов. Молодые папы показывают свое умение пеленать младенца, рассказать ему сказку и т. д.

Традиция чествовать родителей новорожденных утвердилась и на других предприятиях. Типография «Красный пролетарий» в прошлом году отмечала на семейном вечере рождение 34 детей работников предприятия. На сцену клуба по специально сооруженным мосткам въехали коляски с малышами.

Поиск выразительных средств обряда еще идет. Есть успехи, находки, но пока еще нельзя сказать, что ритуал торжественного имянаречения полностью сложился.

Помню, несколько лет назад родителей с ребенком, их родственников приглашали в зал, где стояли ряды стульев, и во время регистрации все сидели. Теперь стулья исчезли. Возможно раньше было менее торжественно, но зато, безусловно, удобнее.

И все же многие молодые родители желают отметить рождение ребенка в торжественной обстановке. Эта заинтересованность в красивых, ярких ритуалах и творческая работа по их совершенствованию — залог того, что пройдет некоторое время и утвердится в нашей жизни новый обряд, во всей полноте отражающий радость родителей при рождении нового члена семьи, гражданина Советского Союза.

Торжественное наречение имени в Сокольническом загсе. Кроме родителей малыша в ритуале участвует названная мать.

ЛЕКТОР И ВРЕМЯ

В Москве состоялся III объединенный пленум правлений Всесоюзного общества «Знание» и общества «Знание» РСФСР.

С докладом «Постановление ЦК КПСС «О состоянии и мерах улучшения лекционной пропаганды» и задачи организаций Всесоюзного общества «Знание» выступил председатель правления Всесоюзного общества «Знание» академик Н. Г. Басов. Затем участники пленума высказали свои предложения и замечания по улучшению качества лекционной пропаганды.

В своем Постановлении ЦК КПСС, подчеркнув, что лекционная пропаганда «прочно вошла в духовную жизнь страны», в то же время вскрыл и недостатки в организации и содержании лекций и бесед. Поэтому пленум наметил конкретные меры по реализации Постановления ЦК КПСС.

С каждым годом возрастает роль общества «Знание» в формировании научного мировоззрения, в развитии политической и трудовой активности масс. Однако, как отмечалось на пленуме, все возрастающие темпы научно-технической революции, а также обострение идеологической борьбы на международной арене ставят сегодня более сложные, по сравнению с прошлыми, задачи. И для того, чтобы успешно их решать, необходимо поднять лекционную пропаганду на качественно новый уровень.

Многие выступавшие отмечали, что еще не всегда доходчиво и убедительно ведется пропаганда достижений социализма, его неоспоримых преимуществ перед капиталистическим обществом. И здесь очень важно, как подчеркнул докладчик, полнее использовать в пропагандистской работе все богатство идей, содержащихся в документах нашей партии, связанных с обсуждением и принятием новой Конституции СССР, конституций союзных и автономных республик страны.

Немаловажное значение имеет и работа лекторов по мобилизации трудящихся на выполнение экономических планов. Нужно всемерно повышать уровень пропаганды экономических знаний, шире привлекать лекторов к участию в движении «Пропагандист — пятилетке». С этой задачей тесно связаны другие: помощь в повышении квалификации тружеников социалистического производства, специалистов разных профилей, а также внедрение достижений науки и техники в народное хозяйство, где, по выражению академика Н. Г. Басова, «идет важный и интересный процесс — изыскиваются все более совершенные формы связи научного и производственного потенциала». И в этой связи интересным представляется выступление строгальщика Минского завода автоматических линий Л. И. Потаповича, который предложил шире привлекать рабочих к чтению лекций.

Большое внимание участники пленума уделили обсуждению задач лекционной пропаганды в связи с поездкой Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева весной нынешнего года по городам Сибири и Дальнего Востока. Поездка показала, что этому региону партия уделяет особое внимание. Освоение и использование огромного экономического потенциала Сибири и Дальнего Востока — общенародная задача, в разъяснении которой важную роль должен сыграть лекторский актив общества «Знание». На это указал докладчик, об этом говорили в своих выступлениях на пленуме председатель правления общества «Знание» РСФСР академик И. Ф. Образцов, председатель правления организации общества «Знание» Якутской АССР член-корреспондент АН СССР Н. В. Черский, председатель правления Тюменской областной организации общества «Знание», лауреат Ленинской премии, член-корреспондент АН СССР И. И. Нестеров.

Разговор о задачах лекционной пропаганды — это в конечном счете разговор о ее вкладе в дело коммунистического воспитания советских людей, формирования у них научно-материалистического мировоззрения. «Мы должны растить человека духовно богатого, политически грамотного, который в своей повседневной работе сможет опираться на марксистскую идеологию и те современные знания, которые мы призваны ему давать», — сказал заместитель председателя правления Ленинградской организации общества «Знание», лауреат Ленинской премии, профессор В. М. Ахутин. Поэтому не случайно центральное место в работе пленума было уделено повышению качества лекционной пропаганды, ее идейно-политического и научного уровня. В частности, говорилось о недопустимости популяризации «псевдооткрытий», которые на самом деле не имеют никакого отношения к науке.

Серьезное внимание пленум уделил работе первичных организаций. «К сожалению, мы пока не добились, — подчеркнул докладчик, — превращения каждой первичной организации в творческий боеспособный коллектив лекторов и организаторов пропагандистской работы» — и призвал президиум правления Всесоюзного общества «Знание», членов правлений обществ «Знание» союзных и автономных республик, краевых и областных организаций постоянно заботиться об укреплении первичных организаций.

В то же время, как отмечали выступавшие, необходимо улучшить и систему подготовки лекторских кадров, основу которой должны составить постоянно действующие курсы, школы, семинары, народные университеты. Было обращено внимание и на важность подготовки лекторов из числа молодежи, а также на проблему воспитания самого лектора как личности. Эта мысль прозвучала в выступлениях секретаря ЦК ВЛКСМ А. П. Деревянко, заместителя начальника управления пропаганды Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота доктора философских наук генерал-майора Д. А. Волкогонова, заместителя министра высшего и среднего специального образования СССР Н. И. Мохова. В то же время участники пленума подчеркнули необходимость значительно улучшить координацию работы организаций и ведомств, ведущих лекционную пропаганду.

В выступлениях участников пленума прозвучала твердая уверенность в том, что пропагандисты общества «Знание» будут и впредь активно помогать партии в осуществлении планов коммунистического строительства, в воспитании нового человека.

В работе пленума принял участие член ЦК КПСС, заведующий Отделом пропаганды ЦК КПСС Е. М. Тяжельников.

Участники пленума за работой.

Фото В. Евсеева.

МНОГОЕ СПРОСИТСЯ

А. АБДУСАМЕДОВ, кандидат философских наук

Каждый год в Ташкентский университет только на дневное отделение поступают около двух тысяч студентов. В основном это молодежь из сельских районов.

Исследования, проводимые кафедрой этики, эстетики и научного атеизма, показывают, что подавляющее большинство студентов имеют атеистические убеждения. Но среди молодых людей, приехавших из сельской местности, есть и такие, чье сознание не свободно от религиозных пережитков. Это выражается в том, что они выполняют мусульманские обряды, ритуалы (хотя, как правило, не по глубокому убеждению), смешивают религиозные традиции с национальными, остаются в плену бытовых суеверий и т. п.

Проучившись в университете год-два, все они, за редким исключением, освобождаются от религиозных заблуждений. Этому способствуют и сам процесс обучения, и общественная жизнь крупного вуза. Очень важную роль в этом играет и действующая в нашем университете система атеистического воспитания студенческой молодежи. Она многогранна и является органической частью всего воспитательного комплекса. Организует эту работу совет по атеистическому воспитанию. Одна из главных его задач — повышение эффективности курса основ научного атеизма.

Мы убедились, что его нельзя читать одинаково на разных факультетах, в любой студенческой аудитории. Наша кафедра при содействии совета проводит анкетный опрос студентов перед началом курса. Два-три вопроса позволяют выяснить, как относятся студенты к религии, что они знают, например, об исламе как о социальном явлении, о его сущности, истории и современном состоянии. Это помогает сделать лекции и интересными, и полезными, связать их материал с особенностями аудитории. В результате студенты относятся активно к изучению проблем атеизма. Многие из них охотно участвуют в конкретных социологических исследованиях, которые наша кафедра проводит в Ташкенте и ряде областей республики. Собранный материал студенты обрабатывают сами: оценивают информацию, делают выводы о степени влияния ислама на различные стороны жизни, составляют рекомендации для пропагандистов и организаторов атеистической работы на местах.

Система атеистического воспитания в нашем университете предусматривает не только формирование твердых атеистических убеждений у каждого студента. Наши выпускники едут на работу во все районы республики, большинство — в сельскую местность. И мы считаем, что долг выпускников, получающих всестороннее образование по своей специальности, нести в массы и атеистические знания, принимать участие в атеистической работе, а то и быть ее организаторами. Подготовка выпускников университета к этой деятельности — сложная и важная задача. Это — необходимая часть воспитания всесторонне развитых, сознательных и активных строителей коммунизма, что является одной из главных забот нашей партии и нашло новое яркое выражение в постановлении ЦК КПСС «О состоянии и мерах улучшения лекционной пропаганды».

Мы сознаем, что одно лишь преподавание курса основ научного атеизма не может решить проблему подготовки будущих организаторов атеистической работы. При помощи учебных лекций и пособий нельзя подготовить пропагандиста атеизма, который мог бы вести эту работу на уровне новых задач, выдвинутых в постановлении.

В 1971 году при нашей кафедре была создана школа молодого лектора с отделением научного атеизма. С самого начала ей отводилось важное место в системе коммунистического воспитания студентов. Ее работа регулярно обсуждается на заседаниях парткома и комитета комсомола университета, ученого совета по общественным наукам. К ней привлечено внимание всего профессорско-преподавательского состава и студентов.

Фактически школа дает нашим выпускникам вторую, общественную, профессию — лектора-пропагандиста.

В течение первых трех лет была выработана и проверена на практике программа и методика занятий. За это время школа подготовила 220 лекторов. Их выступления по вопросам атеизма перед молодежью, рабочими, колхозниками хорошо воспринимались слушателями, и это свидетельствовало о том, что мы были на верном пути. Число студентов, желающих получить вторую профессию, быстро росло. Прежде чем рассказать о том, как организована работа школы молодого лектора, сообщу, что за шесть лет она выпустила 740 пропагандистов. Многие из них стали выступать перед населением еще будучи студентами, у других окончание школы и университета совпало, и они начали пропагандистскую деятельность одновременно с трудовой.

По неполным данным, выпускники школы к сегодняшнему дню прочитали в общей сложности свыше 4500 лекций. Этот вклад в идеологическую работу, в дело решения задач коммунистического строительства получил высокую оценку партийных организаций республики.

Основным содержанием программы школы молодого лектора стало изучение ленинского теоретического наследия, проблем научного атеизма и коммунистического воспитания. В программу вошло обязательное обучение методике и навыкам пропагандистской и агитационно-массовой работы. Курс «Методика партийной пропаганды» рассчитан на 32 часа и включен в учебный план, утвержденный Министерством высшего и среднего специального образования СССР. Студенты знакомятся с основными принципами дидактики и методики пропаганды, особенностями работы в разных звеньях политического просвещения, методикой организации самостоятельной работы слушателей и т. п. Изучаются основы лекторского мастерства, средства повышения эффективности пропаганды и т. д.

Один раз в два месяца все слушатели собираются на пленарные заседания, где им читают лекции по теоретическим и политическим вопросам: «Марксизм-ленинизм о религии как социальном явлении», «Происхождение религии и ее исторические формы», «Ленинские принципы партийной пропаганды», «Отношение Советского государства к религии и церкви», «Ислам и проблемы морали», «Современные формы и методы атеистического воспитания» и т. д. Знакомим мы наших слушателей и с новейшими достижениями науки, с основными событиями на международной арене, с проблемами современной экономики.

К работе с молодыми лекторами мы привлекаем крупных ученых, партийных работников, мастеров пропаганды. Так мы достигаем еще и того, что слушатели видят лекторское искусство в действии. Тематика занятий приобщает к актуальным вопросам внутренней и внешней политики КПСС, к дискуссионным проблемам философии, теории и практики атеистического воспитания.

Студенты учатся составлять планы лекций, пишут их тексты, которые потом обсуждаются на занятиях, дополняются и исправляются, чтобы послужить основой для будущих выступлений перед населением.

Такая система обучения, когда получение теоретических знаний, глубокое изучение проблемных тем сочетается с элементами самостоятельного исследования, с первыми практическими шагами в лекторской работе, дает хороший эффект. Выступая перед слушателями, студенты учатся глубоко раскрывать теоретические положения марксизма-ленинизма, рассказывать о них убедительно и доходчиво. При этом изучение методики партийной пропаганды приобретает осознанный характер, становится необходимостью. Пропагандистская. лекторская практика рождает потребность в методических занятиях.

Мы исходим из того, что выступления наших выпускников перед населением должны быть не только глубокими и научными по содержанию, но и яркими и доступными по форме, давать исчерпывающие ответы на все вопросы, которые могут возникнуть в различной аудитории.

Подготовка молодых лекторов к научно-атеистической пропаганде у нас идет по двум взаимосвязанным направлениям. Они овладевают основами критики религии и учатся показывать условия и пути преодоления религиозных предрассудков, раскрывать слушателям красоту и смысл земного бытия, созидательной деятельности человека, отказавшегося от мысли о сверхъестественном.

Практические занятия отделения научного атеизма школы молодого лектора ведутся в основном на базе республиканского Дома атеизма. Это пошло на пользу обеим сторонам. Студенты проводят в Доме атеизма экскурсии, отвечают на вопросы посетителей — для них это отличная школа, они привыкают передавать свои знания, заряд своих убеждений

другим. За последние три года наши студенты провели в Доме атеизма 320 экскурсий, отзывы об их работе хорошие.

Школа молодого лектора поддерживает тесные связи со студенческим научным обществом. Доклады и рефераты, обсуждаемые на его заседаниях, нередко служат основой для публичной лекции.

Слушатели школы молодого лектора выступают с лекциями не только в Ташкенте, но и в разных районах республики, страны, читают их, например, когда работают в составе студенческих строительных отрядов. Аудитория у них самая разная. Это — рабочие промышленных и торговых предприятий, служащие государственных учреждений, труженики сельского хозяйства, учащиеся профтехучилищ и т. д.

Итоги экзаменационных сессий показывают, что студенты, ведущие лекторскую, пропагандистскую работу, лучше успевают в своей учебе.

Учеба студентов в школе молодого лектора и их активная пропагандистская деятельность подтверждают жизненность и важность общественно-политической практики студентов, способствуют воспитанию у них идейной убежденности, непримиримости к буржуазной идеологии, необходимых в настоящее время каждому комсомольцу, каждому молодому человеку. В этом мы видим наш вклад в выполнение задачи дальнейшего повышения уровня лекционной пропаганды как важного средства коммунистического воспитания трудящихся, развития политической и трудовой активности масс в выполнении решений XXV съезда КПСС, в реализации возможностей развитого социализма.

г. Ташкент

Рубрики стенной печати

На предприятиях, в учреждениях и организациях Новгородской области за последнее время накоплен опыт пропаганды атеизма через стенную печать. Наибольший интерес у читателей вызывают рубрики, пропагандирующие достижения современной науки. В медицине, например, — проблемы сердечно-сосудистых заболеваний, онкологии; в биологии — вопросы, связанные с происхождением человека; в физике — проникновение в глубины микромира; в астрономии — поиск внеземных цивилизаций и т. д. Все эти темы, как известно, при их материалистическом осмыслении приобретают четкое атеистическое звучание, способствуют формированию материалистического взгляда на мир.

Часто появляются в стенгазетах материалы, раскрывающие истинную роль религии в жизни людей. Возьмем, к примеру, заметки краеведческого характера. В Новгороде, одном из древнейших городов нашей страны, много архитектурных памятников: всемирно известные ансамбли Кремля, Антониева и Юрьева монастырей, древняя София, церковь Спаса на Ильине с фресками Феофана Грека, Грановитая палата с ее удивительными шедеврами. Рассказы о них, помещаемые обычно под рубрикой «Памятники старины рассказывают», дают возможность читателям не только познакомиться с историей этих шедевров, их художественными достоинствами, но и воспитывают уважение к таланту древних мастеров, которые, будучи ограничены жесткими рамками церковных канонов, сумели создать произведения, пережившие века. При этом говорится также об использовании церковью этой красоты для утверждения религиозного мировоззрения.

Рубрика «По залам Новгородского музея» повествует об экспонатах, имеющих прямое атеистическое звучание. Это, например, каменный идол, найденный в реке Шексне, фотокопии иконы «Дни отмщения постигоша нас», экземпляр журнала «Церковные ведомости» с текстом указа святейшего синода об отлучении от церкви Л. Н. Толстого. Такие материалы интересуют читателей, вызывают у них стремление узнать побольше, еще раз посетить музей.

Стенные газеты ведут постоянно и такие рубрики, как «По страницам журнала «Наука и религия», «Религия и дети», «Отвечаем на ваши вопросы», «Святые письма», «Листая страницы Библии», «По страницам церковного календаря» и другие.

В учебных заведениях области проходят конкурсы на лучшую атеистическую стенную газету. Например, прошедший недавно такой конкурс в ГПТУ № 16 Новгорода вызвал большой интерес у учащихся. Готовя газеты «Ровесник», «Юность», «Регулировщик», «Наука и религия», «Бригантина», ребята прочитали массу литературы, нашли много интересных фактов. В красочно оформленных стенгазетах появились новые рубрики: «Биографии духов», «Народная мудрость о религии» и т. п.

Но, разумеется, возможности стенных газет в пропаганде атеизма можно использовать и полнее. Ведь стенная печать близка по своей эффективности к индивидуальной работе, поскольку ее авторам хорошо известны интересы, запросы, настроения людей в своих коллективах, проблемы, которые непосредственно их волнуют. Это позволяет оперативно и конкретно откликаться на события окружающей жизни, чутко реагировать на все, что происходит в коллективе.

В. БОГДАНОВ,
Н. ВИСНАП

Новгород

Информация, хроника

● В городе Серпухове Московской области работает кабинет научного атеизма. Он оказывает большую помощь местным лекторам в подготовке и проведении лекций. К услугам пропагандистов атеистическая библиотека, где привлекает внимание выставка с разделами «Возникновение религии и ее развитие», «Наука и религия о Вселенной», «Отношение КПСС к Советского государства к религии и церкви».

● В селе Вильск Черняховского района Житомирской области создан музей атеизма. Многие разделы его экспозиции посвящены рассказу об опыте работы партийных и советских организаций по атеистическому воспитанию населения. При музее есть библиотека, где пропагандисты могут найти необходимую им литературу.

● Большую работу в Литовской ССР проводит совет по координированию научно-атеистической пропаганды. В его составе — партийные и комсомольские работники, ученые, сотрудники учреждений культуры. Значительную помощь совету оказывают лекторы общества «Знание». Только в Каунасе они прочитали в прошлом году свыше полутора тысяч лекций. Каунасские атеисты ведут и содержательную работу по внедрению новых обрядов и традиций.

● В Вильнюсе при Музее атеизма Литовской ССР действует клуб «Аве вита!» («Да здравствует жизнь!»), объединяющий пропагандистов научного атеизма. На его заседаниях регулярно выступают научные работники, занимающиеся философскими проблемами. В частности, гостем клуба был академик АН Литвы Юозас Юргинис, рассказавший о своем участии в пропаганде атеистических знаний.

● Вот уже несколько лет на Лианозовском электромеханическом заводе в Москве работает двухгодичная школа атеистов. Руководит ею кандидат философских наук М. Д. Шевченко. В школе подготовлено около 70 пропагандистов. Все они теперь активно ведут атеистическую работу в цехах и отделах завода, а также в подшефных школах.

● Дважды в месяц отправляется в путь передвижной клуб атеистов Красноградского района Харьковской области. Пропагандисты выступают в клубах, красных уголках, на фермах и в бригадах колхозов и совхозов. Их лекции и беседы пользуются неизменным успехом у тружеников села.

● Преподаватели Ужгородского университета часто выступают с лекциями и беседами по мировоззренческим проблемам в сельских районах области. Интересно прошел, например, вечер в селе Княгиня Великоберезнянского района, на котором выступил заведующий кафедрой научного атеизма М. Н. Болдижар.

Практика: опыт, проблемы

Три жизни МАРИИ САРАТОВОЙ

Ю. ПЕРОВ,
специальный корреспондент
журнала «Наука и религия»

ОБЫЧНО, чтобы составить для себя наиболее полное представление о каком-либо человеке, мы стараемся определить, что же в его жизни главное, и, уяснив это, все остальное как бы соразмеряем с этим главным.

Возьмем, к примеру, известного композитора. Когда нам приходится читать его дневники, письма или воспоминания о нем современников, то мы, зная и любя его музыку и понимая, что это и было в его жизни главным, невольно рассматриваем его жизнь с точки зрения—способствовали те или иные обстоятельства его творчеству или не способствовали.

Когда в Алма-Ате, в обкоме партии и в областном правлении

Семья Марии Николаевны (далеко не в полном составе).

общества «Знание» мне рассказали о Марии Николаевне Саратовой, то главное в ее жизни определилось для меня само собой, как только я услышал, что с ее помощью отошло от религии более трехсот человек. Цифра, подумал я, более чем внушительная. И даже если чуточку «округлена», как это порой бывает, то и тогда работа, проделанная Марией Николаевной, заслуживает самого пристального внимания.

Но все оказалось совсем не так просто...

Когда мы что-то узнаем о человеке, как говорится, «за глаза», то невольно складывается в нашем сознании и внешний его облик. Мария Николаевна представлялась мне высокой, энергичной женщиной, почему-то с мужской походкой и громким голосом, и, скорее всего, одинокой или бездетной — словом, из тех женщин, которые столько сил и времени отдают общественной деятельности, что на семью их просто не остается. С таким мнением я и приехал в Талгар, где в библиотеке райкома партии работает Саратова. Здесь и начались неожиданности. Их было потом много, но первая поразила сильнее всего.

В небольшой, уютной библиотеке, сплошь уставленной цветами и только благодаря стендам с наглядной агитацией выглядевшей не совсем по-домашнему, за тесным столиком сидела маленькая сухонькая женщина в очках, с пучком волос на затылке. Если бы не живые, внимательные глаза, то можно было бы сказать — просто старушка. Тихая, добрая, очень домашняя. Для полноты впечатления не хватало только недовязанного чулка в руках.

Мы присели, и она стала перебирать что-то на столе, ожидающе поглядывая на меня, и тут я впервые увидел ее руки — несоразмерно крупные, с узловатыми пальцами—руки старой крестьянки. Такие руки говорят о многом. Движения у нее были тихие, незаметные. Только потом, приглядевшись, я понял, что она непрерывно, постоянно что-то делает, но все движения скупы, расчетливы, привычны, оттого и незаметны. Так, я не сразу понял, откуда на столе появились мытые и протертые полотенцем до воскового блеска яблоки и груши.

— Угощайтесь, — улыбнулась Мария Николаевна. Я не смог удержаться. Мария Николаевна улыбнулась еще раз. С этого момента разговор наладился, будто мы давно знали друг друга. И я невольно подумал, что для преодоления робости ей нужно было какое-то действие, обыденное, привычное, — угощать например... И ошибся! Как я впоследствии убедился, Мария Николаевна не из тех, кто робеет с незнакомым человеком: на моих глазах она несколько раз заговаривала с незнакомыми людьми и после первых двух-трех фраз беседа текла свободно.

Второе, что меня поразило, — Мария Николаевна мать восьмерых детей. Потом, когда мы познакомились поближе, выяснилось, что детей не восемь, а девять. Девятую, круглую сироту, прожившую с ней семь лет, Мария Николаевна считает своей дочерью. И они, хотя и расстались много лет назад (Лена вышла замуж и уехала), постоянно видятся, отношения у них самые родственные. Но в официальные, как говорится, списки Мария Николаевна Лену не вносит.

И число · бывших верующих подлежало пересмотру, но совершенно обратному, не тому, что я предполагал. Под влиянием Марии Николаевны от религии отошли 583 человека.

И совсем в конце первой встречи, когда мне казалось, что теперь уж меня ничем не удивишь, я удивился в третий раз. Выяснилось, что Мария Николаевна работает всю свою сознательную жизнь. И не просто трудится ради заработка, а считает, что это и есть главное ее дело. И где бы ни работала — всегда на виду, в почете и уважении. «Как же так?» — рассуждал я. Ведь только для того, чтобы вырастить девять детей, нужно посвятить им всю жизнь. Сколько знаем мы матерей, имеющих двоих-троих и жалующихся, что они взяли у них все, что ради детей они простились с любимой работой, ушли от общественной деятельности.

Так что было чему удивляться! Получалось, что Мария Николаевна Саратова каким-то образом сумела вместить в одну жизнь целых три и все их прожить на одинаковом накале, ничем не поступаясь. И решить, что же тут было главным, что помогало этому главному, а что мешало, чрезвычайно трудно. Во всяком случае, для этого надо было изучить каждую ее жизнь.

■ ЖИЗНЬ ПЕРВАЯ

Самое навязчивое воспоминание детства — это землянка, устланная сухим, корявым хворостом и соломой. По стенам, над самым полом идет щелястая, перемазанная засохшей глиной труба от маленькой, сделанной из старого ведра, печки. На полу, в перетертой соломе копошатся полуголые братишки и сестренки. В углу, на корточках — слепой отец. Он медленно перебирает что-то в руках. Иногда это — ременная сбруя для чужих лошадей, иногда чурбачок, из которого долго и трудно получается неровная, некрасивая, но без единого заусенца деревянная ложка. Матери дома нет. Нет и еды. Кто-то из сестренок болеет и тихо стонет. Отец отрывается от работы и поворачивается ухом на стон. К отцу подползает маленький братишка. Он садится, как и отец, на корточки и принимается долго и молча смотреть, как отец работает. Другой забавы в землянке нет. Маленькие грязные ручонки мальчика белы и прозрачны, как картофельные ростки, выросшие без света. Мать придет еще не скоро... Она работает на людей, как раньше говорили: «прислуга за все», а попросту — батрачка. А может случиться и так, что придет с пустыми руками.

Почему-то всегда, когда Мария Николаевна говорит о детях, она вспоминает свое детство, землянку и распаренную пшеницу — основную еду. Белый хлеб из настоящей муки она попробовала уже взрослой.

С одной стороны, вроде ясно. Выросла она в многодетной семье (всего их было у матери семеро) и естественно, что и собственную семью должна была представлять именно такой — многодетной. А с другой стороны, она видела страшную нужду. Видела, как болеют дети и матери негде взять молока. Она помнила постоянное чувство голода, не могла забыть, как плакала по ночам мать от бессилия. И по-всему должна была бы страшиться многодетной семьи. Правда, времена тогда были другие, но и на ее жизнь выпали и вой-

на, и голод, и лишения, и болезни детей...

Иван Тимофеевич Клишин ушел на войну, а Мария Николаевна осталась с двухлетней Аллочкой. Через четыре месяца родилась вторая дочь — Люда. И еще жила с ними та самая Лена, круглая сирота.

Пушек в Талгаре слышно не было, только тень войны легла на маленький далекий городок, но и тень была страшна. Появились эвакуированные — голодные, измученные, бездомные. Приходили похоронки. В доме по соседству умерла женщина. Остались в том доме три девочки. Старшей пять лет, младшей — год и четыре месяца.

Мария Николаевна взяла детей к себе. Долго не решалась написать мужу. Написала, наконец. В ответ пришло удивленное письмо: «Почему спрашиваешь? Почему сомневаешься во мне? Разве можно в такой ситуации поступить иначе? Меня только одно беспокоит — как ты там одна? Но ничего... Война скоро кончится. Мы уже у границы, и нас не остановить до самого Берлина. Потерпи немного. А вдвоем нам ничего не страшно. Зато какие мы теперь богатые, у нас шестеро детей — это целое отделение...»

Так писал Иван Клишин в ноябре сорок четвертого. Но до Берлина он не дошел. 31 декабря под новый, победный, сорок пятый его остановила пуля. Он погиб в Латвии.

Ивана Александровича Деменева начало войны застало в областном центре на учительской конференции. Тут же, в зале, в списки добровольцев записались все, кто подходил по возрасту и здоровью. На войну шли торжественно и возбужденно — в атмосфере всеобщего подъема. Какой-то кусочек этой атмосферы Иван Деменев сумел сохранить почти до конца войны, до того самого письма, написанного неизвестной женщиной, соседкой: «О детях не беспокойтесь, я их взяла к себе... Они вас помнят и ждут, особенно старшенькая. Девочки хорошие, послушные. Все здоровы».

И с той минуты словно что-то вынули из его души. Стал сержант Деменев ходить согнувшись, втянув голову в плечи. Тут-то и подстерегла его мина... Потерял ногу, в груди осколки, от контузии левая половина тела почти бездействует. В особенно тяжелые минуты не то чтобы радовался, но с каким-то горьким удовлетворением думал: хорошо, что жена не дожила...

На себе он поставил крест. А дети? Ну, что же дети? Государство, Советская власть, за которую он отдал почти всю жизнь (ведь то, что осталось, жизнью не назовешь), не оставит сирот. А женщине той — соседке — он поклонится до земли. С тем и вернулся.

Когда Мария Николаевна рассказывает о том времени, а делает она это неохотно и немногословно, то говорит так:

— Ну, что же, вернулся отец девочек... Сам на костылях. Инвалид первой группы. Посмотрели мы друг на друга, пожали друг другу руки, а делать нечего... Надо жить, детей воспитывать. И стали жить. Да потом еще троих общих нажили.

Так вот просто, как о чем-то обыденном. Но было-то все по-другому. Как оно было на самом деле — представить трудно или совсем невозможно. Ясно только, что были «сердобольные», благополучные соседки, которые говорили: «Куда тебе он. Это не помощь в доме. За ним же самим уход нужен. Уж лучше одной мыкаться, может, еще и встретишь кого». Ясно, что не сразу человек, махнувший на себя рукой, поверил в то, что он кому-то нужен и полезен.

О том, как все это происходило, вероятно, можно написать целую книгу (если, конечно, Мария Николаевна согласится когда-нибудь рассказать об этом подробнее). Здесь же ограничимся лишь результатом: все девять детей живы и здоровы. Иван Александрович Деменев стал снова учительствовать. Теперь он на пенсии. А в школе, где он преподавал математику, на вечные времена повешен его портрет. Он отдал школе 41 год, а в Талгаре половина населения здоровается с ним за руку, и он каждого помнит по фамилии. Особенно — трудных своих учеников.

Как она это сумела, какими силами, какой душевной добротой? Об этом можно только догадываться. Очевидно одно: для этого нужна была целая жизнь, без остатка. Но была еще и...

■ ЖИЗНЬ ВТОРАЯ

Деревня, в которой она родилась, раньше называлась Голопузовка. Теперь это большое село под Чимкентом и называется оно Советское. Но не скоро и не просто становилось оно советским по названию и по образу жизни.

Когда организовывался колхоз, смотрели, что сможет принести семья в общий котел. Саратовых взяли без разговора. Мать — работница редкая. А хозяйства у них еще и в заводе не было. Участок-то нарезали только недавно, в двадцать девятом, но дом и строить было не из чего. По щепке собирали. Кирпич саманный всей семьей готовили — месили, сушили. Дом подняли едва-едва, какое уж тут хозяйство...

Марию определили в соседнее село в школу с содержанием, наподобие интерната. Платить за содержание детей должны были родители — колхоз и так надрывался, стараясь свести концы с концами.

К марту 1933 года Машу Саратову вместе с другими десятью учениками отчислили: платить родителям было нечем. Все 11 учеников ушли пешком в Чимкент. Маша поступила в ФЗУ связи.

В 1935 году она стала комсомолкой, через некоторое время избрали ее секретарем комсомольской организации училища. Окончив его, Маша работала в одном из районов телефонисткой. Там ее избрали членом бюро райкома комсомола, а вскоре — вторым секретарем.

В 1938 году произошли три важных для нее события. Первое: восьмого марта ее приняли кандидатом в партию. Второе: она познакомилась с акыном Джамбулом, тогда уже всем известным. И так как к тому времени свободно владела русским и казахским, ее прикрепили к акыну для постоянной работы. Разумеется, в свободное время. Это была ее общественная нагрузка.

Маша водила делегации, приезжавшие отовсюду к народному певцу; сопровождала акына (а был он к тому времени уже почтенным аксакалом и ездил только на своей низкорослой лошадке) в его поездках по аулам и кочевьям. Она убирала в его юрте,

готовила пищу и, наверное, вкусно готовила, так как старый акын говорил, ласково улыбаясь: «Пусть русская Маруся готовит». Она же записывала за ним каждое слово и, очевидно, тогда и научилась скорописи, которая пригодилась потом.

Впрочем, живые, подлинные воспоминания самой Марии Николаевны гораздо интереснее. Рассказывает она о Джамбуле так:

— Это был удивительный человек. Писать-читать не умел. Мудрость его была народной, вынесенной из долгой, трудной жизни. А сердце и талант свой он сумел сохранить молодым. Неутомимая душа у него была. Помню, приедет куда-нибудь на свадьбу или на праздник, снимем его с лошадки, под руки проводим в юрту. Он войдет, поклонится всем, осмотрит все своим особенным, медленным взглядом, возьмет в руки домру и запоет. И так, будто всю жизнь прожил с этими людьми, будто знает все их горести и радости. И столько доброй мудрости в его песне, что люди слушают и радуются, и плачут.

С Джамбулом она проработала четыре года.

Третье событие в ее жизни в том памятном тридцать восьмом: она познакомилась с Иваном Клишиным. Он тогда работал начальником районной конторы связи. И был ей под стать — веселый, активный. Любил песни петь, играл на гармошке и на гитаре. В тридцать девятом они поженились. Дружная это была семья...

В 1942 году Марию послали на шесть месяцев на партийную учебу. После этого перевели в Талгар, где она работала заместителем председателя райисполкома по гособеспечению семей военнослужащих.

Эта работа была самой тяжелой в ее жизни. Сколько домов она обошла, сколько чужого горя повидала — ведь нужно было определить, действительно ли человек нуждается в помощи, имеет ли на нее право. Бывали случаи, когда некоторые люди и саму войну пытались приспособить для своей корысти.

Сейчас я почти дословно приведу рассказ одной пожилой женщины, которая просила не называть ее имени. Пожалуй, это будет самым точным и характерным свидетельством той деятельности, которую Мария Николаевна называет «работой по соцобеспечению»:

— Как было плохо в ту зиму, и вспоминать неохота. Детей трое, угла своего нет, зарплата маленькая — чего там уборщицы получают, сами знаете... Конечно, был бы мужик в доме — другое дело, а так совсем без продыху. Я, конечно, слышала, что Мария — соседка — по обеспечению служит, но обратиться в другой раз и совестно. Скажет: что ж ты, соседка, по знакомству хочешь? Потом смотрю — идет. Пришла, говорит, на чай, мол, закружилась по городу — чаю выпить некогда. Ну, я бросилась на стол собирать, а собирать-то и нечего. У других хоть и домик в одно оконце, да участок нарезан, хоть три луковицы в том огороде, да свои, а мне — за все плати, а из чего платить-то? Расстроилась сильно. Конечно, я ее ждала по другому делу, по обеспечению этому, а она, оказывается, так, да еще и угостить нечем. Чай — пустой, одно дело, что горячий. У меня к тому времени и морковка сушеная вышла, которую у нас многие вместо чая заваривали. Я и горюю, а она: ничего, мол, ничего, мне бы лишь согреться. И не поняла я тогда ее хитрости. Все причитаю... Гляжу, через день мне повестка в райисполком. Вот так, через свою женскую хитрость и вызнала она мою нужду. Дело понятное... Один и про горе свое не скажет — постесняется, а другой и без горя наплетет, чтоб поживиться. Вот и отличи их.

Помогли мне тогда, только вот с жильем не получалось. Много у нас народу приезжего обосновалось — война. Обещали через годик, другой. Ну, а я считала — где другой, там и третий. На всех не напасешься.

А тут, рядом с домом, где я на квартире стояла, был раньше магазинчик. Да и не магазинчик, а так... Лавка. Торговать перестали, крыша провалилась, стекол нет, дверь на дрова утащили. Гляжу, Мария что-то около этой лавки мелькает. Мне и невдомек. Потом ее у себя на работе увидела, с главным инженером разговаривает, опять значения не придала. Потом снова ко мне заходит, от чаю на этот раз отказывается и ведет меня к той лавке. Как, мол, тебе, если пожить здесь? И участочек, хоть с ладошку, да есть, и курятник прилепить можно, все поддержка ребятишкам... Если бы это не она, я бы обиделась на насмешку. Жить-то что под небом, что в этой лавке — все равно. Ничего, говорит, не твоя забота, а в воскресенье готовься.

В воскресенье поутру я так и обмерла: машины, машины, одна с песком, другая с гравием, третья с тесом, с обрезочками. Народу... Считай, все наше производство. Я уж и не знаю, что в тот день делалось, в глазах одно мельтешенье... А заправлял всем наш главный инженер. Я-то под ногами у всех путалась, путалась, пока меня Мария с собой не увела. Пришли к ней, она там картошки насыпала, еще кое-каких припасов... Мол, людей покормить надо, чай, устанут, а помощи от тебя никакой, так что давай-ка лучше делом занимайся, обед стряпай...

К вечеру и подняли дом. Как новый. Шутка ли, в пятьдесят пар рук. По кирпичику положить — враз пятьдесят, по гвоздику вбить — грохот стоит. Да еще соседи, не утерпели — встряли. Помню, Мария-то наравне с мужиками управлялась. А к вечеру новоселье уже справляли в новом доме. Поместились все, хоть с виду он и маленький. Вот с той поры у меня и жизнь началась. А мужик так с фронта и не вернулся. Если б не Мария да не добрые люди — не знаю, как ребятишек бы на ноги подняла. Может, и не выжили б...

В те дни ее редко видели дома, прибежит, накормит детей, настряпает на ужин и снова убежит — уже до ночи. Кого-то днем не застала, с кем-то не успела переговорить, кому-то еще не смогла помочь...

В сорок шестом они ехали в отдаленное селение в маленьком старом автобусе. Стояла холодная зима. Яблоневые сады в окрестностях Талгара были мохнатые от инея. Нужно было переехать через речку. До моста — большой крюк. Автобус провалился под лед на середине реки. До ближайшего населенного пункта — несколько километров.

В больницу Маша попала с тяжелым ушибом и сильнейшей

простудой. Пролежала там около трех лет. Отнялись ноги, замучали невыносимые головные боли. Из больницы вышла инвалидом первой группы. Получила пенсию.

Силы человеческие не безграничны. Такая беда может переломить любого. Никто бы не осудил Марию Николаевну, если б она на этом и закончила свою трудовую деятельность.

Она справилась со своей болезнью. Сперва ей квалифицировали вторую группу, потом третью, потом сняли с учета и разрешили работать. Правда, работу она теперь подыскала себе спокойнее. Устроилась библиотекарем в школу.

Тут можно вспомнить знаменитую фразу: «Не место красит человека, а человек место». Очевидно, не бывает спокойных или беспокойных мест, а бывают спокойные или беспокойные люди. Что же тянуло мальчишек и девчонок в библиотеку? Рассказывает Мария Николаевна:

— Уж и не помню, как это произошло... Кажется, нужно было вылепить что-то из глины для наглядного пособия. Вылепила. Получилось. Захотелось еще. Стала лепить. Потом сам собой организовался кружок при библиотеке. Вроде изостудии. Чего мы там только не лепили — из гипса, из глины, а уж изрисовали все, что могли. Ну, потом девчонки вышивать начали. А потом все стали книгоношами. Это было у нас прямо повальное увлечение. Закрепляли ребята за собой по нескольку домов. И — туда с книгами. А где старички или малограмотные, так там сами и читали. Выставки всякие устраивали. Например, день сказок или день науки. По четвергам все книгоноши собирались и подводили итоги за неделю. Вот уж тут страсти разгорались. Каждый хочет в первые. Сейчас трудно поверить, но тогда мы охватили работой каждую семью. Нас уже везде ждали. Как к вечеру, так бабуля или дед на часы посматривают и чего-нибудь сладенького приготовят, чтоб ребятишкам украдкой пихнуть...

Комиссия однажды приезжала, так в наши цифры не поверила. Нас досада взяла и повели ее по всем дворам. Нигде осечки не было. А к шестидесятому году при библиотеке был уже актив —128 детей и 27 взрослых. Как-никак, а по нашим масштабам это немало.

Правда, и жизнь у меня в ту пору была суматошная. Каждая минутка расписана. Бывало, по ночам, когда все улягутся, и чертила, и плакаты писала, и шила, и клеила, и одежонку своим чинила.

Потом, уже в шестьдесят первом, когда меня отозвали на работу в библиотеку при райкоме партии, жить стало поспокойнее...

За свою трудовую деятельность Мария Николаевна получила шесть медалей, несколько нагрудных знаков и более десяти почетных дипломов и грамот. Одна из них, подписанная министром культуры СССР, особенно дорога Саратовой: ее маленькая школьная ' библиотека по всем показателям заняла первое место в стране.

— Очень мы радовались, — говорит Мария Николаевна, — ведь в соревновании участвовали и самые главные, столичные библиотеки, и вот надо же — мы победили.

Написав две главки очерка, я невольно поймал себя на такой мысли: «Ведь это же два различных человека, две самостоятельные судьбы. И схожи они только в одном: в наполненности, в особенной насыщенности событиями. И еще, пожалуй, в том, что вытекают обе из одного истока: из невообразимо трудного детства».

Нелегко все это совместить и уложить рядышком в сознании, но еще труднее представить, что была еще...

■ ЖИЗНЬ ТРЕТЬЯ

Эта история ее жизни, как и две предыдущие, начинается в раннем детстве. В той же памятной землянке.

В семье верили в бога все. Самым набожным был дед Пантелеймон. Не ложился и не вставал без молитвы. Все время проводил в церкви. С детьми был суров. Если кто-то не приходил в церковь в воскресенье или в праздник, дед возвращался домой чернее тучи. Ставил детишек на соль коленями, да на несколько часов. И мать боялась заступаться:

— Что ревешь? Сама заработала, теперь терпи. Что тебе стоит сходить помолиться...

По престольным праздникам местный причт с вместительной подводой отправлялся по дворам. Подвода, как бы сама собой, наполнялась пшеницей, яблоками, медом, яйцами, салом. В землянке Саратовых в такие дни все прятались. Дать было нечего.

Безверие Маши началось с ненависти. Нет, не к богу, а к его служителям. Сестренка Настя перевернула на себя керосиновую лампу. Одежонка на ней занялась. Пока сообразили ее в одеяло укутать, она накаталась по полу, всю солому подожгла, уж тут не знаешь, что тушить...

Врача в селе не было. Пришел священник. Брезгливый, высокомерный. Все боялся до чего-нибудь дотронуться. А отец-то ведь от чего слепой? Он оспу перенес, она у него глаза и выела, и все лицо перекосила. Уходя, священник обернулся и сказал как бы про себя:

— Надо же. У таких уродов родителей такие красивые дети.

Маша услышала. Разревелась. Спрашивали:

— Что ревешь, о чем?

Не ответила. Священника невзлюбила. А Настя умерла. Бог не помог...

Другой случай: отец разрубил себе ногу топором. Так всю ступню и раздвоил. Врача нет, что делать? Соседки прибежали. Нажгли соломы, просеяли золу сквозь сито и присыпали рану, а чтоб кровь не хлестала, под коленом веревкой перетянули. Сперва, вроде, ничего, но потом стала нога пухнуть. Отец заметался в горячке. Думали все, конец, антонов огонь начинается. Пошли за священником. Дать было нечего, думали придет в долг. Не пришел. Уж как просили, как обещали — не поверил.

Было все это. Было и запомнилось.

В тридцать пятом, когда Маша стала секретарем комсомольской организации в училище, организовала она ячейку Союза безбожников.

Закрывали однажды церковь. Бабы обступили, вот-вот заклюют. Говорят, если посмеешь хоть одну икону тронуть, бог тут же накажет. Ребята — пламенные безбожники — заробели. А ну как и вправду покарает? Тогда Маша сказала:

— Если покарает или хотя бы

Активные помощники Саратовой, ветераны гражданской войны: Н. Е. Кубраков, А. А. Буркин, В. С. Жданков, Я. М. Карасев, Ф. Е. Точилов, М. С. Кырпыченко, А. И. Вишневский, П. Т. Рожнов, В. И. Ким и Мария Николаевна.

какой знак даст — стану вместе с вами молиться.

Потом она не раз повторяла эту фразу по различным поводам, а тогда что-то и в ней дрогнуло... Но вошла, сняла икону и вынесла. Сложили ребята все церковное имущество и повезли в соседнюю действующую церковь.

Повоевала Мария в молодые комсомольские годы с богом. Сражалась с азартом, но часто безрезультатно. Конечно, кое-какой результат был: ребята из ее ячейки свои семьи до того распропагандировали, что все иконы повыносили, но дальше дело не пошло. Никого из глубоко верующих от религии оторвать, конечно, не удалось. Но это ее тогда не очень огорчало.

Потом ее озлобленность против служителей культа кончилась. Прошла сама собой за другими делами и заботами. И когда она впервые по-настоящему приступила к работе с верующими, руководила ею уже любовь к людям, материнская, женская жалость.

Объявилась как-то в Талгаре новая целительница Маланья Христолюбова. «Божий человек», — говорили бабы и шли к ней со своими бедами и болячками. Судачили, что как только муж ее пропал без вести на войне, так и снизошла на нее божья благодать.

Мария Саратова как раз в то время работала по соцобеспечению и зашла в первый раз к Маланье по долгу службы. Вошла, огляделась. Самой любопытно, что же это за целительница. В комнате (жила тогда Маланья у чужих людей на квартире) все стены увешаны иконами, а кроме икон, считай, и нет ничего. В углу, на досках кое-какое тряпье навалено. Детишки по полу ползают.

Разговорились... Маланья и рассказала, что свекровь ее, старуха, недавно преставилась. Умирала — страдала несказанно. Оказывается, не могла свой дар унести на тот свет. Так и мучалась, пока, дескать, снохе все полностью не передала. И теперь она, Маланья, чувствует в себе это и людям от их болезней и напастей избавление несет. Она, дескать, и раньше-то в бога до страсти верила, а теперь вера эта в ней укрепилась и божье слово силу через нее, Маланью, имеет.

— Ну, и от чего же ты лечишь? — пряча улыбку, спросила Мария.

— От многого. От змеиного яда лечу, от собаки бешеной, от зубов, с глазами помогаю, суставы вправляю, от живота. По женской линии помогаю. Или когда муж пьет — богоматери нашей заступнице особую молитву пошепчу со словами тайными, глядишь, и утихомирится антихрист.

Говорила Маланья и сама верила. Уж неизвестно, чего ей там наказала перед смертью свекровь, но убеждена была она в своей чудесной силе.

Ничего ей в тот день не сказала Мария, только сделала пометку в блокнотике насчет материальной помощи. Дома она долго думала о Маланье. С одной стороны, вроде и зло берет, что

морочит она и людям и себе голову, а с другой стороны — жалко. Ладно бы, с какой корыстью она занималась знахарством, а то, по всему видать, клиенты милостями своими не особенно ее балуют. В доме куска лишнего нет. И вот ведь, глупая, шла бы куда-нибудь на работу, там, глядишь, и производство, и люди бы помогли. Конечно, трудно одной с ребятишками...

На другой день достала Саратова Маланье дров, кое-что из продуктов, карточки на детей и немного денег. Маланья аж растерялась от всего этого... Мария поговорила о том о сем, попросту, по-бабьи, и ушла. Только напоследок вроде бы простодушно поинтересовалась:

— Что же ты, Маланья, с богом накоротке, а для себя у него ничего не спросишь? Али не просила?

— Просила, — со вздохом призналась Маланья.

— Не помог?

— Нешто я у него одна? Есть и поплоше живут, здоровьем маются, а меня бог бережет.

— Да и у Советской власти ты не одна. Однако тебя не забыли.

280 раз после этого побывала Мария у Маланьи. 280 записей в дневнике повествуют об истории первой ее подопечной.

Дневники вести Мария приучилась, еще когда работала с Джамбулом. Выходила она от Маланьи и, примостившись где-нибудь на завалинке или около чужого заборчика на скамейке, записывала весь разговор. Зачем? Чтобы потом, дома, еще раз прочесть и понять, в чем на этот раз она была не права, а где Маланья дала слабинку, а она ее, может быть, не заметила... И хоть до сих пор 60-летняя Мария Николаевна сохраняет исключительно цепкую и ясную память, с дневниками работает по-прежнему. Теперь это стало потребностью. Дневник — капризная вещь. Он требует аккуратности и последовательности. Пропустил запись, другую — и рушится логика событий. И этим своим качеством он помогает Марии Николаевне доводить каждое дело до конца. Характер у нее на редкость упорный и беспокойный:

— Если у меня какое дело намечено, и я не успела сделать, то целую ночь не могу заснуть. Вот с тем же дневником. Ну, думаю, ладно, сегодня уже поздно, завтра запишу. Лежу, лежу, кручусь сюда-туда, потом поднимусь, прокрадусь на кухню, тихонечко нацарапаю, что нужно, и только к подушке прикоснусь, как меня уже нет.

Не удивительно, что в ее дневнике работе с одним убежденным верующим посвящено 430 страниц!

Теперь Маланья — ее близкая подруга и помощница, а тогда, несмотря на свой упорный характер, Саратова несколько раз хотела бросить эту затею. Может, и бросила бы, если бы не Маланьины ребятишки. Как только она представляла их дальнейшую судьбу, так снова и снова шла к этой женщине. И буквально с первых шагов поняла, что одними словами тут ничего не сделаешь. Нужна реальная помощь. Действенная.

Сперва Мария устроила Маланью на работу, потом, как только появилась возможность, построили ей маленький домик. Проследила, чтобы дети пошли учиться, за учебой их присматривала... И вынесла наконец Маланья из собственного уже домика все иконы. И призналась, что свекровь рассказала ей о некоторых травках, давно известных в народной медицине. И что не молитвы помогали, а травки. И что надеялась она на бога, а помогли-то ей люди, да и безбожники к тому же. И сказала, что отныне, даже по привычке, лба не перекрестит и другим, кто к ней за божьей помощью раньше ходил, закажет.

Это была победа. Первая. Самая трудная. Правда, и потом были сложные случаи, но тогда она уже верила в успех, уже знала, что он непременно придет, нужно только быть упорным, последовательным и уметь сострадать.

Я потому так подробно остановился на ее первом опыте, что в нем, как в капле воды, отразилась вся ее дальнейшая атеистическая деятельность, вернее, основной ее метод — сострадать слабым, помогать им, по-доброму вмешиваться в судьбу каждого.

Работать со вторым верующим ей помогала уже Маланья. Она приходила вместе с Марией и рассказывала о себе. Причем делала это по собственной воле. По ее словам, ей было обидно, что есть еще люди, которые сидят и на бога надеются.

Потом, когда Мария Николаевна начала работать в школе, к атеистической пропаганде она подключила почти весь свой ребячий актив. Книгоноши ходили по домам и читали книжки, подобранные ею специально для верующих. Они же сообщали ей, если замечали, что в какой-нибудь семье неблагополучно: пятилетнюю девочку ставят на колени перед иконой молиться или какого-то мальчишку не пускают в кино по воскресеньям — грехде это. Мария Николаевна брала эти семьи на заметку и немедленно начинала там работать.

И все-таки ей одной было бы невозможно поднять такое дело. Ребятишки — отличные помощники, но это все-таки ребятишки. Нужны были взрослые помощники, да и не помощники, а соратники, так же, как и она, увлеченные, заинтересованные. Где таких возьмешь? Вспомнила она свою Маланью, вспомнила и других... Интуиция и на этот раз не подвела ее. И вскоре она получила все основания для того, чтобы сказать, что нет более страстных пропагандистов атеизма, чем люди, убедившиеся на собственном опыте в иллюзорности религиозных взглядов и упований на бога. Человек, который с детства не верил ни в какого бога, относится к чужой вере чаще всего как к безобидному чудачеству, а бывший верующий не может оставаться равнодушным к тому, через что прошел сам.

Именно из бывших верующих и составила Мария Николаевна свой актив. Именно среди них она нашла помощников бескорыстных, страстных и заинтересованных.

Среди разноплеменного, разноязычного населения Талгара было и несколько семей азербайджанцев. Жили они обособленно, строго придерживаясь предписаний ислама. Долго приглядывалась к ним Мария Николаевна. Потом показалось, что один из них — Амерхан Гасанов — общительней, чем остальные. С ним и начала она исподволь работать.

Как именно — это целая история; и таких историй можно было бы рассказать 582 (одну мы уже рассказали), но это невозможно сделать в одном очерке: ведь это не просто истории — это судьбы человеческие. Поэтому обратимся сразу к концу. Нет в Талгаре более энергичного, более толкового и полезного помощника у Марии Николаевны, чем Амерхан Гасанов. О его увлеченности атеистическим делом говорит такой факт: выстроив новый дом для сына, он предложил, пока сын в армии, занять дом под центр атеистической пропаганды. И все это время в доме проводились собрания, выставки, читались лекции, показывались кинофильмы.

Из всего сказанного можно заключить, что, дескать, есть женщина, которая умеет помогать, разговаривать по душам и в этом-то и заключается талант пропагандиста атеизма. Талант — да, но не профессиональное умение. А в чем оно заключается?

В районном городе Талгаре живут и трудятся представители 25 национальностей — казахи, русские, украинцы, узбеки, уйгуры, немцы, поляки, татары, азербайджанцы, корейцы, цыгане, курды, лезгины и другие.

Мария Николаевна знает шесть языков: русский, казахский, татарский, узбекский, уйгурский, немецкий—и владеет ими свободно. Английский знает похуже, но тут ей помогает дочка. По-азербайджански может объясниться.

Чтобы ответить на любой вопрос, Мария Николаевна всю жизнь учится. Десятилетку закончила в 1961 году. В ее аттестате нет ни одной тройки. В ту пору ей было 44 года, она была матерью девятерых детей и женой инвалида Отечественной войны, который по хозяйству помочь ничем не мог. Как она училась — представить трудно...

Кроме того, Саратова закончила три факультета университета марксизма-ленинизма: научного атеизма, политической экономии и экономический. Еще она закончила четырехгодичную школу партийного актива.

Ею собраны, прочитаны и, большей частью, законспектированы более пятисот книг, брошюр и журналов. Своими руками она сделала сотни наглядных пособий и плакатов. Для этого ей пришлось выучиться писать шрифты, фотографировать, чертить.

А сколько она прошла по дорогам своего района, чтобы увидеть тот или иной религиозный обряд и потом найти в литературе историю его происхождения и рассказать об этом своим подопечным.

Прежде чем начать работу с человеком, она долго изучает его. И все это ложится в очередной дневник. Я уже говорил, что таких дневников у нее 583. Даже чисто зрительно это выглядит более чем внушительно, а если представить себе, сколько труда, сколько жизни вложено в каждый из них! Да что там говорить, даже хранить и содержать в порядке эти архивы — дело хлопотливое и сложное...

Мария Николаевна Саратова провела огромную научную работу. Жалко только, что результаты ее исследований пока не обобщены и не пропагандируются. Но в скором времени в Талгаре будет организован музей научного атеизма, и домашние Марии Николаевны наконец смогут вздохнуть свободно. Ведь все свои архивы и материалы она хранит в основном дома. А в ее маленьком домике с нею живут восемь человек — ее семья.

Кроме того, у Марии Николаевны около пятидесяти публикаций в местной печати, а уж сколько провела она радиопередач по местной трансляции — и не сосчитать.

Вот, пожалуй, не полный перечень того, из чего складывается ее профессиональное мастерство пропагандиста атеизма.

И только теперь, описав все три ее жизни и еще раз осмыслив все увиденное и услышанное, я понял, что ни одну из трех нельзя выделить как главную.

Но главная линия в ее жизни все-таки есть. Это ее постоянное стремление творить добро. Притом не только благими помыслами и порывами, а сердцем, руками, каждый день, как большую, трудную, но любимую работу.

Читайте в следующем номере:

НА СОКОЛИНОЙ ГОРЕ

Очерки, статьи, заметки о пребывании В. И. Ленина в подмосковном селе Троице-Лыкове, где он написал статью «О значении воинствующего материализма»

У. ТЕМИРОВ

УБЕЖДАЕТ САМА НАША ЖИЗНЬ

О ТОМ, КАК ЖИВУТ СЕГОДНЯ В СЕЛАХ КАРАЧАЕВО - ЧЕРКЕСИИ, РАССКАЗЫВАЕТ СЕКРЕТАРЬ ОБКОМА КПСС

Ю. ПЕРОВ

ПАМЯТНИК

Повесть

А. БАТАЛОВ

УРОКИ ТОЛСТОГО

Народный артист СССР о своих встречах с творчеством великого писателя

Д. УГРИНОВИЧ

СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ ГЛАЗАМИ СОЦИОЛОГОВ

Кризис религии в зарубежных странах

ДРУЗЬЯ И НЕДРУГИ «АНТИ-ДЮРИНГА»

А. ВОЛОДИН,
доктор философских наук

100 лет назад в Лейпциге вышло в свет первое издание книги Ф. Энгельса «Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. Философия. Политическая экономия. Социализм». Сегодня миллионам читателей во всех странах мира эта работа известна под кратким названием «Анти-Дюринг».

Выход книги Энгельса имел громадное значение прежде всего для германской социал-демократии. Сокрушительная критика Энгельсом мелкобуржуазного социалиста Дюринга (в своих многочисленных трудах, резко нападая на Маркса, Гегеля, Дарвина, Сен-Симона, Фурье и других выдающихся мыслителей, Дюринг проповедовал вульгарный материализм и позитивизм, субъективизм и волюнтаристскую теорию насилия) обнаружила перед читателями полную теоретическую несостоятельность и реакционность его воззрений, получивших весьма широкое распространение среди социал-демократов.

Благодаря книге Энгельса, в популярной форме излагавшей достижения и итоги предшествовавшего 30-летнего развития марксистской теории, социалисты не только Германии, но и других стран смогли воспринять марксизм как цельное мировоззрение — в органическом единстве всех его составных частей.

Вместе с тем в «Анти-Дюринге» Энгельс не только развил ряд научных положений, ранее освещенных в марксизме не столь фундаментально, но и выдвинул и разработал несколько совершенно новых важнейших тем, в частности вопрос о происхождении и исторических судьбах религии [1].

Как бы предвосхищая борьбу против будущих ревизионистов и догматиков, Энгельс категорически отверг в своей книге даже саму возможность какого-либо разрыва между теорией и методом в системе марксистского учения.

И по мере того, как на протяжении истекшего столетия ширился, развивался, приобретал новые формы процесс социального обновления мира, по мере прогресса науки, все более резко обнажавшего фундаментальные методологические проблемы познания действительности, все больше раскрывался и богатейший теоретический потенциал «Анти-Дюринга».

Книги — что люди. У каждой — своя неповторимая судьба, свои друзья и враги... «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты».

«Анти-Дюринг» еще только печатался, а у него уже появились горячие приверженцы, ярые пропагандисты, стойкие защитники.

Восторженно воспринял первые главы нового произведения Энгельса немецкий коммунист Ф. Лесснер, отрицательно относившийся к распространению идей дюрингианства среди социал-демократов Германии. 9 января 1877 года он писал Энгельсу: «Я только что прочел в «Vorwärts» начало твоей выдающейся работы... Это основательное и понятное разъяснение фактов рассеет заблуждения многих товарищей в рядах нашей партии...»[2]

Около двух месяцев спустя Маркс сообщал Энгельсу, что Петр Лаврович Лавров (известный русский революционер и теоретик, проживавший тогда в Лондоне и поддерживавший дружеские отношения с основоположниками марксизма) хвалит его статьи против Дюринга.

В апреле 1878 года другой русский революционер, близкий и Марксу и Энгельсу,— Герман Александрович Лопатин писал автору «Анти-Дюринга»: «Вы недавно напечатали в «Vorwärts» ряд очень интересных статей о философии и политической экономии Дюринга. Может быть, эти статьи уже изданы особо, в виде отдельного оттиска? В таком случае я буду Вам очень обязан, если Вы пришлете мне один или два экземпляра...»[3]

Первое отдельное издание «Анти-Дюринга» вышло в июле 1878 года. А уже через год с небольшим в русском подцензурном журнале «Критическое обозрение» известный русский экономист Н. И. Зибер выступил с положительной рецензией на эту книгу. В ноябре 1879 года он же опубликовал в другом легальном издании — журнале «Слово» — статью «Диалектика в ее применении к науке», содержащую сокращенный перевод почти половины книги.

Очень много для пропаганды труда Энгельса сделали первые российские марксисты, в особенности группа «Освобождение труда» во главе с Г. В. Плехановым.

Начиная с первых же своих произведений, на протяжении почти 30 лет, В. И. Ленин защищал, пропагандировал, развивал идеи «Анти-Дюринга» — этой первой энциклопедии марксистской мысли. Ленин называл «Анти-Дюринг» удивительно содержательной и поучительной книгой, настольной книгой всякого сознательного рабочего; многократно — более 70 раз — он ссылался на нее в своих сочинениях.

«Скажи мне, кто твой друг...»

Известно, однако, и другое: историческое значение того или иного произведения не в меньшей степени раскрывается при внимательном рассмотрении того, как встречали его, как отзывались о нем его недоброжелатели, его противники. Невозможно сосчитать, сколько было за столетнюю историю жизни Энгельсовой книги попыток похоронить ее, запретить, высмеять, оболгать...

Одним из первых пристрастных читателей «Анти-Дюринга» в России был цензор К. Виддер. Через полтора месяца после выхода книги Энгельса Виддер — человек, по всей видимости, весьма неглупый, а как читатель — внимательный — представил на рассмотрение Центрального комитета цензуры иностранной (было такое ведомство в охранительной системе российского бюрократического аппарата) свой рапорт о ней.

Из всего содержания книги Виддер выделил две идеи, действительно важнейшие — идею пролетарской революции, ведущей к уничтожению классов, и идею отмирания религии в будущем обществе.

«...Автор говорит, — конспектировал Виддер Энгельса,— что религия есть не что иное, как фантастическое отражение в мыслях людей тех внешних сил, от которых зависит их существование; уничтожения этого отражения, в которых земные силы являются в образе сил сверхъестественных, нельзя достичь одним сознанием, необходимо и дело. И вот, когда это дело будет исполнено, когда общество освободится от угнетающей его власти, когда человек будет не только предполагать, но и располагать, — тогда только исчезнет последняя посторонняя сила, отражающаяся в рели-

[1] Подробнее об этом см.: «Энгельс-теоретик». М., 1970, стр. 205—213.
[2] Цит. по кн.: «Фридрих Энгельс. Биография». М., 1970, стр 351.
[3] «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия». М., 1967 стр. 346.

гии, а с тем вместе исчезнет и само религиозное отражение»[4].

В этих словах — сжатое (и достаточно объективное) изложение поистине замечательных мыслей Энгельса о происхождении и сущности религии, ее историческом развитии, а также о предпосылках и условиях грядущего ее исчезновения.

Энгельс писал однажды, что его «Анти-Дюринг» весь проникнут враждебностью к религии[5]. Однако атеизм этого произведения принципиально, коренным образом отличался от того вульгарного отрицания религии, которое было свойственно некоторым мелкобуржуазным социалистам, полагавшим возможным и необходимым просто-напросто запретить религию на второй день существования социалистического общества.

С подобными воззрениями Маркс и Энгельс полемизировали, в частности, еще во время борьбы с бакунистским анархизмом. В одном из писем 1871 года Энгельс назвал сектантским бакунистское программное требование объявить атеизм и материализм «обязательными»[6]. В одной из статей цикла «Эмигрантская литература» (1874 г.), выступая против современных ему бланкистов (сходившихся в данном вопросе с бакунистами), Энгельс категорически отверг их левацкую идею — отменить бога декретом, превратить всех людей в атеистов по приказу свыше. Энгельс считал несомненным: «Единственная услуга, которую в наше время можно еще оказать богу, — это провозгласить атеизм принудительным символом веры и перещеголять противоцерковные законы Бисмарка о культуркампфе — запрещением религии вообще»[7].

Идеи Дюринга о запрещении религии в утопическом созидаемом им будущем «социалитарном» обществе являли собой еще один яркий образчик подобной «детской болезни левизны». По словам Энгельса, «г-н Дюринг не расположен ждать, пока религия умрет своей естественной смертью. Он поступает основательнее. Он перебисмаркивает самого Бисмарка... он натравливает своих жандармов будущего на религию и помогает ей, таким образом, увенчать себя ореолом мученичества и тем самым продлить свое существование»[8].

Категорически отмежевываясь от этого примитивного атеизма, ведущего на деле к укреплению религии, Энгельс и включает в последнюю главу «Анти-Дюринга» прекрасный, глубоко содержательный этюд о прошлом, настоящем и будущем религии[9].

Это — не только своего рода резюме предшествовавшей разработки истории и теории религии в марксистской мысли (сохранившиеся подготовительные материалы свидетельствуют о тщательной работе Энгельса над данным текстом), но и, как показал дальнейший исторический опыт, принципиальная исходная основа научной теории атеизма вообще. Глубокий историзм — вот стержень рассуждений Энгельса о религии как особой форме фантастического отражения действительности, в котором «земные силы принимают форму неземных».

Естественно, что идеологический охранитель российского самодержавия Виддер эти идеи, как и положение о будущем крахе строя угнетения и эксплуатации, оценил как «неудобные» для дозволения, а высшие цензурные власти на этом основании порешили запретить распространение книги.

Спустя 16 лет (Виддер к тому времени уже умер) этот запрет был подтвержден. Другой цензор — А. Копылов, просматривая новое, третье немецкое издание «Анти-Дюринга», нашел в нем те же места, на которые ранее обратил внимание его предшественник. Как противоречащую официальной идеологии характеризовал Копылов мысль Энгельса о «неминуемости социалистического переворота», отметив также обязательность запретить к распространению положение Энгельса о том, что «новый социалистический строй общества неминуемо уничтожит и религию, которая тогда сделается излишней».

Вывод цензора, обосновывавший подтверждение «остаться при прежнем решении», звучал весьма определенно: «...Сочинение, несмотря на свою полемическую цель и характер, может заменить вполне социалистический катехизис и по ясности и логичности доводов является опасным орудием социал-демократической пропаганды»[10].

Пройдет еще 12 лет — и запрет «Анти-Дюринга» будет в третий раз подтвержден цензурой. «Энгельс в этой книге,— писал в своем докладе, помеченном 29 ноября 1906 года, цензор В. Росковшенко, — проповедует борьбу труда с капиталом, чистый социализм, отвергает при социалистическом строе необходимость всякой религии; призывает пролетариат к объединению. Одним словом, эта книга является орудием пропаганды социализма и пролетариата»[11].

А между тем, в то время как очередное немецкое (Штутгарт, 1901 г.) издание «Анти-Дюринга» на основании этого рапорта запрещалось к обращению в России, в стране распространялся русский перевод книги. Причем издан он был вполне легально, хотя неполно и с ошибками, довольно сильно искажавшими смысл многих положений.

Книга была отпечатана без предварительной цензуры в 1904 году сравнительно небольшим тиражом (2 450 экз.) под названием «Философия. Политическая экономия. Социализм (Переворот в науке, произведенный Дюрингом)» (СПб., издание В. И. Яковенко). Когда экземпляры книги поступили в Петербургский цензурный комитет, цензор Соколов без труда установил, что под измененным заглавием перед ним русский перевод запрещенного произведения Энгельса. Правда, лично он допускал возможным выпустить данную книгу в свет, но при обязательном условии — исключить из нее целый ряд «недозволенных» положений. Соколов отметил 26 страниц, содержащих резкие, по его мнению, нападки «на христианскую религию и христианскую нравственность»[12]. Однако цензурный комитет, возглавляемый А. Катениным, не счел возможным разрешить выпуск книги: он посчитал, что от распространения «означенного издания», которое представляет собой «краткое, но вполне ясное и доступное массе читателей изложение главнейших оснований учения Маркса и его доводов о неизбежности изменения нынешнего общественного строя на началах социалистических», может произойти «особый вред». Окончательное решение зависело теперь от Комитета министров.

Издатель Яковенко активно ходатайствовал о разрешении выхода книги, хотя бы с купюрами. В конце концов это и было разрешено. В 1904 году этот перевод,— «к сожалению, не только с пропусками, но прямо плохой перевод, с ошибками»[13], как охарактеризовал его В. И. Ленин,— вышел в свет[14].

И сразу же русское издание «Анти-Дюринга» подверглось критике со стороны недоброжелателей. Не качество перевода, а именно основное содержание книги Энгельса стало объектом резких нападок.

Атаку повел небезызвестный Н. А. Бердяев. Бывший «легальный марксист», завершавший к тому времени эволюцию через неокантианство к богоискательству, выступил по поводу работы Энгельса в рубрике «Дневник публициста» февральского номера журнала «Вопросы жизни» за 1905 год с хлестко написанной статьей «Катехизис марксизма».

Отношение Бердяева к «Анти-Дюрингу» было отчетливо выражено уже в первом абзаце этой статьи: «Нужно приветствовать появление наконец в русском переводе катехизиса марксистской философии. Пусть перечтут знаменитую книгу Энгельса «Anti-Дюринг»... Она является почти что единственным источником догматической части марксистского богословия. Пусть присмотрятся к этому багажу диалектического материализма, почти единственному багажу, и легенда об этой великой, все переворачивающей философской теории должна наконец пошатнуться».

И вот, усердствуя изо всех сил, чтоб, если не опрокинуть, то хотя бы «пошатнуть» эту «легенду» о величии марксистской философской теории, Бердяев тщится показать в своей статье, что вся система марксизма, представленная в «Анти-Дюринге», есть оторванный от действительности «чистый рационализм», поскольку, как он пишет, «марксизм наивно и оптимистически верит в торжество разума в исторической судьбе человечества, все для него совершается в рациональных схемах, все последовательно, все предугадано». Для Бердяева диалектический материализм представ-

---

[4] «Красный архив», 1935, т. 4 (71), стр. 12.
[5] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 384.
[6] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 202.
[7] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 514. «Культуркампф» — политика правительства Бисмарка в 70-х годах XIX в., направленная против католической церкви и имевшая целью путем разжигания религиозных страстей отвлечь часть рабочих от классовой борьбы.
[8] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 330.
[9] См.: Там же, стр. 328—330.
[10] «Красный архив», 1935, т. 4 (71), стр. 13.
[11] Там же, стр. 15—16.
[12] Там же, стр. 14—15.
[13] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 373.
[14] В 1905 г. этот перевод вышел вторым изданием, а в 1907 г. был издан полный перевод «Анти-Дюринга».

ляет собою логически нелепое сочетание понятий, вроде «черной белизны» или «деревянного железа», поскольку-де в сочетании диалектики и материализма заключена «чудовищная логизация материи»: Бердяев знать не желает иной диалектики, кроме идеалистической.

Прямо беря Дюринга под защиту от «несправедливого и придирчивого» Энгельса и походя бросив пару нелестных фраз об «экономическом материализме», который будто бы защищает Энгельс, Бердяев открыто присоединился к дюрингианской теории насилия, приспосабливая ее, впрочем, к собственным воззрениям: «Политическое насилие лежит глубже экономической эксплуатации», а потому — долой всякую власть, хотя бы и народную. И уж совсем прямой клеветой на Энгельса и его книгу звучали слова Бердяева о том, что в книге Энгельса «все индивидуальное призрачно», «самоценность прав личности» решительно отвергается.

Вольно или невольно бывший критик народничества в этих своих нападках на Энгельса всего лишь повторял те аргументы против «Анти-Дюринга», которые приводились в многочисленных статьях либерально-народнического журнала «Русское богатство», начиная с работ Н. К. Михайловского и кончая, скажем, выступлением Х. И. Житловского (последний напечатал в этом журнале в 1897 году обширную статью «Материализм и диалектическая логика»[15], направленную в основном против «Анти-Дюринга»).

Расправившись таким образом с Энгельсом, Бердяев предлагал отказаться от философского монизма в пользу плюрализма, от идеи детерминизма в пользу иррационализма, освободить науку и философию от политики, а политику — от «мертвящего доктринерства»...

В общем, по словам Бердяева, искать в работе Энгельса «сколько-нибудь удовлетворяющего миропонимания и поучения было бы просто смешно. Книга эта устарела во всех своих частях и не стоит на высоте современного состояния науки и философии, не соответствует современной социальной действительности, грубо противоречит современным настроениям и исканиям».

Так писал один из ярых недругов «Анти-Дюринга» в 1905 году.

Более семи десятилетий прошло с тех пор, а современные антимарксисты почти слово в слово повторяют все те же заклинания об «устарелости» книги Энгельса, которыми пробавлялся Бердяев и подобные ему критики марксизма конца XIX — начала XX века.

Вот один из типичных отзывов о книге Энгельса, принадлежащий перу современного западногерманского «марксолога» Иринга Фетчера: «Работа Энгельса «Анти-Дюринг», написанная им по случайному поводу, очень скоро легла в основу мировоззрения социал-демократии, а впоследствии большевиков. Сейчас эта работа не имеет больше никакого значения для западноевропейского рабочего движения и вообще для демократического социализма, а в то же время коммунистические партии рассматривают ее как своего рода вторую Библию после «Капитала» Маркса...»[16].

Сколько их было и есть, прошлых и современных противников «Анти-Дюринга», без конца сдающих его в архив! А книга все живет. Злобные же выпады против нее звучат лишь как своеобразные свидетельства ее силы и современности.

И вот на что под конец хочется обратить внимание. Идеалистический, богословский, скажем грубо — поповский характер мышления разномастных противников «Анти-Дюринга» ярко отражался в тех определениях, которые они — сколь бы ни различались их социально-политические и мировоззренческие позиции — давали книге Энгельса: «социалистический катехизис», «катехизис марксизма», «марксистская Библия»... Это сходство наклеиваемых ярлычков весьма показательно.

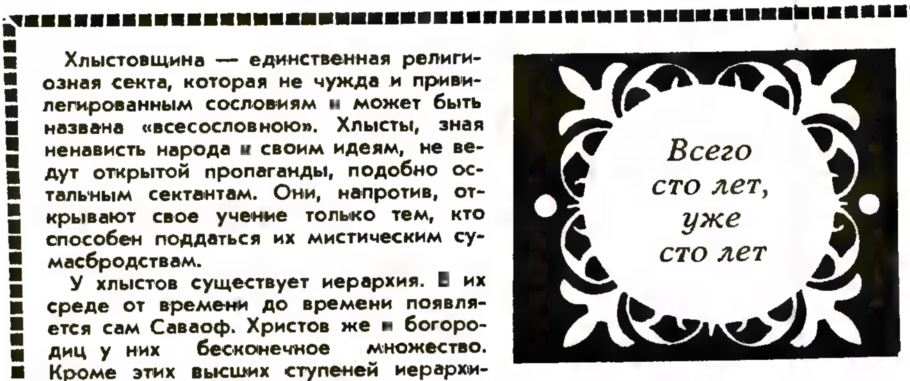
Творческий характер марксистской теории, блестяще показанный Энгельсом в «Анти-Дюринге», остался для его противников книгой за семью печатями. Ни раньше, ни теперь они не могли и не могут понять, что в учении Маркса—Энгельса—Ленина нет ничего от религии. Оно призывает не к вере в какие бы то ни было догматы, а ко все более глубокому изучению постоянно развивающейся действительности и отражающего ее сознания.

Если мы говорим, что книга Энгельса и поныне живет в системе научного мышления — и шире: в духовной культуре человечества, то это вовсе не означает, что остались бесспорными все ее положения: еще в начале века Ленин писал о возможности пересмотра некоторых «натурфилософских» положений «Анти-Дюринга», то есть ряда уже и тому времени устаревших естественнонаучных представлений. Речь идет об ином — прежде всего о том, что пронизывающая всю книгу диалектика научного исследования вошла в самую плоть современного философского, социологического и экономического знания.

И в наши дни, спустя столетие после выхода «Анти-Дюринга», невозможно быть подлинным марксистом, не разделяя принципиальную мировоззренческую материалистическую позицию ее автора, не умея применять содержащуюся в нем диалектическую методологию для решения новых задач, выдвигаемых социальной практикой, всей совокупностью общественных и естественных наук, не учась у Энгельса — так же как мы этому учимся у Маркса и Ленина — бескомпромиссности в борьбе с разного рода сознательными или бессознательными путаниками, выдающими свое высокопарное теоретическое крохоборство, свой убогий, но тем не менее весьма претенциозный эклектизм за последнее слово научной мысли.

[15] Этот опус обратил на себя внимание В. И. Ленина (см.: Полн. собр. соч., т. 46, стр. 15) и Г. В. Плеханова (см.: Избр. философ. произв., т. III. М., 1957, стр. 79—84).

[16] I. Fetscher. Von Marx zur Sowjetideologie. Frankfurt a./M., 1963.

О чем писали русские газеты и журналы в июле 1878 года

Хлыстовщина — единственная религиозная секта, которая не чужда и привилегированным сословиям и может быть названа «всесословною». Хлысты, зная ненависть народа к своим идеям, не ведут открытой пропаганды, подобно остальным сектантам. Они, напротив, открывают свое учение только тем, кто способен поддаться их мистическим сумасбродствам.

У хлыстов существует иерархия. В их среде от времени до времени появляется сам Саваоф. Христов же и богородиц у них бесконечное множество. Кроме этих высших ступеней иерархической лестницы у них существует в каждом «корабле» (то есть хлыстовской религиозной общине) «пророк». Каковы отношения хлыстов к своим пророкам, можно видеть из обряда «целования колен» пророчиц, который употребляется при их радениях. Ни один корабельщик не задумается броситься в огонь и в воду, если прикажет это кормщик корабля; всякий последователь ереси с благоговением сделает самый безнравственный поступок по желанию пророка в полной уверенности, что он исполняет волю божию...

«Неделя»

О самоубийстве в Нижнегородском женском монастыре. Преподобная мать-игуменья, имея у себя в послушницах свою родственницу, девушку-сиротку 16 лет, обращалась с ней крайне грубо, заставляя ее целые почти ночи сидеть за работою без отдыха, а днем посылая за несколько верст по воду, несмотря на то что для этого имелся монастырский дворник. Игуменья, как говорят, подвергала свою послушницу бичеваниям. Доведенная жестоким обращением до крайности, молодая девушка решилась покончить с жизнью. В воскресенье, 1-го июня игуменья по обыкновению послала свою послушницу за водою на ключ. Девушка ушла, но не на родник, а на Волгу, где ей было довольно сделать один роковой шаг, чтобы покончить свое бедственное существование.

«Современные известия»

ТРАКТАТ, НАПИСАННЫЙ НА КОРАБЛЕ

Б. РЫБАКОВ, академик

Чем больше достоинств находим мы в «Слове об идолах», тем важнее для нас определить время написания трактата.

Все дошедшие до нас списки — поздние. Самым надежным и, по всей вероятности, наиболее близким к оригиналу является Новгородский Софийский XV века, самым кратким (но содержащим иногда более полные фразы) — Паисиевский XIV—XV веков, а наиболее дополненным позднейшими сведениями — Чудовский XVI века. Ни один из них не дает прямых указаний на дату написания «Слова». Различные исследователи этого произведения расходились в датировке на несколько веков — от XI до XIV. Попытаемся собрать воедино все приметы времени и авторства, содержащиеся в самом «Слове».

Автор почти несомненно принадлежал к духовенству. Его фраза об алчности «череву работних попов», получающих долю в языческих пиршествах в честь Рода и рожаниц, может указывать лишь на то, что он относился не к белому, а к черному духовенству. И был он, по-видимому, не простым монахом: был достаточно образован, знал греческий язык и обладал средствами для далекого путешествия. Судя по маршруту корабля (Эгейское море—Афон—Константинополь), автор мог быть паломником, возвращавшимся из Святой земли.

Одним словом, если бы мы хотели опознать человека, похожего на нашего автора, то можно было бы предположительно назвать игумена Даниила, паломника, плававшего в Палестину в 1106—1107 годах и написавшего знаменитое «Хожение», где описаны и сарацинские земли и фряги-крестоносцы. Чем больше мы знакомимся с отдельными мелкими приметами в «Слове об идолах», тем полнее и достовернее становится эта аналогия.

«Сарацинские вставки» (может быть, приписки того же автора на полях?) обнаруживают текстуальную близость к «Повести временных лет», где в «речи философа» говорится о скверных обычаях болгар-мусульман, последователей нечестивого Бохмита. В «Слове об идолах» текст более широкий и более подробный: на первом месте упоминаются сарацины, говорится и о торкменах (очевидно, туркменах-сельджуках) и куманах; указывается, что болгары восприняли эти обычаи от «аравитских писаний». Самое интересное, что в этих маргинальных записях кроме искаженного имени Магомета — «Бохмит» дано значительно более правильное фонетически — «Моамед».

Автор «Слова» ссылается на книгу «Сарацинского жреца Моамеда», показывая осведомленность в вопросах ислама несколько большую, чем составитель «Повести временных лет». Нельзя исключать возможность того, что колоритные подробности сарацинских обрядов взяты в летопись из нашего «Слова», а это могло быть сделано только до 1113—1116 годов.

Большой интерес представляют языковые, диалектологические черты «Слова об идолах». Автор злоупотребляет указательными местоимениями, близкими к постпозитивному артиклю: «вере той», «бога их», «по украинам их», «омытье то» и другие. Такую особенность мы встречаем в древнерусских памятниках только в двух случаях: в «Хожении» игумена Даниила («остров тот», «месте том», «столп-от») 1107 года и в летописной повести о шаруканском походе 1111 года («смерд тот», «лошадью тою»), которую с полным основанием мы можем приписать тому же Даниилу. Во всех случаях это связано с переходом от книжной речи к разговорной. «Слово об идолах» — третье литературное произведение, в котором проглядывает эта (по всей вероятности, черниговская) диалектная черта.

Еще одной приметой, приближающей «Слово об идолах» и к началу XII века и к игумену Даниилу, может явиться ошибочное написание «юса малого» в тех случаях, где должен стоять «аз», буква «а» (в словах «трапеза», «рожаницам», «антихриста», «богословца»). Неоправданная замена «а» на «юс» объяснима особенностями греческой графики XI—XII веков, где «альфа» встречается в формах, очень близко напоминающих русский «юс малый». Наш автор, переводивший Григория Богослова, постоянно имел перед глазами греческий текст, и греческая графика могла повлиять на его почерк.

В русских датированных материалах с такой особенностью мы встречаемся только один раз в надписи XII века в Софийском соборе в Киеве: «Г[оспод] и помилуи помози помяни Данила», где вместо «я» в слове «помяни» и вместо первого «а» в имени «Данила» стоит «юс малый». Надпись сделана под рисунком какого-то сооружения с крестом наверху. Другая надпись сбоку поясняет, что это — ледяная церковь и алтарь; алтарь погаснет, а церковь растает. Следовательно, рисунок изображает «иордань», ледяную церковь, сооружаемую на реке из больших кусков льда в праздник крещения, 6 января.

Автор надписи, Даниил, не назвал себя «рабом божьим», как того требовала обычная формула, а такое отступление от правил дозволялось лишь высшему духовенству. Летопись позволяет указать на конкретное историческое лицо, с которым можно связать эту надпись: 6 января 1114 года здесь, в Софийском соборе, был хиротонисан юрьевский епископ Даниил: «Поставиша Данила епископом месяца генваря в 6 на крещенье господне». Этот Даниил обладал почерком с явными грецизмами, как и автор «Слова об идолах».

Последняя мелкая примета в «Слове об идолах», о которой стоит упомянуть, еще раз возвращает нас к имени Даниила. В греческом подлиннике «Слова святого Григория на богоявление» нет совершенно ссылок на язычников, упоминаемых Библией. В русском переложении, как уже говорилось, дополнения идут по двум направлениям: славянское (точнее — русское) язычество и ислам. Но есть одно исключение и оно касается пророка Даниила, уничтожившего идола Ваала-Вила. Во всем «Слове об идолах» пророк Даниил — единственный христианский персонаж, названный по имени.

Ни одна из выявленных примет сама по себе, взятая отдельно, не имеет доказательной силы и не помогает в решении вопроса о дате и об авторе интересующего нас «Слова об идолах». Но в своей совокупности, в своем перекрестном сцеплении все эти мелкие наблюдения и сопоставления образуют известную систему, с которой нельзя не считаться.

Паломника игумена Даниила, хорошо владевшего пером, объединяет с автором «Слова об идолах» не только плавание по Эгейскому морю и монашеский сан, не только литературное мастерство и знание греческого языка, но и редкие особенности языка, знание сарацинских и фряжских обычаев.

Автора безымянного «Слова об идолах» сближает с автором безымянной же повести о шаруканском походе (походе русских князей на Шарукань в 1111 г.) то, что оба они выпячивают в своих произведениях пророка Даниила, что при обычной средневековой анонимности может служить указанием на имя автора.

Автор «Слова об идолах» и Даниил, нарисовавший «церковь ледяну» на стене киевской Софии, связаны написанием «а» в форме «юса», что во всей Руси представлено только этими двумя примерами.

Разнородные параллели, перечисленные выше, образуют компактную, замкнутую в рамках одного десятилетия, хронологическую группу:

сарацинские вставки в летопись — до 1113—1116 годов,

надпись Даниила в Софии — 1114(?) год,

Окончание, начало см. в № 6.

повесть о шаруканском походе — после 1111 года,

«Хожение» игумена Даниила — 1107 год.

Хронологические разыскания сами по себе привели неожиданно и к решению вопроса об авторе. Резуместся, утверждать, что автором «Слова об идолах» мог быть только игумен Даниил, нельзя, но это предположение подкреплено большим количеством совпадений, не признавать которые невозможно.

Со всей той мерой предположительности, какую нам приходится применять ко всем средневековым анонимным памятникам, я предлагаю условно считать, что «Слово об идолах» написано игуменом Даниилом летом 1107 года на обратном пути из Палестины на Русь.

Игумен Даниил достаточно прославился одним своим «Хожением». Если же мы дополним его наследие «Словом об идолах» и повестью о шаруканском походе, то перед нами окажется крупный и разносторонний писатель эпохи Святополка и Мономаха.

Одна счастливая случайность сохранила нам былинную биографию Даниила в форме, близкой к духовному стиху.

В последней битве русских войск с прославленными половецкими ханами Боняком и Шаруканом Старым на берегах Сулы под Лубнами 12 августа 1107 года произошел редкостный эпизод: раненого русского богатыря Михайлу находит на поле боя, среди вражеских трупов его отец — паломник Данило, возвращавшийся именно в это время из поездки в Иерусалим, в черном монашеском платье и с каким-то «днищем корабельным», полным ключевой воды, которой он и омыл раны сына. Необычность такого эпизода была достаточным основанием для сложения былины, где в общее описание блистательной победы русских вплетен рассказ о Даниле. События августа 1107 года происходили на территории Праславянского княжества, где княжил Владимир Мономах. Именно при его дворе слагался в эти годы новый цикл героических былин о битвах с половцами и былин-новелл. Здесь оказалась и былина о калике Даниле Игнатьевиче. Право на сопоставление былинного героя с игуменом Даниилом нам дает поразительное совпадение хронологии событий:

отъезд Даниила из Иерусалима — апрель 1107 года,

приезд Даниила на Русь — примерно июль—август 1107 года,

битва с половцами под Лубнами — 12 августа 1107 года.

Былина содержит биографические данные о Даниле Игнатьевиче. Он был ранее княжеским богатырем и на традиционном пиру у Владимира сказал князю:

Ведь жил я у тя во Киеве
да шестьдесят годов,
Как сносил я у тебя во Киеве
да шестьдесят боев...
Было у меня во Киеве
с молодости погрежено,
А погрежоно у меня да покурежоно,
А под старость мне-ка хочется
кабы душа спасти...
Ай да постричися в ризу черную
Да наложить на собя скиму спасеную,
А сотригтися мне к Федосью-Антонию
в Пещер-монастырь.

Данила просит князя «А ты позволь мне-ка снять платье богатырское, а да одеть мне-ка скиму да нонь калицкую» и оставляет вместо себя своего сына «постоять Киеву обороною». Битва с Кудреваном (Шаруканом) и ханом Боняком произошла через 3 года (или через 7 лет) после ухода Данилы в монахи. Отсюда мы получаем расчет былинной биографии Даниила: родился он в 1040 или 1044 году и постригся в 1100 или 1104 году; возвратился из Палестины в 1107 году. Есть в былине еще одна деталь, связывающая былинного паломника с автором «Хожения». Родиной игумена Даниила все давно считают Черниговщину, так как он сравнивал извилистую реку Иордан с черниговской Сновью. В одном из вариантов былины о Даниле Игнатьевиче говорится о том, что он живет с молодой женой в Чернигове. Сын его в своих молитвах на поле боя поминает не киевские церкви, а кафедральный собор Чернигова.

Если былина сообщает нам о том, что монах и паломник Данила Игнатьевич был долгие годы богатырем и боярином (о последнем говорит упоминание отчества), то в строках «Хожения» игумена Даниила мы много раз убеждаемся в том, что автор путеводителя до монашеской рясы носил богатырское платье: он много проехал верхом по знойным пескам Палестины, он «борзо» лазил по скалам, нырял на глубину шести метров в горную реку и многие расстояния измерял воинской мерой — «перестрелом» стрелы «доброго стрельца», а там, где он мерил «своею пядью» или «своею саженью», мы, зная эти меры, видим, что Даниил был высоким, широкоплечим человеком, размах рук которого на шесть сантиметров превышал среднюю величину сажени.

Таким предстает перед нами предполагаемый автор замечательного трактата о русском язычестве.

Трактат Даниила, может быть, и не отличается такой безупречной литературной отшлифованностью, как, например, «Слово Исайи пророка о поставляющих вторую трапезу Роду и рожаницам», но все его составные части вполне логичны, целостны внутри себя и расположены в нужном порядке.

На общем фоне обличения античного язычества Даниил дает три раздела, посвященные славянским верованиям.

Первый раздел содержит общий очерк русских языческих представлений и обрядов, изложенный с такой же степенью лаконичности, как и язычество эллинов.

Второй, тоже предельно краткий раздел дает нам драгоценную периодизацию, поражающую нас глубиной познаний автора.

Третий раздел посвящен характеристике современного автору состояния религиозных воззрений русских людей начала XII столетия, в сознании которых наряду с христианством еще существовали и архаичные упыри, и Перун, и предшествовавший Перуну Род.

После того как конспект греческого «Слова Григория Богослова» был дополнен этими тремя русскими разделами, автор решил усилить отрицательное отношение к язычеству, причислив к нему и Моамеда, и мерзкие обычаи сарацин, болгар и турок, «и олико их есть в вере той». Вспомним, что Даниил был свидетелем первого крестового похода, другом Балдуина («познал мя бяше добре и люби мя велми») и хорошо знал о военном натиске неверных сарацин, который в преувеличенной форме отразился и в былине: «Не стало в Иерусалиме четья-пенья церковного, звона колокольного от Идолища поганого». Сарацинские приписки были откликом на ту широкую войну против христианского мира, которую вели тогда сарацины. Даниил в своем трактате указал три враждебные христианству силы: античное язычество, с которым боролись ранние христиане, свое, русское язычество, мешавшее современникам Даниила, и угрозу всему христианству начала XII века — воинствующий ислам.

«Слово об идолах» — не нагромождение вставок и нескладных переводов, а умный и логичный конспект трактата о язычестве, пополненный актуальными для эпохи крестовых походов выпадами против мусульманства.

Нам надлежит проверить интереснейшую и привлекающую своей глубиной периодизацию славянского язычества, перевести относительную хронологию трактата Даниила в абсолютные даты. Кроме того, для нас принципиально важно, что в своем последнем разделе, посвященном русскому двоеверию после принятия христианства, автор упоминает как сосуществовавшие в его время, в начале XII века, культы всех ступеней его периодизации: русские люди эпохи Владимира Мономаха верили и в Перуна, которому приносил кровавые жертвы еще прадед и тезка Владимира, и в архаичных, идущих из глубин первобытности упырей и берегинь. Важно и то, что главным и повсеместным, самым живучим и неистребимым оказался культ не самого Перуна, а его предшественника — Великого Рода и его рожаниц.

Принципиальное значение этих этнографических констатаций Даниила состоит в том, что в истории религии, очевидно, следует искать не смену верований, не полное вытеснение старого новым, а наслоение нового на всю сумму более ранних представлений, создание амальгамы разновременных и разностадиальных элементов.

Однако это положение подлежит тщательной проверке. Если автор «Слова об идолах» оперировал этнографическим материалом своего времени, то надлежит обратиться к доступным нам материалам XIX — начала XX века и проверить степень сохранности в них архаичных элементов. Нам нужно знать глубину народной памяти.

Этнографический материал XIX и даже XX веков по славянскому язычеству безбрежен; уже первая солидная сводка его Афанасьевым заняла три больших тома. Последующие стали как бы сводками второй степени, отражая не столько анализ самого материала, сколько сумму накопленных сведений о нем. Ко всем видам словесного фольклорного творчества добавляется описание обрядов, жертвоприношений, хороводных танцев и игр; к этому необходимо добавить рассмотрение народного изобразительного искусства, орнамента. Большую помощь в изучении язычества должна оказать лингвистика.

Окончательное расчленение этого почти необъятного материала на исторические стадии — дело будущего. Здесь хотелось бы дать только несколько примеров, произвести несколько зондажей в толщу всей массы данных о язы-

честве с целью определения хронологической глубины.

Для исторического рассмотрения проблемы язычества отнюдь не безразлично, отражает ли обильный и драгоценный этнографический материал только последнюю, сравнительно недавнюю стадию религиозных представлений или же он донес до нас и тысячелетнюю архаику отдаленной первобытности.

В общей форме ответ предрешен: этнография дает нам как бы в спрессованном, совмещенном виде элементы всех стадий. Но нам нужно знать степень полноты информации, необходимо по возможности точно связать пережитки с той эпохой, с той конкретной исторической действительностью, которая породила изучаемые явления, проследить эволюцию и трансформацию религиозного мировоззрения на последующих этапах, когда на него накладывались новые слои представлений.

Для этого необходимы прежде всего опорные датировочные точки, хронологические ориентиры. Можно идти двумя путями: от точно датированного древнего источника подниматься вверх, к современности и прослеживать степень сохранности тех или иных явлений. Можно идти и другим, ретроспективным путем, начиная с этнографии и постепенно углубляясь в века и тысячелетия с помощью исторических и археологических данных. Недостатка в этнографических загадках, требующих такой ретроспективной расшифровки, не будет. Мы должны использовать оба пути...

Испробуем сначала восхождение от древнего к современному. Возьмем рассмотренное нами «Слово об идолах» и попытаемся проследить позднейшую судьбу и степень живучести тех славянских обрядов, которые упомянуты игуменом Даниилом.

«Огневы Сварожицю молятся». Культ огня в самых различных формах дожил до начала XX века повсеместно. Огонь называют «богом», «святым огнем»; при вздувании огня читают молитвы. Огонь переносят из старого жилища в новое. В определенных случаях зажигают путем трения новый «живой огонь». «Мы почитаем огонь как бога», — говорили жители Подолии. «Его (огонь) нужно почитать все равно как бога. У нас огонь почитают, так как он может спалить», — говорили на Полесье.

Видное место занимает огонь в заговорах-заклинаниях. В Сибири записан заговор от всех болезней, который следует произносить в бане на горячие угли:

Батюшко ты Царь-Огонь,
всеми ты царями царь,
всеми ты огнями огонь.
Будь ты кроток, будь ты милостив!
Как ты жарок и пылок,
как ты жжешь и палишь
в чистом поле травы и муравы,
чащи и трущобы,
у сырого дуба подземельные
коренья...
Тако же я молюся и корюся тебе-ка,
батюшко
Царь-Огонь,— жги и спали с раба
божия (имя рек)
всяки скорби и болезни...
страхи и переполохи...

Множество обрядов связано с печью, с овином и со светцом. На границе Украины и Белоруссии бытовал интересный обряд, связанный с первым зажиганием света осенью (1 сентября); он назывался «женитьбой комина». «Комин» белили, увивали спелым хмелем, цветами. Когда зажигали лучины, сыпали на них орехи, дынные семена, куски солонины и комья масла. В Киеве устраивали «садьбу свечи»: ставили срубленное деревце, обвешанное фруктами, дынями и украшенное восковыми свечами. Интересные данные о священном огне приводит белорусский этнограф А. Сержпутовский: «В торжественных случаях, когда требуется добыть древний священный огонь, имеющий свойство, по народным воззрениям, предохранять человека от того или иного несчастья, прибегают к особым приемам, которые передавались из рода в род и достигли нашего времени».

При постройке дома на новом месте «нужно устраивать новый очаг, перевести сюда покровителей-духов, которые привязаны к старому очагу, а для этого необходимо добыть священный огонь и торжественно перенести его из старого очага в новый...». И т. д., и т. п.

Древние источники говорят о культе Сварожича под овином, где должен гореть огонь, высушивающий снопы. Белорусы, разводя огонь под овином, бросали в него необмолоченный сноп ржи — жертву огню.

Таким образом, мы видим, что культ огня дожил почти до наших дней. Исчезло только наименование его Сварожичем. Очевидно, это произошло давно, так как нигде нет никаких следов этого имени.

«И навьм мъвь творять». Сто лет спустя после «Слова об идолах» — в «Слове о посте к невежам» обычай топить баню для «навья» описан во всех подробностях. В четверг страстной недели «поведають мрътвым мяса и млеко и яйца. И мылница топят и на печь льют и попел посреде сыплют следа ради. И глаголют: «Мыйтеся!» И чехли вешают и убруси и велят я терти. Беси же смиются злоумию их и вълезше мыются и порплются в попели том, яко и куры след свой показывают на попеле... И проходят топившеи мовници и глядають на попеле следа и егда видять на попели след и глаголют: «Приходили к нам навья мытся...» Издатель этого поучения Н. Гальковский сообщает, что в начале XX века в селе Лучесах Смоленской губернии он сам наблюдал следующее: «Когда все окончат мыться в бане (а это обычно бывает поздно вечером), последний выходящий, оставив сколько-нибудь горячей воды в котле, приносит ведро холодной воды, поддает пару, т. е. льет ковш воды на горячую каменку, и, сказав «Мойтесь!», поспешно уходит из бани; после этого ходить в баню не годится». В дополнение автор рассказывает о том, что в детстве он сам был участником жертвоприношения навьям: ему поручали в страстной четверг ставить пищу и молоко на крышу сарая. Гальковский, как и многие другие, считает, что топка бани и приношения навьям — проявление культа предков на том основании, что навьи — мертвые. Однако в этом прямолинейном выводе можно усомниться. Что навьи—мертвецы, в этом сомнений нет, но души мертвых могут быть благосклонны к людям, а могут быть люто враждебны, как, например, вампиры. Духи предков всегда добры к своим потомкам, всегда покровительствуют и помогают; им молятся или в доме или у могил на кладбище в радуницу. Навьи же выглядят злобными, враждебными человеку; навьи — не просто мертвые, а умершие некрещенными, чужие, как бы иноверные духи. Да и место «ладения треб» им тоже своеобразно: под самой поветью или даже на крыше; и след они оставляют на золе птичий.

Все это хорошо разъясняется болгарским фольклором о навьях. Там это — птицеобразные души умерших (но нигде не говорится о предках), летающие по ночам, в бурю и дождь — «на злых ветрах» и кричащие, как голодные ястребы. Крик или пение этих птиц означает смерть. «Нави» («наваци») нападают на беременных женщин и детей и сосут их кровь, пьют молоко скотины. Их описывают в виде огромных голых птиц или в виде голых петухов размерами с орла. Оберегами от них служат соль, огонь и топор. Птичий облик навий и их зловещая сущность объясняют нам и куриные следы на пепле в банях XIII века, и боязливое отношение к ним тех смоленских крестьян, которые оставляли им воду и приглашали мыться в начале XX века.

В «Повести временных лет» под 1092 годом помещен рассказ о том, «яко навье бьют полочаны». В Полоцке по ночам слышались стоны, топот копыт, но каждый любопытствующий получал смертельную рану, а навьи оставались невидимыми. В городе и в Полоцкой земле многие умерли, что объяснялось действиями навий.

Все это очень далеко от того, что мы называем культом предков. Можно даже определенно сказать, что навьи близки к упырям, это, очевидно, души чужих людей, врагов, иноплеменников. Дожил этот культ в том самом виде, как он описан источниками XII—XIII веков, до начала XX века.

«В тесте мосты делають и колодязе». Различные формы обрядового печенья широко зафиксированы славянской этнографией даже для XX века не только для деревни, но и для города.

«...И недели день (почитают) и кланяются, написавше жену в человечьск образ тварь». Более подробно о поклонении олицетворению воскресного дня в образе женщины говорится в специальном «Слове о твари и о дними, рекомом недели...», написанном, вероятно, в начале XIII века и дошедшем до нас в севернорусской обработке XIV века. Речь идет о том, что тогдашние русские люди особым почитанием отмечали день «недели» — воскресенье, как еженедельный праздник «света»; в какой-то мере это было связано с культом солнца, но лишь косвенно. Автор поучения отделяет свет от солнца, считая, что солнце — лишь субъект света: «вещь бо есть солнце свету», а главное внимание уделяет свету «неосязаемому и неисповедимому», то есть тому, который бог, по Библии, создал ранее солнца: «Никто же бо может указати образа свету, но томо видим бываеть». Возможно, этот загадочный свет, отделенный от солнца, выражается позднейшей фразой «весь белый свет». И вот этот неисповедимый свет русские люди стали изображать вещественно, как «тварь» (сотворенное) в виде женщи-

ны. Возможно, что были скульптурные изображения («болван выдолбен»), но преимущественно автор говорит о «написании света» «во образ человечь».

Слова Даниила: «Написавши жену в человечьск образ» — мы должны понимать не столько как изготовление деревянного идола (отголоском чего могут быть севернорусские скульптуры Параскевы-Пятницы), сколько в смысле писаного изображения, а глагол «писать» в применении к средневековому искусству мог означать два понятия: писать икону или фреску и вышивать цветными нитками на белом полотняном фоне.

Весь русский Север, от Пскова на западе до обширных Архангельских краев на востоке, изобилует полотенцами с устойчивой ритуальной сценой: в центре женская крупная фигура (часто с поднятыми к небу руками), а по сторонам — два всадника, тоже нередко с поднятыми к небу руками. У женской фигуры обычно в руках птицы — символ неба. Иногда композиция меняется: вместо всадников по сторонам женской фигуры вышивальщицы изображали двух огромных птиц или два «древа жизни», но фигура женского божества оставалась главной, сохраняла центральное место в композиции. Нередко голову богини изображали как солнечный диск с короткими лучами, расходящимися во все стороны; иногда огромный солярный знак покрывал почти всю середину женской фигуры. В олонецкой вышивке композиция с двумя всадниками представляет особый вариант: центральная женская фигура громадна; она в три раза выше коней, на голове у нее рога, а вокруг богини и всадников — звезды и нечто вроде небесного свода.

Разгадана была композиция с женской фигурой в центре в 1921 году известным археологом В. А. Городцовым во время выставки народного искусства в Историческом музее в Москве. Городцов сопоставил эту устойчивую сцену с изображениями великой богини и двух предстоящих ей жрецов или вождей, известными еще в скифо-сарматском мире. Возможно, в этой устойчивой композиции, где женская фигура всегда является центральной (к ней стремятся всадники, звери и птицы), отразились те же очень древние представления, которые известны нам по мифам о греческой Рее и ее жрецах-куретах или о малоазийской Кибеле с ее спутниками-корибантами. Богиня, вышитая на севернорусских убрусах, — это большая историко-культурная проблема, требующая специального и многопланового рассмотрения. Здесь же, в связи с проверкой устойчивости тех этнографических заметок, которые сделаны в «Слове об идолах», достаточно отметить, что «жену в человечьск образ» писали не только в XII веке, но и в начале XX.

Мы проверили по порядку все этнографические наблюдения игумена Даниила, сделанные им на рубеже XI—XII веков, и во всех случаях без исключения оказалось, что отмеченные обычаи и обряды продолжали (с большей или меньшей широтой распространения) бытовать в XIX веке, когда они стали уже достоянием этнографической науки.

Но проделанная нами проверка не решает главного вопроса — какова вообще глубина этнографической памяти. Ведь мы измеряли здесь только на заданную глубину, на те восемь веков, которые отделяют нас от «Слова об идолах». Очень важно было установить, что в быстро меняющихся исторических условиях, в соперничестве с христианством, язычество дожило в России до развитого капитализма.

Для решения же нашей главной задачи нам нужно найти в этнографическом материале такие сюжеты, которые поведут нас по лабиринту человеческой памяти в очень отдаленные времена.

О чем писали русские газеты и журналы в июле 1878 года

Поражает нас цифра религиозных преступлений, на которые приходится более одного процента из общего числа дел, — выше даже случаев самоуправства. Без всякой статистики мы знаем, что в нашем обществе очень широко развито самоуправство, и на это есть свои причины; теперь вдруг оказывается, что наклонность к религиозным преступлениям среди народа, считающегося религиозным, идет еще дальше наклонности к самоуправству... Количество религиозных преступлений говорит о необходимости пересмотра у нас закона о «религиозных преступлениях»...

«Вестник Европы»

Недавно в женском монастыре, находящемся в 8 верстах от нашего города (Херсона. — **Ред.**), случился скандал следующего рода. В г. Николаеве монастырь имеет две лавки для сбыта своих изделий; в одной из них торговала монахиня М., к которой часто хаживал по вечерам какой-то мужчина. Это видели многие, в том числе и послушница монастыря Неонила Бордашевская, жившая в Николаеве по поручению игуменьи. Возвратившись в монастырь, она сообщила последней об этих поздних визитах, за что была жестоко наказана своими сестрами. В 10 часов вечера к ней в келью ворвались четыре монахини, в том числе и М., они набросились на несчастную, били ее, душили за горло, разорвали всю одежду и оставили ее только тогда, когда она уже была без всяких чувств. Желательно, чтобы это дело было передано светскому суду, авось тогда хоть несколько приподнялась бы таинственная завеса, скрывающая многие темные стороны монастырской жизни.

«Неделя»

Недавно в Харьковском окружном суде присяжные вынесли обвинительный приговор представителю новой религиозной секты, названной «марьяновской», дело о которой интересно во всех отношениях. Распространителем секты был 60-летний старик Сухотин, получивший образование в С.-Петербургском университете, затем служивший во флотском экипаже и 10 лет живущий по монастырям. Из обвинительного акта видно, что в 1874 г. Сухотин заарендовал у одного помещика землю, построил землянку и, сблизившись с крестьянами, стал уговаривать их не ходить в православную церковь, а ходить к нему на моления. Обряды, совершавшиеся у Сухотина в землянке, сильно напоминают скопческие радения. Мужчины и женщины, одетые в белые платья, садились по обеим сторонам комнаты, зажигались свечи и курился ладан. Каждый из присутствующих читал молитвы и пел псалмы, а потом все молящиеся бегали по комнате. ...Сухотин называл себя пророком, а барыню, с которой он жил, — пророчицей... По показаниям свидетеля Бондаря на молениях бывало душ по пятидесяти, во время молений падают ниц и плачут, «чего плачут — не знаю». На вопрос председателя, учил ли чему-нибудь Сухотин, Бондарь ответил, что «...мы бегали, пока сорочку хоть выкрути, потом так одуреешь, що не попадешь в дверь — да в стену головою...»

«Неделя»

Из Белы (Седлецкой губернии). В прошлом году один батюшка обратился с просьбой предоставить ему место народного учителя в его же селе, так как иначе ему придется оставаться на зиму с семейством без квартиры. Просьба была уважена, хотя для этого пришлось даже перевести учителя в другое село. Батюшка стал и учителем. В настоящее время новый директор, затрудняясь размещением на местах окончивших курс в учительской семинарии, вспомнил и о батюшке. Поблагодарив его за труды по народному образованию, директор просил его сдать школу указанному лицу. В ответ на это от сельского начальства получается протокол такого содержания: «Батюшка школы не сдает, а за назначение учителя общество очень благодарно, так как священник со времени своего назначения на должность учителя вынес из училища всю мебель на двор, занял все помещения под свою квартиру и учения до сих пор не производил». К этому добавлялось, что в случае оставления батюшки учителем и на будущий год общество отказывается делать складку на школу. Выходит, что батюшка понял свое назначение учителем именно в смысле предоставления ему отдельной квартиры, а за оказанную им честь принять звание сельского наставника брал еще с общества и жалованье и дрова для квартиры.

«Неделя»

ХЛЕБ НАШ НАСУЩНЫЙ

Нина КРЮКОВА

Есть у нас на Украине Мироновский научно-исследовательский институт. Там работает наш выдающийся ученый Василий Николаевич Ремесло. Сорта пшеницы, выведенные этим институтом, дали стране в денежном исчислении выигрыш порядка 1 миллиарда 600 миллионов рублей.

Из выступления Л. И. Брежнева на встрече с руководителями академий наук социалистических стран 17 февраля 1977 года

СТОЯЛ КОНЕЦ ИЮЛЯ, когда я приехала в Мироновский институт селекции и семеноводства пшеницы. В пустом белокаменном здании гулко раздавались голоса случайных посетителей. Все сотрудники ушли на опытные поля. Для них июль горячая пора: уборка урожая. Не оказалось на месте и директора. В дни уборки Василий Николаевич Ремесло первым приходит в поле и последним покидает его.

Из окон высокого здания далеко видно — сливается с голубым небом пшеничный океан. Переливаясь на солнце теплыми тонами, колышется зелено-желтый мир пшениц. 36 тысяч делянок с растениями, отличающимися друг от друга весом, цветом, ростом и множеством других, невидимых неискушенному глазу признаков, составляют богатство института. С помощью их формируются будущие сорта.

Тысячелетиями люди сеют пшеницу, тысячелетиями пытаются найти отменное зерно, чтобы получить богатый урожай. Многие посвятили этим поискам жизнь, но лишь единицам удавалось добиться успеха.

О Василии Николаевиче Ремесло мало сказать, что его труду сопутствует удача. Это было бы несправедливым преуменьшением деятельности ученого. Он создал 12 сортов пшеницы, под которые отведено 11 процентов озимого клина Земли. В нашей же стране его пшеницами засевается почти половина озимой пашни.

Для селекционера поле — открытая книга. Иному специалисту одного взгляда достаточно, чтобы понять, какой колос может сыграть решающую роль в создании будущего сорта. А вместе с тем из тысячи тысяч образцов он должен выбирать несколько и не ошибиться, — иначе пропадут годы труда.

— Василию Николаевичу Ремесло присуща точность хирурга, осторожность пилота и трудолюбие хлебороба, — слышу я голос своей попутчицы, селекционера Тамары Антоновны Пежемской. Она приехала сюда из Сибири в 1970 году, спустя год после того, как на базе Мироновской опытной станции был создан институт. Это было время, когда со всех концов страны сюда съезжались химики, физики, биологи, генетики, ботаники, математики, селекционеры. Их, знающих и одержимых, В. Н. Ремесло пригласил работать в научный центр, словно по зернышку, собирал, подыскивая подходящих для своего дела специалистов.

Через всю Сибирь ехала к новому месту работы Тамара Антоновна Пежемская, получив от Василия Николаевича письмо с деловым приглашением — сотрудничать. Работать под руководством такого человека! Не долго колебалась Тамара Антоновна, с собой в дальнюю дорогу взяла самое дорогое — бесценные семена. Набралось десять тысяч мешочков, целый контейнер семян. Их долгие годы выращивала сибирячка на делянках Иркутской сельскохозяйственной станции. Приехала с ними в Мироновку и посеяла на плодородных украинских черноземах: уж здесь-то, думала, продемонстрируют они свою силу и мощь — морозоустойчивые, не боящиеся засухи. Но не учла специфики климатической зоны. Под непривычными для них южными дождями, туманами всходы в период цветения неожиданно приобрели фиолетовый оттенок. Признак верный: урожаю не бывать.

— Извините, Василий Николаевич, я привезла хлам, — чуть не плакала хозяйка поникшей нивы.

— Сорт будет, — успокаивал ее Ремесло, — не огорчайтесь, — и отобрал несколько растений.

И сорт был. Через несколько лет взошла пшеница — колосок к колоску — одна из знаменитых «мироновок», что широко расходятся ныне по белу свету. Хлеборобы высоко ценят ее за то, что хорошо противостоит ветрам, не полегает, выносит и низкие температуры, и палящее солнце, умеет сопротивляться болезням. И еще — за полное зерно, отливающее золотом. Золото в зерне... Каждый хлебороб знает, что это значит: высокий процент белка и вкусный, питательный хлеб.

Ныне в золотом зерне, что течет с элеваторов Мироновского института, есть «кровь» и сибирских семян, что привезла с собой Тамара Антоновна.

В создании новых сортов приняли участие ближайшие помощники Василия Николаевича, приехавшие по приглашению академика. Это и Леонид Александрович Животков, и Виктор Федорович Санько, и многие другие. Василий Николаевич собирал вокруг себя энтузиастов по выращиванию пшеницы, создал многопро-

фильный институт, оснащенный современным оборудованием, разнообразной аппаратурой. И вот — пределы селекционного мастерства расширились. Значительно короче стали сроки создания новых сортов. Ныне с одного только институтского фитотрона — станции искусственного климата — по нескольку урожаев в год собирают ученые. Но старт взят, и есть отдача не только в лабораторных условиях. Само время подчинил себе коллектив, решающий комплексные проблемы по семеноводству и селекции пшеницы. Результат налицо: в прошлом пятилетии институт сдал государству пять новых сортов, в ближайшие годы намечено создать еще шесть.

...Стройный, загорелый человек, улыбка на внимательном лице — таким увидела я создателя мироновских пшениц во время уборки урожая на опытных полях института. Белый халат, широкополая шляпа от солнца. Среди созревших хлебов семидесятилетний академик командовал работой полеводческих бригад.

— Дольше всех живут на свете пчеловоды и селекционеры, — Василий Николаевич словно бы извиняется за свой бравый вид и, рассказывая о том, какую жизнь должен вести человек его профессии, обращается мыслями в прошлое.

Родился и вырос в многодетной крестьянской семье неподалеку от Мироновки, окончил Масловский институт, первый в стране селекционный вуз. Позднее создал в 100 километрах от Киева современный научный центр. И ныне сюда едут и едут гости из разных городов и стран — видные ученые, представители международных организаций, а также колхозники, фермеры, просто туристы. Кто — за советом, кто за семенами, а кто из желания увидеть землю, что стала колыбелью знаменитых мироновских сортов.

С четырех часов утра привык он бодрствовать, привык работать под открытым небом в любую погоду. Так поступал его отец-хлебороб, его учителя. Один из них, собравший уникальную коллекцию семян всех культурных растений Земли, — известный всему миру академик Николай Иванович Вавилов, чьи лекции Василий Николаевич слушал в Ленинграде во Всесоюзном институте растениеводства, с кем работал на опытных сельскохозяйственных станциях.

Василий Николаевич рассказывал мне как-то очень доверительно, с присущим ему мягким юмором о том, как понимает «язык» и «настроение» своих питомцев, как, выйдя в поле, видит, чего им недостает. И тут уж не упусти момент, выполни их просьбу. Иначе не добиться от них того, чего хочешь.

Идем от делянки к делянке. Василий Николаевич осматривает свое богатство, оценивает каждый колосок. Слышу мягкий голос, неторопливую речь. Академик излагает свое кредо, свою точку зрения на методы получения новых сортов.

— Все, что вы видите перед собой, — это яровая пшеница, переделанная из озимой. Я ее перевоспитал. Для этого сталкивал своих «воспитанников» с такими условиями, в которых они должны были либо приспособиться, либо погибнуть. А вон поодаль озимая пшеница. Эта, наоборот, переделана из яровой.

Бережно, до единого зернышка хранятся здесь пшеницы-рекордсменки.

Василий Николаевич и Владимир Васильевич Ремесло, отец и сын, учитель и ученик.

Специалисты знают: пшеницы Ремесло — не гибриды. Он воздействует на них средой — осенним светом, сроками сева, подбором питательных смесей, температурой. Об этом сказано во многих справочниках: «мироновская-808» выведена мето-

Так выглядит эмблема Мироновского института.

Внушительный строй образуют сорта пшеницы, выведенные академиком Василием Николаевичем Ремесло.

не только словом, но и делом. Выведенные методом направленного изменения «мироновки» гуляют по свету и уже принесли стране доход более полутора миллиарда рублей.

Обращаю внимание на небольшую делянку с пушистой черноусой пшеницей, что повстречалась нам на пути. Василий Николаевич поясняет:

— Этот колос также получен с помощью воздействия на среду. Изменился не только внешний вид растения, но и его внутренняя структура. У родительницы было около 30 хромосом, у дочери стало более 40. Это результат, который мы имеем. А вот откуда взялись дополнительные хромосомы — пока еще загадка. Ее предстоит распознать.

Ученые ведут поиск, спорят... Идет такой поиск и в лабораториях Мироновского института. С помощью автоматических устройств, электронной аппаратуры исследователи проникают в тайны молекул. Результаты их работы имеют существенный, земной выход — в хлебе.

Как спортсмен, побивающий собственный рекорд, академик Ремесло ставит перед собой все более трудные задачи, преследуя одну цель — дать хлеборобам более продуктивный сорт, чем прежний, более питательный, более выносливый. Вот почему каждое новое детище, поступающее на государственные сортоиспытания с полей этого института, превосходит старших собратьев. Вот почему берется вскоре следующий рубеж — завидная прибыль от новых сортов «мироновки», засеянных уже не близ института, а на необозримых производственных площадях.

Хлопотный день земледельца начинается ранним утром. Академик и его помощники спешат на поля, к опытным участкам.

Фото И. Костина.

дом многократного группового отбора из материала, полученного в результате направленного изменения яровой пшеницы «артемовка» в озимую. И все же кое-кто недоумевает: если у «артемовки» не было зимостойкости в генной программе, то откуда она взялась у «мироновки»? Или же говорят: «Резкие изменения, вызванные влиянием внешней среды, не наследуются...»

Академик Ремесло упорно доказывает иное: «Новые стойкие признаки у новых сортов не богом данные, сама природа выработала их на протяжении веков, я лишь ускоряю то, что сделала бы природа со временем, управляю ею в нужном мне направлении. Какие подберешь условия, такой получишь организм».

Вот ответ ученого тем, кто сомневается, ответ

Знаменитый хлебороб. В своих действиях он ориентируется на те рекордные урожаи, которые в передовых хозяйствах собирают уже сегодня. 100 центнеров с гектара и более добились труженики полей Киргизии, Чехословакии, ГДР — теперь это реальный рубеж и для других.

А каков прогноз на будущее? Академик не любит ссылаться на цифры будущих урожаев, пока их нет. Но однажды Василий Николаевич все-таки сдался перед натиском журналиста — в одной из корреспонденций о нем читаю: «Враг сортового ажиотажа Василий Ремесло осторожен в прогно-

зах, но цифру 250 центнеров с гектара твердо повторил по моей просьбе перед микрофоном и кинокамерой». Но и эта цифра, оказывается, не предел для того размаха, с каким вершится здесь хлеборобское дело. Уже сейчас существуют возможности получить еще более высокие урожаи. Убеждаюсь в этом, присутствуя при встрече В. Ремесло с приехавшим к нему из Волгограда профессором кафедры растениеводства, доктором физико-математических наук А. Климовым. Волгоградские ученые вырастили урожай с учетом расчетов, сделанных на электронно-вычислительной технике. И вот на опытных полях института мироновская пшеница «юбилейная» дала 262 центнера с гектара.

А как реагирует на это сообщение сам автор «юбилейной»! Без громких фраз, по-деловому. Выясняются возможные варианты сотрудничества, тут же делаются подсчеты, как увеличить достигнутые показатели. Значит, делаю вывод, возможности «юбилейной» еще не исчерпаны и автор ее знает об этом. Да, он не любит прогнозы и ажиотаж вокруг них, но о будущем думает постоянно, соотносит с ним свои действия, иначе не смог бы так стремительно опережать время рекордными урожаями своих пшениц.

С мыслями о будущем прошел он дороги войны. И на полях сражений мечтал о других, мирных полях, о том, что обязательно взойдут на них всходы его хлебов. Мог ли думать тогда будущий академик, что 60 процентов пашни Германской Демократической Республики засеяны будут его, мироновскими сортами? Скоро к ним прибавится еще сорт «дружба» — результат совместных усилий советских и немецких селекционеров.

Уму непостижимо, как быстро расходятся пшеницы Ремесло с институтских полей. Первыми приезжают за зерном представители соседних колхозов, затем соседних областей. А потом — со всей Украины, из других республик, из европейских, азиатских стран, из Америки. И день и ночь идут от институтского элеватора вереницы грузовых машин, в их кузовах чуть подрагивают аккуратно сложенные тугие мешки с надписью «элита».

Хотели несколько лет назад в Ленинградской области закрыть клин озимой пшеницы, — уж больно плохо она росла там, не выдерживала морозов, — не закрыли. Потому что вовремя подоспела тогда «мироновская-808», выносящая минусовые температуры, прижилась. Испытали другой мироновский сорт — «ильичевку» в Казахстане, а она там, в резко континентальном климате, дала прибавку в весе по сравнению с ранее возделываемым сортом на 12 центнеров с каждого гектара. Даже под Москвой — где и своих селекционеров предостаточно — к самому крыльцу столичных жителей подступает ныне «мироновка».

Пришли вести из Чехословакии — там в некоторых районах «808» дала по 109 центнеров с гектара. Стали пробовать сорта в Швеции, Турции. Один американский фермер прислал Василию Николаевичу приглашение — «приезжайте, посмотрите, какие доходы я получаю с ваших сортов...».

Побывали сотрудники института в Японии на самом северном и самом холодном острове Хоккайдо, увидели на опытной сельскохозяйственной станции посевы озимой «мироновки». Смотрели, любовались: вот завидный плод труда специалистов двух стран — советских, решивших проблему зимостойкости, и японских, сумевших добиться от растений идеальной короткостебельности.

Словом, «11 процентов озимого клина Земли...» — это только официальные данные. Но поди знай, как на самом деле определить очерченный самой жизнью ареал «мироновок», когда отовсюду идут вести о том, что прижилась она на чужой земле и дает рекордные урожаи.

В минувшем году родина «мироновок» добилась самого большого сбора зерна. Государству продано рекордное количество хлеба — 1 миллиард 125 миллионов пудов. Таков был подарок украинских хлеборобов к 60-летию Советской власти. В этом достижении есть заслуга и дважды Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской премии Василия Николаевича Ремесло и сотрудников руководимого им института.

Таков человек: масштабы его деятельности воистину беспредельны, если его устремления направлены на благо людей. Вспоминаются слова Гёте: «Сильный ум, преследующий практические цели, лучший ум на земле». Не божественные, а земные, практические цели. Такова бесспорная истина, еще и еще раз подтвержденная примером трудовой биографии знаменитого украинского селекционера.

В научных лабораториях

● Румынский ученый Николае Албу из Бухарестского агрономического института защитил диссертацию, тема которой вызвала живой интерес специалистов. В течение десяти лет он исследовал зависимость растений пшеницы от действия различного ультразвукового поля. Он пришел к выводу, что реакция эта различна и зависит как от сорта растения, так и от характера ультразвука. Отмечено, что под его влиянием корневая система развивается лучше, увеличивается биомасса, размер зерен. Такая же положительная взаимосвязь выявлена между определенной длительностью действия ультразвука и урожайностью пшеницы. Здесь действует четкая закономерность: превышение оптимальной длительности воздействия ультразвука задерживает прорастание семян и приводит к гибели ростков пшеницы.

● Близ Белграда, в институте кукурузоводства получен новый сорт этой ценной сельскохозяйственной культуры: новинка югославских ученых за один сезон дает два урожая. Интересно, что в основе нового сорта лежат несколько старых. Комбинацией их свойств селекционеры добились того, что новый сорт кукурузы можно выращивать во всех европейских странах, в том числе в горах и на севере.

● Наука говорит свое слово и в такой традиционной области, как изготовление современных поколений... пугал, отпугивающих птиц от посевов зерна. Английская фирма «Агрикэйд» создала для этой цели устройство, в котором использовался принцип хронофотографии. На стальном шесте укреплены три вертикальные плоскости, на каждой из них нарисованы силуэты птиц с распростертыми крыльями, причем нарисованы они белой краской, отражающей свет. Когда ветер вращает плоскости, создается впечатление летящей птицы; различный поворот плоскостей меняет интенсивность и угол падения солнечных лучей, отчего ощущение полета резко усиливается. Птицы пугаются «незнакомки», и огородное пугало XX века исправно выполняет свою роль.

● Сотрудники Научно-исследовательского института в Опочинке (Восточночешская область) вместе с коллективом Пражского института сельскохозяйственной техники сконструировали электронный индикатор, предназначенный для автоматического слежения за потерей зерна. Первая тысяча этих приборов прошла успешное испытание во время уборки урожая. Ими оснащены были зерновые комбайны. Индикаторами чехословацкого производства заинтересовались другие страны.

● «ГК — Тисатай» — это название сорта пшеницы, которую вывели венгерские селекционеры. В ней вместо обычных 12—14 процентов белка содержится 16—17 процентов. Три года испытаний выявили ряд достоинств нового сорта — короткий вегетационный период, высокую живучесть, хорошие вкусовые качества зерна. Пшеничное поле Земли получило ценное пополнение.

«Предвидение» будущего по Рейнголду Нибуру

Н. ШЛАЙФЕР,
кандидат
философских наук

Проблема научного предвидения стала ныне предметом острых дискуссий, о чем свидетельствует возрастающее число публикаций на эту тему как в нашей стране, так и за рубежом. Только в США разработкой футурологических проблем занимается около 600 организаций[1]. В эпоху научно-технической революции научное предвидение будущего становится необходимым условием общественного прогресса, вызвано потребностями его развития. В сущности, оно связано с очень важным вопросом современности: как пойдет дальнейшее общественное развитие?

Экологический кризис, вызванный в ряде стран стихийным вторжением в природу, огромные масштабы современной экономики, проблема градостроительства, будущее человечества и многое другое свидетельствуют о том, что дальнейшее развитие общества не может обходиться без научного прогнозирования. Еще в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии подчеркивалось, что планирование «должно опираться на более точное изучение общественных потребностей, на научные прогнозы наших экономических возможностей, на всесторонний анализ и оценку различных вариантов решений, их непосредственных и долговременных последствий»[2].

Научное предвидение стало острой практической проблемой также в связи с развитием самой науки, ее проникновением во все сферы общественной жизни и превращением в быстро растущую «индустрию открытий», в которой трудятся миллионы людей. «До недавнего времени, — пишет академик А. Д. Александров, — наука мало интересовалась прогнозированием своей деятельности в плане возможных нежелательных последствий научных открытий. Однако с развертыванием научно-технической революции стал накапливаться материал, свидетельствующий о необходимости и даже неотложности такого прогнозирования»[3].

Немаловажное значение приобретает научное предвидение и в области общественных отношений. Оно необходимо для выработки соответствующей стратегии и тактики мирового социалистического содружества, международного коммунистического и национально-освободительного движения, всех революционных, антиимпериалистических сил современности, а в нашей стране — для исследования и использования закономерностей перерастания развитого социалистического общества в коммунизм, для создания материально-технической базы коммунизма, совершенствования общественных отношений, формирования нового человека, развития социалистического образа жизни.

Естественно, что проблемы научного предвидения занимают и современных богословов. Как они их интерпретируют, мы покажем на примере Рейнголда Нибура, известного американского протестантского теолога, одного из идеологов так называемой «теологии кризиса». Он весьма влиятелен и в современной Америке, и за ее пределами, его даже называют ведущим протестантским мыслителем мира, говорящего на английском языке. О влиянии теологической доктрины Нибура как представителя «теологии кризиса» на умонастроение и практическую деятельность американского общества говорит уже тот факт, что нынешний президент США Дж. Картер в предвыборных выступлениях провозгласил своей официальной теоретико-идеологической платформой «человечную доктрину» Нибура, которая одновременно «не забывает и бога».

Какими бы далекими от реальности ни казались теологические построения, они в своеобразной, хотя и искаженной форме отражают действительные процессы жизни. За теологической оболочкой стоят не столько божественные, сколько земные социальные, философские, нравственные, психологические и другие проблемы. Присутствуют они в работах Р. Нибура, скрываясь за традиционной теологической оболочкой, и наша задача — разобраться в истинной социально-политической направленности его рассуждений, затрагивающих, в частности, и вопросы научного предвидения.

Прежде всего подчеркнем, что Нибур не отрицает того факта, что развитие науки и техники приносит людям вполне осязаемые блага, способствует росту их независимости от сил природы. Однако основное внимание он направляет на такие отрицательные явления, как упадок духовной жизни, разрушение личности и дегуманизация современного общества, связывая их с широким развитием науки и техники. «Социальное и экономическое разрушение личности, — рассуждает Нибур, — есть следствие механических и безличных совершенствований коммерческой культуры, которые достигают своей кульминации в развитии индустриальной цивилизации. Процессы производства и обмена, внедряемые в ткань личных отношений более простой экономии, освобождаются и учреждаются как область автоматических и рационализированных отношений, в которых личность подчинена этому процессу»[4]. Он приходит к такому выводу: «Современное общество вовлечено в процесс разложения и упадка, который угрожает всему миру бедствием и, кажется, развивается по определенного рода неумолимой собственной логике, разрушающей все человеческие попытки задержать упадок»[5].

Нибур, да и «теология кризиса» в целом, обходят тот факт, что отрицательные последствия научно-технической революции являются результатом частнособственнической системы капитализма, которая извращает гуманистическое содержание науки и подлинное значение ее плодов для человечества. Они пытаются представить эти последствия как пороки, неустранимые, внутренне присущие самому научно-техническому развитию, связанные с греховной сущностью человека. «Теология, — пишет советский философ В. И. Гараджа, — ведет счет отрицательным последствиям научно-технического развития, чтобы предъявить его в качестве обвинения человеку, возомнившему себя творцом. Наука и техника, мир искусственно созданных вещей противопоставляются непосредственно, вне всякого социального контекста миру истинно человеческого, духовного бытия»[6].

Нибур исходит из того, что научный анализ возможен только в области природных явлений; для общественной жизни он такую возможность отрицает. Своею точку зрения он основывает на

---

1 См.: Ю. П. Ожегов. Социальное прогнозирование и идеологическая борьба. М., 1975, стр. 17.

2 «Материалы XXIV съезда КПСС». М., 1971, стр. 67.

3 А. Д. Александров. Научный поиск и религиозная вера. М., 1974, стр. 4.

4 R. Niebuhr. The Nature and Destiny of Man. N. Y., 1955, p. 66.

5 Ibid, p. 67.

6 «Социальная философия франкфуртской школы». М.— Прага, 1975, стр. 249.

том, что каждое событие находится в различных цепях причинности. А по мнению теолога, никто не может дать точную оценку «реальной» или даже преобладающей причины событий, в силу чего исторические анализы не дают точных выводов, следовательно, также не могут быть основой и для предсказаний будущих событий.

«Анализы исторических принципов, — пишет Нибур, — лишены той научной точности, которая характеризует выводы естественных наук. Короче, они должны терпеть неудачу при испытании предсказания, которое служит критерием всякой точной науки»[7]. Историческая реальность, продолжает он, не может быть отождествлена со структурами природы; историческая причинность бесконечно сложна, исторические драмы перекрывают друг друга «в сбивающей с толку неразберихе», история не подчинена обобщениям ученых и философов.

Эти рассуждения и выводы Нибура страдают очевидной односторонностью. Он прав в одном: действительно, нельзя отождествлять природу и общество, так как законы общества иные, нежели законы природы. Но нетождественность природы и общества вовсе не исключает того, что общественное развитие — тоже объективный, закономерный процесс. Познание действующих в обществе закономерностей и позволяет предвидеть общественные тенденции и перспективы развития истории.

Нибур же считает, что исторические факты могут рассматриваться научно лишь тогда, когда область исследования сводится к некоей статистической очевидности. Но даже и здесь он не упускает случая заметить: «Иногда предсказания неточны даже в этих скромных областях: в некоторых случаях потому, что не принимается во внимание непредсказуемая свобода личности; но чаще потому, что не оказывают достаточного внимания изменяющимся обусловливающим обстоятельствам»[8]. Иначе говоря, Нибур придерживается той точки зрения, что научные обобщения или предвидения иногда возможны в области микросоциологии, однако более широкие обобщения, затрагивающие общесоциологическую сферу, исключены. Широкие обобщения, предупреждает он, «очень рискованны».

В действительности за этими рассуждениями кроется озабоченность американского теолога тем, как бы реальные успехи в постижении природы не привели к тому, что человек начнет претендовать на овладение судьбами общества. А это, по мнению теолога, уже связано с умалением бога — абсолютного и всеопределяющего начала: «Уверенность современного человека в своей власти над исторической судьбой вызвала отказ от более старого понятия о господствующем провидении в истории, а уверенность в его добродетели вызвала столь же ясный отказ от христианской идеи неопределенности человеческой добродетели»[9]. Нибур настойчиво утверждает, что в процессе своего исторического существования человек «не может осуществлять высочайшие цели своей жизни».

По мнению Нибура, перспектива овладения исторической судьбой опасна для человека тем, что она способствует утопическим мечтам, он может возомнить себя творцом.

«Люди,— заявляет он,— опасны не только потому, что имеют неограниченные аппетиты и неограниченные стремления к власти, но и потому, что они творения с мечтами; а их экстравагантные мечты обращаются в кошмары, если они пытаются осуществить их в обществе»[10].

Здесь Нибур на своем теологическом языке интерпретирует исторические факты и результаты прихода к власти Муссолини в Италии, Гитлера в Германии, диктаторов типа Пиночета, Салазара и других. Вот, мол, что получается, подчеркивает теолог, когда люди берут на себя роль провидения, вершителя судеб народов.

Классовые позиции теолога определили его взгляд и на социалистическую систему, на идеалы коммунизма. В их реализации он не усматривает ничего утешительного.

Можно понять, какими социальными факторами обусловлены взгляды Нибура на проблему научного предвидения. В капиталистическом обществе, где царит произвол всемогущих монополий, где господствует конкуренция в экономической и политической сферах, действительно трудно разобраться в существе исторических событий. Их сложность усугубляется стихийным характером действия законов общественного развития, а также трудно предсказуемым авантюризмом отдельных деятелей или группировок, выполняющих социальный заказ господствующих классов или групп. Но сложность явлений общественной жизни вовсе не исключает возможность определить основную тенденцию, закономерность исторического развития или предвидеть вероятные направления движения общества.

Нибур явно абсолютизирует такие отдельные моменты и факты истории, которые действительно нелегко предвидеть, чтобы доказать невозможность научного предвидения в области общественного развития вообще. Именно абсолютизация общественных последствий, не поддающихся прогнозированию, а также расхождений между запланированными и действительными результатами и служит гносеологической концепцией теолога.

По его мнению, наряду со сложностью исторических событий, причиной их непредсказуемости служит прежде всего то, что в исторические события вплетается свобода человека. «Радикальная свобода личности, — объясняет он, — и последующие драматические реальности истории, естественно, затрудняют любые научные усилия понять историю или овладеть ею»[11]. В этой связи следует подчеркнуть, что Нибур, как и некоторые другие идеалисты, опускает такое обстоятельство, как влияние объективных условий на сознание человека, на субъективный фактор. Он считает, что установить невозможно, какие из событий являются определяющими в данной ситуации. Историк будто бы способен в лучшем случае разглядеть в исторических событиях лишь неточные аналогии и повторения. «Историография, — формулирует он, — не может быть точной наукой. Настоящие историки знают это и оставляют ее некоторым современным социологам, чтобы лелеять эту иллюзию»[12].

Кроме того, человек сам вовлечен в исторический процесс, и это, дескать, мешает ему обособиться от арены исторических событий и прийти к столь же обоснованным выводам, на какие претендуют естествоиспытатели.

Проблема достоверности любого знания об истории — «это фактически неразрешимая проблема». В своей книге «Христианский реализм и политические проблемы» он категорически заявляет, что бесконечное многообразие исторических событий делает для человека невозможной предсказуемость исторической драмы.

Такова, в общих чертах, концепция Нибура. Он утверждает социальный агностицизм, отрицает возможность научного предвидения.

Эта концепция ошибочна в своей основе. Прежде всего потому, что она строится на отрицании закономерного характера общественного развития и абсолютизации роли случайного фактора. Для подтверждения своего взгляда на развитие истории Нибур обращается к предисловию книги «История Европы» буржуазного историка Х. Фишера: «Есть только один великий факт, по отношению к которому, так как он уникален, не может быть обобщения; есть только одно надежное правило для историка: он должен признать в развитии человеческих судеб игру случайного и непредвиденного».

Однако таким исторический процесс предстает лишь перед тем, кто подходит к нему с иллюзорными мерками идеалистических и метафизических представлений. Между тем уже целое столетие существует исторический материализм — наука, выявляющая закономерности общественного развития, объясняющая самые сложные их взаимодействия и открывающая возможности подлинно научного прогнозирования социальных процессов и явлений.

Гениальность Маркса и Энгельса в том и состояла, что они открыли объективные законы исторического развития. «Марксизм, — писал Ленин, — дал руководящую нить, позволяющую открыть закономерность в этом кажущемся лабиринте и хаосе, именно: теорию классовой борьбы. Только изучение совокупности стремлений всех членов данного общества или группы обществ способно привести к научному определению результата этих стремлений. А источником противоречивых стремлений является различие в положении и условии жизни тех **классов**, на которые каждое общество распадается»[13].

Основоположники марксизма всегда выступали против поверхностного, упрощенческого подхода к истории, учили видеть, как в ней сталкивается

---

[7] R. Niebuhr. The Self and Dramas of History. N. Y., 1955, p. 45.
[8] Ibid. p. 46.
[9] R. Niebuhr. The Irony of American History. London — Nisbet, 1952, p. 3.
[10] R. Niebuhr. The Structure of Nations and Empires. N. Y., 1955, p. 293.
[11] R. Niebuhr. The Self and Dramas of History, p. 49.
[12] Ibid. p. 48
[13] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 58.

множество противоречивых воль и стремлений, переплетаются экономические, политические, идеологические и другие факторы. В полном соответствии с материалистическим пониманием истории Энгельс решительно подчеркивал, что «экономические условия, как бы сильно ни влияли на них прочие — политические и идеологические, — являются в конечном счете все же решающими и образуют ту красную нить, которая пронизывает все развитие и одна приводит к его пониманию» [14].

Концепция Нибура ошибочна и потому, что он считает несовместимыми партийность, «заинтересованность» с объективной научностью и отрицает критерий истины в истории.

Вот его теоретическая позиция: «Никакое количество «эмпирических наблюдений» или «научной объективности» не может разрешить противоречия в толковании исторических событий... Никакой такой критерий не может быть найден, ибо все исследователи прямо или косвенно «заинтересованы», а материал истории слишком сложен, чтобы можно было вынести приговор любой связи событий или верно толковать исторические последствия предубеждения». Так как, по его мнению, разумные толкования человека подчинены не только границам конечного разума, но также игре страсти и интереса, он заявляет, что «познание истины постоянно портится «идеологическим» пороком интереса, делающего наше толкование истины чем-то меньшим, чем знание настоящей истины, и сводит его к нашей истине» [15].

Нибур глубоко заблуждается. Исходя из того, что буржуазная партийность, выражающая и защищающая интересы уходящих с исторической арены классов, по самой своей природе несовместима с объективной научностью, он представляет дело так, будто такая несовместимость характерна для всякой партийности, и ссылается при этом на уже традиционный аргумент о так называемом «идеологическом» пороке интереса. Между тем подлинная марксистская партийность вполне сочетается с объективной научностью, так как она верно отражает жизнь, объективный процесс развития и выражает интересы классов, которым принадлежит будущее.

Ошибочна у Нибура и его прогностическая концепция человека. Согласно ей, человек в силу своей ограниченности и конечности как творения не в состоянии собственными силами и средствами решить встающие перед ним проблемы. Здесь будто бы и таится корень исторической драмы, поскольку человек стремится к достижению поставленных целей, но не способен их осуществить. Жизненная ситуация людей сложна и противоречива. Идя к цели, они неизбежно впадают в грех, так как их побуждения и страсти пропитаны дьявольским духом. Человек, мол, фатально предопределен ко греху. В силу греховной сущности «неизбежная судьба человека, — утверждает Нибур, — это работать над задачами, которых он не может разрешить на протяжении своей короткой жизни».

Так как теолог считает разум недостаточным для познания общественных явлений, он говорит о наивности рационалистов, «которые, естественно, склонны приписывать разуму очень много силы и неохотно признавать его границы». Более того, человек не должен претендовать на решения исторических проблем, ибо сами эти претензии есть порок гордыни. Как существо сотворенное, а следовательно, ограниченное, он не должен обращаться к общим проблемам, находящимся вне способности смертного человека.

Если так, если человек не в состоянии решить поставленные задачи, а разум недостаточен для познания исторического процесса, каков же выход? Как и следовало ожидать от теолога, решение Нибура сводится к утверждению ведущей роли веры в бога. «Драмы истории, — пишет он, — содержат много фактов и следствий, которые должны быть разумно увязаны. Но структура значения, в которой различаются эти факты и следствия, может быть понята верой, ибо она касается области тайн, находящейся вне разумного понимания» [16].

В связи с этим теолог предлагает человеку смиренно признать пределы своих сил и знаний, не брать на себя слишком много и не пускать в ход «напрасное воображение». Ему следует занять позицию религии, ибо только с этой «удобной позиции» можно вскрыть подлинный смысл истории. «Человек не может вести себя так, чтобы сделаться центром внимания без ограничения. Он неизбежно должен искать поддержку от чего-то большего, чем он сам». Христианская религия, подчеркивает он, понимая всю сложность ситуации, считает, что «зло введено в историю самой попыткой людей решить проблемы жизни своими собственными средствами».

Ограничение Нибуром возможности познания общественных явлений обусловливается особым его пониманием самой истории. Сводится оно к следующему: «Человеческая история должна быть понята как содержащая в себе встречи между человеком и богом». В ходе этих встреч бог, по Нибуру, корректирует создаваемые людьми представления, будто у них есть разум, способный охватить течение всего исторического процесса в целом, в то время как в действительности они могут осмыслить только отдельные моменты в этом течении.

Теологическая интерпретация истории, а также характера и пределов человеческого познания не позволили Нибуру увидеть реальные факты научных достижений, в том числе и научного предвидения. Предвидение Марксом и Энгельсом неизбежности уничтожения частной собственности, всей системы эксплуатации и утверждения нового — коммунистического общественного строя, вывод Ленина о возможности победы социалистической революции в одной отдельно взятой стране подтверждены победой Великого Октября и всем опытом шестидесятилетней истории первого в мире социалистического государства. Все эти и многие другие факты исторического предвидения, бесспорно, подтверждают не только его объективную возможность, но и огромное значение для судеб человечества.

Нибур отрицает и это: ведь признание возможности предвидеть ход истории означало бы, по его мнению, превращение человека в «недвусмысленного хозяина исторической судьбы», что коренным образом противоречит его теологическим воззрениям.

Неверие Нибура в возможность познания хода исторических событий и предвидения вероятного их развития роднит его со многими современными буржуазными мыслителями, которые не видят выхода из положения, создавшегося в мире капитала. Здесь же источник и социального пессимизма. Кроме того, Нибур обнаруживает свойственный многим историкам порок: характерное для буржуазного общества состояние распространяет на общество иного социального устройства, на общество вообще.

Бесперспективности же буржуазного строя, вытекающей из его эксплуататорской сущности, Нибур дает свою интерпретацию. Теологически толкуя реальные процессы общественного развития, он усматривает их источник не в самом этом развитии, в его действительных противоречиях, а в человеке, его ограниченности, в его греховной сущности. Такое толкование, с одной стороны, направлено против науки, разума, возможностей человека познать объективные законы общественного развития и использовать их в борьбе за изменение существующего положения, а с другой — утверждает бесперспективность, дает ей религиозную санкцию как естественному состоянию, которое следует принять за должное.

Как и следовало ожидать от теолога, Нибур приходит к выводу об определяющей роли бога и незначительности человека в развитии истории. В сущности, он восстанавливает библейскую оценку истории, согласно которой обширная ее панорама развивается в соответствии с божественным провидением. Отсюда понятна нескрываемая враждебность Нибура к историческому материализму, который утверждает, что развитие истории осуществляется в соответствии с объективными законами общественного развития.

Руководствуясь протестантской идеей активности бога и пассивности человека, отрицая возможность познания и научного предвидения хода общественного развития, Нибур оправдывает аполитичность, бездеятельность, утверждает сознание бесполезности стремления людей к революционным преобразованиям, к борьбе за изменение социальных реальностей. Такого рода реакционная проповедь принимает форму апологии существующего эксплуататорского строя, к чему, собственно, и сводится подлинный классовый смысл и социально-политическая направленность теологических построений Нибура.

---

[14] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 175.
[15] R. Niebuhr. The Structure of Nations and Empires, p. 214.
[16] R. Niebuhr. The Self and Dramas of History, p. 242

Общие вопросы методологии научного познания, применимые и в научном предвидении, были разработаны Лениным. Он подчеркивал, что научное предвидение вовсе не есть результат какого-то «везения» или счастья. Чтобы «забегание вперед» было успешным и не сопровождалось ошибками, следует соблюдать ряд условий. Одно из них — глубокий анализ объективного положения вещей, всесторонний учет реальной действительности, умение внимательно вглядываться в жизнь, видеть те формы, которые незаметны для поверхностного наблюдения, но неизбежны для сложившегося соотношения социальных сил, вытекают из всей совокупности экономических, политических и других факторов.

Глубокий анализ объективной реальности — очень важное, но не единственное условие успешного научного предвидения. Нужно назвать еще конкретную, практическую революционную деятельность, обеспечивающую нужное развитие исторических событий.

Ленин предостерегал от знахарского понимания социального предвидения — как угадывания сроков, отдельных форм или частностей общественного развития. Такое предвидение невозможно, ибо частности, формы развития тех или иных явлений, процессов определяются конкретными условиями, конкретным опытом, революционной практикой масс. В таком гигантском деле, отмечал Ленин, как преобразование общества, «ни один разумный социалист, писавший о перспективах будущего, никогда и в мыслях не имел того, чтобы мы могли по какой-то заранее данной указке сложить сразу и составить одним ударом формы организации нового общества». Можно, продолжал Ленин, предсказать, что определенные исторические преобразования неизбежно произойдут «по такой-то крупной линии» (осужденность историей частной собственности и неизбежность экспроприации эксплуататоров), «но ни форм преобразования, ни темпа быстроты развития конкретной реорганизации мы знать не могли. Только коллективный опыт, только опыт миллионов может дать в этом отношении решающие указания...» [17].

Практика общественного развития не только подтверждает реальность научного познания и возможность научного предвидения хода исторического процесса, но и вселяет уверенность в том, что перспективное развитие научного прогнозирования явится одним из жизненно необходимых и важных средств в создании все более благоприятных условий для жизни и всестороннего развития человеческого общества.

г. Днепропетровск

[17] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 379, 380.

Здравствуйте, уважаемый Григорий Медынский!

Простите за беспокойство, но мне хочется написать вам свое суждение о последних ваших статьях, которые я прочитал с интересом.

Говоря о конфликтах человеческой личности, вы делаете вывод, что причина их всегда таится в банкротстве духовного мира, или, как вы выражаетесь, в потере «нравственного начала».

Охотно с вами соглашаюсь. И далее вы продолжаете:

«И в этом сложнейшем вопросе нам нужно еще разбираться и разбираться: когда и как и под влиянием чего формируется нравственное начало».

Здесь вы говорите как Колумб, который только что открыл Америку. А между тем с древнейших времен известно, что человек — духовное существо, в котором ни на минуту не прекращается борьба двух начал: добра и зла. Судить о процессе этой борьбы в каждом из нас мы можем только по себе, но понять в этом отношении другого нам невозможно, потому что у каждого она имеет свою неповторимую особенность. Да и в себе-то мало кто из нас толком разбирается. Ведь неспроста гласит мудрое изречение: «Познай самого себя, и ты покоришь мир». А вы хотите сделать наоборот: не познав самого себя, покорить мир.

В человеке с малых лет заложено самой природой понятие о добре и зле. И этим, в частности, отличается разумное существо от животного.

Другое дело, что процесс борьбы двух начал протекает невидимо для глаза, внутри нас. Но именно там создается причина всех причин, начало всему, что относится к внешнему миру.

Нам дана полная свобода избирать или путь добра, или путь зла. Но прежде чем остановиться на том или другом пути, в нас идет борьба двух тенденций: одна говорит «мне», другая — «людям». Первая тенденция воплощает в себе все многочисленные потребности физического существа и связанные с ним чувства самолюбия, гордости, тщеславия. Вторая тенденция воплощает в нас совесть, сознание, разум, то есть ту силу, которая создает нравственные, моральные качества и которую суммарно можно назвать любовью к ближнему.

Оба принципа в одинаковой степени заложены в природе человека. Следовательно, и тот и другой имеют право на жизнь. Но человек может быть счастлив, испытывать радость и полноту жизни только тогда, когда оба принципа будут гармонировать и дополнять друг друга. Говорить о любви к ближнему и забывать самого себя так же чуждо человеку, как и любить только самого себя, забывая о других.

Самым удачным и успешным разрешением этой проблемы является учение Иисуса Христа в его чистом виде, освобожденное от церковных и сектантских измышлений. Все остальные многочисленные учения людей, созданные до него и после него, есть всего лишь разновидность этого учения. Причем каждая по-своему отклоняется от него. Одна чрезмерной тенденцией к личному благу, другая к общему благу.

Иисус дал людям заповеди для возрождения нравственного начала. Объединяя их в одно, он сказал: «Возлюби ближнего, как самого себя».

И вот в этом единственное решение проблемы

Г. МЕДЫНСКИЙ

ВОСПОМИНАНИЯ

Продолжаем начатую в 6-м номере журнала публикацию отрывков из новой книги, над которой работает Григорий Александрович Медынский. В этом номере помещаем главу, посвященную полемике автора с одним из его читателей.

Фотография 1960 года.

«общество и личность, обстоятельства и человек», о которой вы говорите. В этом состоит ответ на поставленный вами вопрос: «Так как же избежать этих трудностей?»

Фактически в вашем вопросе содержится тот же вопрос, от которого никогда и никому не уйти: «Что нужно знать, чтобы в человеке торжествовало добро над злом?» Нужно знать истину.

Вы сказали, что истина эта состоит в возрождении нравственного начала. Этот вывод у вас вытекает непосредственно из самих жизненных фактов. Но далее, снова обращаясь к этому же вопросу, вы делаете вывод, резко противоположный первому. Приводя слова Маркса о том, что характер человека создается обстоятельствами, бытие определяет сознание, вы тем самым отвергаете свое первое утверждение. Здесь уже нравственное начало играет приниженную, подчиненную роль.

Правда, осознавая противоречивость суждения, вы обращаете внимание на другую сторону этого вопроса: на нравственные ценности. Но о каких нравственных ценностях можно вести разговор, когда вся моя жизнь подчинена обстоятельствам, а то чудо человека, о котором вы говорите (рождение моральных ценностей), есть всего лишь куча мертвой материи?

Это все, что осталось после ваших доказательств. И как бы вы потом ни были красноречивы, сколько бы ярких и удачных примеров ни приводили в адрес нравственного начала,— все это уже теряет всякую ценность в свете ваших материалистических понятий. Все это становится мыльными пузырями, ничего не значащим звуком!

И молодежь это прекрасно понимает. И те из них, которые легко поддаются моральному разложению, смело, с большой самоуверенностью вооружают себя вашими установками. Они им выгодны, они оправдывают их и перед своим разумом, и перед людьми.

Проблема общества решается в проблеме личности, а никак не наоборот, что вытекает из ваших рассуждений. Личность есть первичная ячейка общества. Если вопрос борьбы добра и зла не решится положительно в личности, тем более он не может решиться в обществе.

Личности людей это — кирпичики в общественном здании. Чем больше крепких, полноценных кирпичиков заложено в здание, тем крепче само здание. И, наоборот, чем больше в нем слабых, неполноценных кирпичиков, тем оно слабее и ненадежнее.

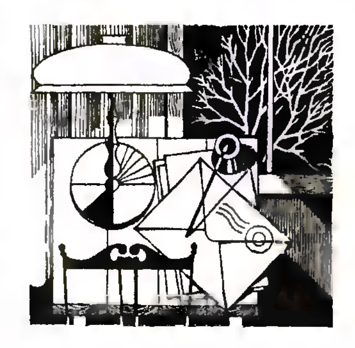
Я не уверен, что вы согласитесь с моими доводами. Но мне хотелось бы услышать ваши возражения.

Уважаемый Сергей Александрович!

Я согласен с тем, какую роль вы отводите личности, хотя с оговоркой.

«Личность есть первичная ячейка общества, — говорите вы. — Личности людей это — кирпичики в общественном здании». Но «кирпичики» предполагают механическое соединение, тогда как на самом деле личности находятся в постоянном и очень сложном взаимодействии и друг с другом, и с тем, что получается из этого взаимодействия, то есть с обществом. Поэтому я бы предложил другую формулировку: «Человек — это элемент общества, элемент активный и творческий». Поэтому борьба за личность есть борьба и за нравственную атмосферу общества.

Не согласен я с вами и в понимании сущности человека. Это вовсе не «куча мертвой материи» — определение, которое вы, по-видимому, приписываете мне, и не «духовное существо», как утверждаете вы. Да, это материя, но создающая в ходе исторического развития те «духовные», как их принято называть, ценности, в том числе, кста-

ти, и заповеди Иисуса, в которые верите вы как в богоданные. И поверьте, Сергей Александрович, это не принижает, как утверждаете вы, а возвышает человека: он не исполняет «страха ради иудейского» преподанный ему свыше закон, а сам создает его, свои идеалы, цели и стремления, сам ищет и прокладывает пути-дороги к их осуществлению. Разве это не возвышенно?

Впрочем, это тема для большого разговора, который у нас, вероятно, получится. А пока позвольте пожелать вам всякого добра.

Уважаемый Григорий Александрович!

Очень благодарен за ответное письмо. Хотел бы вам представиться: я рабочий завода «Газоаппарат». Мне 56 лет. Теперь несколько слов о вашем письме.

Признаю, что мое сравнение личности с «кирпичиком» взято очень неудачно. Совершенно с вами согласен, что «личности находятся в постоянном и очень сложном взаимодействии и друг с другом, и с тем, что получается от этого взаимодействия».

Но ваша формула: «Человек — это элемент общества» — меня тоже не удовлетворяет. Она не отвечает тому нравственному началу, в котором вы видите основу существа личности.

В формуле подразумевается наличие над человеком чего-то неизмеримо высшего, чему личность полностью подчинена, от чего во всем зависит.

И ваши слова «борьба за этот элемент и есть борьба за нравственную атмосферу общества» как раз говорят об этом.

Чья борьба? Что это за чудодейственная сила, которая может проникать во внутренний мир человека? Нет такой силы. Каждый человек сам творит свою судьбу, которая складывается из привычек, характера и поступков. Общество? Усилия многих могут улучшать материальные блага личности. Но в деле внутреннего мира, в выработке моральных ценностей ему не помогут никакие «варяги». Здесь требуется только усилие каждого.

Конечно, нельзя отвергать влияние окружающей среды, но ее воздействие на сознание человека происходит не силой или принуждением. А ваша формула имеет в виду этот метод.

Говоря о личности как об элементе, вы тем самым сложный, я бы сказал таинственный, нравственный процесс переносите из сферы внутренней деятельности человека в сферу внешнюю, общественную, тем самым создавая для него искусственную, надуманную природу.

В отношении человеческой сущности всегда были и соперничали между собой два мировоззрения, два принципа. Каждый из них вполне логичен, поскольку в человеке заложено два начала: материальное и духовное. Человеку дана полная свобода отдаться тому или другому началу. Это дело его совести.

И вы, стоя на материальных позициях, вполне логично рассматриваете человеческую сущность как продукт эволюции. Здесь с вами, собственно, спорить не о чем. Тем более что противоположный принцип вмещает в себя те понятия, которыми вы оперируете.

Но это очень узкий и односторонний взгляд. Он может удовлетворять человека только до тех пор, пока в нем не пробудились высшие запросы разума. Они неизбежно поставят перед ним вопросы: что такое я? В чем смысл моей жизни?

И вот тогда человек поймет всю свою беспомощность. Тогда перед ним окажется дилемма: или признать, что все вокруг бессмысленно и глупо, или — что во всем заложено разумное начало.

Здравствуйте, уважаемый Григорий Александрович!

Прочитал вашу «Трудную книгу» и хочу сообщить некоторые мысли, которые она во мне вызвала, особенно в связи с вопросами преступности.

Вы пишете: «Нельзя утверждать добро, не ниспровергнув зло». Здесь подразумевается борьба со злом в обществе. Здесь все внимание сосредоточивается на следствии и остается в тени сама причина, то есть личность, в которой, собственно, и рождается и добро и зло.

Вы избегаете психологического анализа затронутого вопроса и становитесь в своих рассуждениях на позицию объективизма.

Преступность — это открытая, видимая форма проявления эгоизма. Но его ничуть не меньше, и может быть, и больше проявляется среди нас в невидимой форме. И еще вопрос, какая из них более опасна.

Эгоизм является носителем всякого зла. Значит, чтобы утвердить добро, нужно низвергнуть эгоизм. Это видоизмененная ваша формула. Но где? В окружающей среде или внутри нас самих? Вот вопрос.

У вас эти два вопроса удивительно ловко перетасовываются между собой. Зачастую невозможно бывает понять, какой из них вы имеете в виду.

Но как быть с человеком? Ведь он в любом положении остается разумным существом, со своим стремлением к добру, как бы он ни был поражен чувством эгоизма.

В таких случаях делается очень просто: человека превращают в определенный «элемент общества» и тогда с ним можно будет произвести любую манипуляцию. В одном случае его обоготворяют и возводят до небес, в других случаях его низводят до ненужной и вредной вещи, которую необходимо побыстрее уничтожить или затолкнуть туда, куда Макар телят не гонял.

Но и здесь вы не можете не заметить, что все это находится в вопиющем противоречии с элементарным понятием гуманизма, с понятием хотя бы того же Горького, который говорил, что все в человеке, все для человека. Не жалеть, не унижать его нужно, уважать человека нужно. Человек — это звучит гордо.

И следуя высоким принципам гуманизма, вы приобрели моральное право смотреть на проблему преступности как на борьбу за саму личность. В этом большая ценность вашей книги. Этим вы снискали любовь тысяч сердец, которые невольно потянулись к вам со своим стремлением к истине.

Многочисленными письмами читателей и заключенных вы убедительно доказали, что «уважать человека нужно», что проблема личности имеет сложную и многогранную зависимость от

состояния общества, от жизненных обстоятельств и, главное, от своего нравственного начала.

Рассматривая вопрос преступности с позиции гуманизма, вы приходите к выводу, что путем насилия над человеческой личностью зло не уничтожается, а лишь видоизменяется, принимает новый, еще более зловещий характер.

И здесь нравственное начало в каждом человеке становится краеугольным камнем в деле торжества добра над злом.

Таким образом вы вплотную подошли к формуле: **эгоизм побеждается каждым человеком внутри самого себя.**

Но вы не можете отрицать и всю важность эгоизма. Тогда бы вы не могли быть материалистом. Сущность материализма и состоит в том, чтобы в удовлетворении материальных потребностей видеть весь смысл человеческой жизни.

Признав вышеуказанную формулу, вам бы пришлось признать в человеке высшую духовную силу, олицетворяющую собой нравственное начало. С одной стороны, вы не можете отрицать всю важность нравственного начала, с другой стороны, вы не можете противопоставлять эгоизму наличие другой высшей силы, которая фактически только одна и может одолеть эгоизм.

...Таким образом, у вас получается: от чего ушли, к тому и пришли, за что боролись, на то и напоролись.

Уважаемый Сергей Александрович!

Прежде всего два слова насчет «Америки», которую я, якобы, решил открыть. Нет, Сергей Александрович, никаких «Америк» я открывать не собираюсь, я просто хочу осмыслить вопрос о нравственности с позиций нашего времени, — ведь вы не можете отрицать, что вопросы эти вечные и каждая эпоха, и каждое поколение решает их заново, что-то принимая и что-то отбрасывая от опыта, прежнего опыта человечества, и что-то привнося свое. Так же это приходится делать и нам, особенно сейчас, когда вопросы нравственности силою вещей выдвигаются на первое место. Вот в этом и заключается моя цель: поставить вопросы нравственности в фокус общественного внимания.

Тем более не могу я принять вашего положения: «С древнейших времен известно, что человек — духовное существо». Откуда это вам известно? Нам известно одно: что со времен древнегреческой философии идет борьба между одним и другим пониманием человека. Да, сначала мысль о материалистическом понимании и толковании мира и человека только лишь слабо брезжила, не имея для этого пока достаточных фактических обоснований, но ведь и восходящий день сначала только чуть брезжит где-то на краешке неба, а потом разгорается, и ничем его уже не остановишь, потому что непобедимы материальные законы его пришествия — вращение Земли.

Так же непобедимы и законы развития человеческого разума, которые, по мере накопления знаний, неумолимо подтачивали казавшееся вначале крепким и неприступным здание идеализма, и обосновывали шаг за шагом, век за веком укрепляли, может быть, слабую вначале, но гениальную догадку первых материалистов.

Нет, человек — существо материальное. Но в том и заключается его величие, что в развитии своем он поднимается над своей материальной, животной, как вы сами выражаетесь, природой. Кроме еды и прочих физиологических потребностей, у него появляются высшие понятия и стремления, вернее — развиваются (в элементарной, примитивной форме что-то подобное можно наблюдать и у животных: инстинкт долга и преданность у собаки, супружеская верность у орла, самоотверженность птицы в защите своих птенцов и т. д.). Это все, конечно, инстинкты, зародыши, но зародыши, открывающие возможность подняться над чисто биологическим инстинктом самосохранения и стремлением выжить. И вот вы входите в лес, и у вас перед глазами назойливо вертится птица, усиленно чирикает, пищит, чтобы обратить на себя ваше внимание, с опасностью для своей жизни стараясь отвлечь вас от спрятанного где-то поблизости гнезда. Хотя в то же время есть кукушки, разбрасывающие яйца по чужим гнездам, есть свиньи, поедающие своих детей.

И не здесь ли нужно искать тот водораздел, который много позднее у человека превратится в водораздел между добром и злом? Это будет тогда, когда он, живя в обществе, придет к мысли, что на поедании детей и вообще себе подобных жизнь строить нельзя. Это будет тогда, когда, живя в обществе, он разовьет в себе общественные, высшие понятия, чувства и стремления — к знанию, к добру, справедливости. А так как эти понятия и чувства будут находиться в противоречии с биологической первоосновой человеческого бытия, то они будут казаться чудом, божественным наитием, законом, данным свыше. Ведь и гром тоже казался когда-то голосом с неба. Таким же голосом с неба показались ему и заповеди любви: «Все, что желаете, чтобы делали для вас люди, то делайте и вы им». Это закон общественной жизни, которому религия постаралась придать свою религиозную форму. Эта форма распадается, она исторически обречена, и это процесс, который никакими заклинаниями не остановишь. Но общественная жизнь остается, и нам нужно строить ее на новых началах, на сочетании нравственности, выработанной в процессе развития человечества, и тех новых условий и обстоятельств, в которых современному человеку приходится продолжать свое великое дело создания духовных ценностей.

Это не противоречие в суждении, как кажется вам, а противоречие жизни. И это не принижает человека, как утверждаете вы, а, наоборот, возвышает. Он не бессильный исполнитель свыше данного ему закона, а создатель собственных нравственных ценностей, по которым, пусть медленно, с ошибками, но строит он свою жизнь и строит самого себя.

Повторяю: я не собираюсь открывать никаких «Америк» и ничего не хочу ни утверждать, ни отвергать догматически. Тем более я понимаю: вера на то и вера, она

логики не признает. Я просто размышляю. Но в ходе этого размышления мне искренне хочется понять и вашу позицию.

Итак: в признании роли и значения нравственного начала мы с вами в основном, на мой взгляд, сходимся. Расходимся мы, кажется, в понимании истоков этого нравственного начала. «Разум, — говорят верующие, — это та божественная искра, которая дана, заложена в человеке для его спасения». «Дана», «заложена», «для спасения»... Кем дана? Кем заложена? Кто заботится о спасении человека? Почему? Вы упрекаете меня, что я, сосредоточивая внимание на следствиях, оставляю в тени причину — «личность, в которой, собственно, и рождается добро и зло». Так что же: «дано» или «рождается»? Да, источник нравственных ценностей — в личности. Но что это — заложенная «божественная искра» или человеческая искра, рождающаяся из мрака животного бытия? Вот тот вопрос, который нас, кажется, разделяет. Мое понимание этого вопроса я изложил выше.

Это — рождение искры в процессе общественной жизни, искры, возвышающей человека. А почему этого не можете принять вы? Что дает вам «заложенная» искра? Чем она лучше «вспыхнувшей искры»? Чем это может помочь нам в борьбе за нравственное начало?

Вот тот единственный вопрос, на который мне хотелось бы получить от вас ответ.

Уважаемый Григорий Александрович!

Я очень рад, что вы проявили желание продолжить наш разговор. Мне всегда приятно видеть в человеке эту черту: смотреть прямо в глаза фактам, не отворачиваться, видеть их в освещении с любой точки зрения. И только так можно определить силу и слабость своей позиции, только так постигнуть истину. Если вы согласны со мной, то это одно роднит и сближает нас обоих.

Итак, по существу.

Я не признаю «нравственное начало» как отдельное самостоятельное понятие, как что-то возвышающееся над личностью человека. Есть нравственность, сознание, совесть — все это вытекает из духовной среды человека. Это отдельные ветви одного ствола, питающегося одной корневой системой, содержащего в себе единую божественную природу — любовь. Любовь бескорыстную, способную преодолеть все и вся.

Любовь — это единственное, через что проявляет себя наша духовная сущность. Любовь есть бог, бог есть дух. Если в нас пребывает любовь, то мы живем в боге и бог живет в нас. В этом единственное призвание нашей жизни здесь, на земле...

Здесь я прерываю публикацию этого, очень обширного письма, потому что все оно, по существу, повторяет в разных выражениях эти последние строки.

Уважаемый Сергей Александрович!

Свое последнее письмо вы начали с установления принципов, которые, по вашему выражению, «нас роднят и сближают»: смотреть прямо в глаза фактам и не отворачиваться от них. Согласен: только так можно определить силу и слабость позиции, только так можно постигнуть истину. Так вот и давайте «смотреть в глаза и не отворачиваться».

Если в прошлых письмах, когда разговор только еще развертывался, я кое-что обходил, сосредоточиваясь на главных, узловых пунктах спора, то теперь, когда позиции определились, я считаю своим долгом ответить по полному счету...

Что дает вам «заложенная» искра? Чем она лучше «вспыхнувшей» искры? Чем это может помочь нам в борьбе за нравственное начало? Вот те вопросы, на которые мне хотелось бы получить от вас ответ.

Никакого ответа я не получил, а вместо этого вы наговорили таких вещей, которые я никак не могу оставить без решительного возражения.

Прежде всего о методах мышления и вытекающем отсюда общем характере разговора. Конечно, вера есть вера, она логики не признает, как я заметил еще в прошлый раз, но разговор есть разговор, и он без логики невозможен. Отсутствие логики великолепно подмечено в украинской поговорке: «В огороде бузина, а в Киеве дядька». К такого рода «логике» прибегают тогда, когда не хватает аргументов для нормального спора.

Так, видимо, на этот раз получилось и у вас. Скажите, пожалуйста, каким образом, по какой, простите, «бузине», стараясь возвысить какую-то свою «истинную религию», вы не только сближаете, но буквально соединяете несоединимое: концепцию атеизма и учение церковников?

«Вам кажется, — пишете вы мне, — что вы утверждаете что-то новое, на самом деле вы действуете с тех же избитых позиций, что и церковники всех мастей и окрасок. Ведь церковники так же, как и вы, утверждают силу вне человека. Ей одной нужно поклоняться, от нее одной ждать награды — говорят они, и то же самое ежеминутно твердите вы. И в этом отношении ваше «нравственное начало» чем лучше библейского бога с седой бородой?»

«Вы обоготворяете, — пишете вы дальше, — не то, что есть в человеке, а что вне его—общественный процесс. При таком положении вещей от человека требуется лишь слепая вера в эту чудодейственную силу».

Позвольте! Откуда все это следует и что вообще сие значит? Разрешите даже спросить вас: читали вы мое письмо или не читали? Перечитайте! Там же ясно сказано, черным по белому написано: «Человек не бессильный исполнитель данного ему закона, а создатель собственных нравственных ценностей, по которым, пусть медленно, с ошибками он строит свою жизнь и строит самого себя».

Где же здесь «сила вне человека», где «слепая вера» и «библейский бог с седой бородой»? И ничего я не обоготворяю, ничему не поклоняюсь и никакой награды ни от кого и ни за что не жду — это все категории вашего религиозного мышления, которые и выдают его подлинную сущность. Я ищу истину, я хочу найти, осознать и укрепить основания безрелигиозной нравственности, так как религиозная, при всех потугах, исторически себя изживает. И я ищу эти основания как раз в том, что есть в самом человеке («вспыхнувшая искра»), а не вне его («заложенная искра»).

И общественный процесс — это не чудодейственная сила, в которую нужно слепо верить, а исто-

рическое время и общественные условия, в которых вспыхнула и разгорается та действительно чудодейственная искра человеческой совести и нравственности, которая должна победить все туманы и тьму жизни.

Но к этой победе человек придет не через слепую и пассивную веру, а через собственные, внутренние усилия, ошибки, срывы и победы. Как раз об этом я и писал в прошлом письме, споря с вашей концепцией «заложенной искры», а вы все переворачиваете с ног на голову и приписываете мне то, против чего я же сам и возражал.

В самом деле, послушаем теперь вас. «Весь видимый нами мир создан разумным началом и содержит в себе определенную цель и назначение. Здесь мы видим причину и следствие».

«Единственное назначение нашей жизни здесь на земле: сохранить в себе то, что нам дано началом всех начал, богом, вскормить и растить единственный росток истинной жизни... Выполнять волю Пославшего, а не свою собственную».

Это все ваши слова, а в них вся самая архитрадиционная религиозная «философия». И с сотворением мира, и с телеологией («цель»), и с предопределением («назначение»), и с божественным происхождением души, и с «волей пославшего», отрицающей и подавляющей собственную волю человека.

Я ведь человек XIX века, прошел старую школу, где десять лет зубрил закон божий: по происхождению я — сын священника и знаю все это, пожалуй, не хуже вашего. Здесь не хватает только того самого «бога с седой бородой», которого вы предусмотрительно по какой-то странной и — простите! — не совсем красивой логике списали на наш счет.

Не получается! Ибо самая сущность религии противоречит истине. Противоречит она и человеческому достоинству, хотя происхождение ее самое что ни на есть человеческое: человек трудился, работал, что-то совершал, что-то создавал, строил, творил — и этот «принцип творения» он перенес на весь мир. Как сам он создал, сделал каменный топор, глиняный горшок, колесо, хижину, так и весь мир и его самого кто-то должен был сделать, создать, сотворить своею волей и своею силой. Так, создав своего создателя, человек покорился ему в мыслях своих, как в жизни покорялся фараону, императору, князю или царю.

Но шли столетия, накапливались знания, исследовались явления, процессы, устанавливались закономерности. Вместо простого, детски наивного «да будет свет!» появились научные теории происхождения света и Солнца, животных, самого человека. За эти теории казнили, жгли на кострах, томили в тюрьмах, но они продолжали жить, совершенствоваться, развиваться и побеждать. В них — подлинная истина, устанавливающая внутренние закономерности жизни, и она никак не совместима с религией, которая эти закономерности отрицает.

Вот почему ваш термин «истинная религия» я считаю фальшивым. Вы хотите откреститься от «библейского бога с седой бородой», и от всех несуразностей, которые с этим богом связаны, и от всех жестокостей, которые именем этого бога совершались, и, почистив таким образом старый самовар, хотите выдать его за новый. Не получается!..

В прошлом письме я у вас спросил: а может быть любовь без бога? Вы мне не ответили, уклонились.

А вот что отвечает на это жизнь, история.

«Я хотел бы обнять своей любовью все человечество, согреть его и очистить от грязи современной жизни», — это писал Дзержинский из тюрьмы, где он провел много лет.

«Надо уметь понять величие сознательного отдавания себя... Революционеров никто не принуждает терпеть лишения и презирать смерть, они идут на подвиги по велению сердца ради счастья других», — это писал Чичерин, дворянин, аристократ по происхождению, получивший богатейшее наследство и отдавший его на дело революции, а сам живший впроголодь в маленькой, заваленной книгами каморке.

«Если бы был рай и ад, — пишет он в другой раз, — то я, несомненно, плюнул бы на все райские увеселения и пошел бы в ад, разделить страдания несчастных... Я был бы подлецом, если бы считался в раю, когда несчастные мучаются в аду».

А ведь это говорят принципиальные, непоколебимые атеисты, безбожники. Значит, может быть нравственность без бога? Может!

А с другой стороны, возьмите Кирилла Белозерского. Это был несомненный подвижник. Он занимал в Москве видное положение и, оставив все блага жизни, отправился на Север, в глухие леса, и поселился в пещере на берегу дикого Сиверского озера, положив начало монастырю. А потом этот монастырь стал крупнейшим крепостником, опорой царизма и тюрьмой для многих лучших сынов России.

А возьмите организаторов и главарей разных сект, тоже проповедовавших «истинную религию», а связавших ее с преступлениями и убийствами, не говоря уже о всей истории «святой» инквизиции.

Так обязательно ли нравственность связана с религией? Нет и нет, далеко не обязательно.

Значит, все дело в том **подлинном**, что лежит в основе поведения человека, — во имя чего он живет, как он относится к людям и обществу, как он строит свою жизнь.

Здесь я хочу перейти к следующему моему возражению вам. «Что человек — существо духовное, — пишете вы, — познается не в ходе исторических событий, не в борьбе различных философских направлений, а познается это каждым человеком в отдельности, внутри самого себя. Человек борется со злом не внутри самого себя, а с тем, что во вне! — утверждаете вы с ревностью апостола. — Человек ищет себе кумиров во внешней среде и забывает о единственном истинном боге, который внутри него».

Вы рассказываете сложную и довольно неясную историю некоего молодого человека, который, начав «с обычного круга жизненных интересов: курево, вино, танцы, «девочки», через длинный ряд внутренних переломов и превращений пришел к истинной рели-

гии: «Теперь он не вел борьбы с внешним злом, а просто не признавал его и не шел с ним ни на какие сделки».

И в конце письма вы, подводя итоги, рисуете перед человеком два пути: «Или идти к свету, или оставаться во тьме. Или отвергнуть в себе весь круг материальных интересов и целиком отдаться голосу разума, или погасить в себе свет и, оставаясь во тьме, признать ее за истинный свет».

А что же означает этот «истинный свет»? Вы говорите о вегетарианском питании, о выходе из комсомольской организации и об отказе от военной службы.

Все. Круг замкнут. Маски сорваны. «Истинный свет» и «истинная религия» обнажают свою подлинную сущность.

Что такое человек, его совесть, его нравственное начало, его духовный мир? Мог ли быть он один, голый человек на голой земле? Разве не в жизни, не в сотрудничестве, не в сообществе (вражда ведь тоже сообщество, хотя бы и со знаком минус) развился весь сложный и богатый мир человеческой души? Как жить, кем быть, что делать, за что бороться, кого любить и кого ненавидеть — разве не эти вопросы ставит перед человеком жизнь и разве не из этих вопросов возникали законы религии, философские теории, цветы поэзии? Только в обществе могли родиться все духовные богатства человечества. Только в обществе могло родиться и само понятие любви, про которую вы говорите, что «любовь есть бог».

Но как же можно любить, когда некого любить, если «каждый человек в отдельности»?

Только общество, только стремление к преодолению исконной животной вражды и поиски путей и форм совместной мирной жизни могли породить само понятие любви.

Вы же совершаете смертельную операцию и над человеком, и над идеей любви, и тем самым даже над собственным богом, который, по вашим словам, есть любовь. Вы хотите вырвать человека из той живой и живительной среды, в которой он вырос и в которой только может жить и развиваться, овладевать этой самой идеей любви и претворять ее в жизнь.

Потому что без такого практического претворения в жизнь любовь в любых устах — слово пустое, фальшивое, обманывающее людей.

А претворять в жизнь любовь, справедливость, вообще все высшие нравственные идеалы — это значит преодолевать то зло, которое стоит на пути этого претворения, зло внутреннее и внешнее.

Да, и внутреннее и внешнее, и без преодоления и того и другого достижение никаких идеалов невозможно.

«Если раньше силы пробудившегося разума он направлял на борьбу с внешней средой, то теперь все эти силы направлены на себя... Пробудившийся разум указывал ему на борьбу со злом внутри самого себя, и тихая радость посетила его», — так живописуете вы «горизонты», развернувшиеся перед молодым человеком, на судьбе которого строятся ваши рассуждения.

На первый взгляд, это кажется очень правильным и привлекает многих людей, стремящихся к нравственной чистоте и совершенствованию: борьба со злом внутри себя. Но разрешите вам сказать, что на деле это оборачивается утонченнейшим эгоизмом. Нельзя жить в обществе и быть вне общества. Нельзя быть святым «про себя» и «для себя». Нельзя менять внешнее, не меняя внутреннего, как нельзя совершенствовать внутреннее, не совершенствуя внешнего, тех условий внешней среды, в которой живет и от которой зависит это внутреннее. А иначе это будет означать: выключиться из общества и жить в себе и для себя. Это вы и проповедуете.

Вы проповедуете, например, выход из комсомола. Нет, Сергей Александрович, наши пути, видимо, расходятся. Когда мы говорим о воспитании, то имеем в виду воспитание общественного человека. И даже когда мы говорим о «борьбе со злом внутри самого себя» (а такое самовоспитание является необходимейшим элементом общего педагогического процесса), то мы имеем в виду то же самое. И в связи с этим мне вспоминается и приобретает новый смысл начало нашего спора: о понимании личности. Вы назвали ее кирпичиком, я предложил другой образ: элемент общества. На этом я настаиваю и теперь. Человек не пассивное, а активное, творческое начало жизни, и в процессе этого творчества он изменяет, совершенствует и внешнюю среду и свое внутреннее Я; и одно без другого немыслимо и невозможно.

Именно это лежит в основе нашего общественного воспитания и той молодежной организации, которая призвана его осуществлять,— нашего комсомола. Пусть в практической жизни его работа имеет недостатки — их нужно преодолевать, но проповедовать выход из комсомола — это значит подрывать самые основы общественного воспитания. А воспитание, повторяю, может быть только воспитанием общественного человека, а не «святой единицы».

И, наконец, последнее и самое страшное: вы проповедуете отказ от военной службы. Простите, но это просто кощунство. Я не знаю, как вас коснулась прошлая война, но я уверен, что миллионы и миллионы наших людей, перенесших ее муки и страдания, назовут вас за это изменником. И кровь моего единственного сына Володи, погибшего под Воронежем, в глубине России, куда пришли носители диких, человекоубийственных идеалов, заставляет и меня присоединиться к этому.

Мы не хотели войны в прошлом, мы не хотим ее в будущем — сами идеалы наши исключают ее. Но мы не хотим, да, мы не хотим, чтобы по нашей земле снова ходили завоеватели и топтали и землю нашу, пропитанную за столетия кровью, и сынов наших, и отцов, и дедов, и прадедов, и идеалы наши, за которые тоже пролито немало крови наших лучших товарищей, идеалы, к которым мы, пусть с ошибками, идем и к которым придем. И вот почему мы не можем, конечно, согласиться с вашей философией.

Вот, кажется, и все. Очень жаль, конечно, что интересно как будто бы завязавшийся разговор наш заканчивается так печально, но ничего не поделаешь. Вы сами предложили смотреть в глаза фактам и не отворачиваться от них. А факты и логика говорят против вас. Всего вам доброго.

На это письмо мой корреспондент ответил быстро, длинно и обидчиво, намекнув на то, что наши пути расходятся. К великому сожалению, это письмо не сохранилось. Ответил я на него так:

«Хотя наши общие позиции остаются те же,— писал я ему,—а может быть, даже, по вашему собственному признанию, еще больше разошлись, но мне хочется сделать еще одну попытку их прояснения.

Мне особенно понравились и сначала даже вселили некоторую надежду те места из вашего письма, где вы подвергаете очень суровой и обстоятельной критике так называемое официальное христианство и даже клеймите его как предательство по отношению к «подлинному» христианству. Но ведь подлинным, реальным христианством является именно оно, исторически существующее, и никак вы от него не откреститесь.

А в этом своем стремлении откреститься вы идете, кажется, дальше многих.

«Я не считаю Евангелие священной книгой»,— говорите вы и дальше даете такую критику евангелий, которая напоминает мне знаменитую в свое время разоблачительную книгу Давида Штрауса «Жизнь Иисуса», которая произвела на меня очень большое впечатление в юности.

«Отбор четырех евангелий из многих других — дело тысячи рук и умов человеческих, и, выбирая эти лучшие евангелия, церкви прихватили много ложного, чуждого духу Христа... Поэтому рядом с чистой и прозрачной струей в них течет мутная, загрязненная, негодная для питья вода».

Вы признаете далее, что «тогда невольно отпадают и теряют всякий смысл такие моменты, как рождение Иоанна Крестителя, его заключение и смерть, как рождение Иисуса и все его чудеса и пророчества, воскрешение мертвых и даже воскресение самого Христа».

«И только после того, как, отбросив все, что не относится к разумному пониманию вещей, передо мной заблистал, — говорите вы, — тот изумруд, который так старательно был упрятан среди мусора и хлама, выявилось то действительно священное, каким является учение Христа».

Очень важное признание, дальше которого идет Достоевский, утверждающий, что там (в Евангелии) и учения-то никакого нет, есть только образ Христа.

У вас другое:

«Христианство не только не есть суеверие, но есть самое строгое, чистое и полное метафизическое и этическое учение».

Но вы же сами утверждаете: «Так говорит не только Христос, но и учителя браминов, и пророки еврейские, и Конфуций, и Сократ, и Марк Аврелий, и Эпиктет, и древнеиндусские Веды» — и иллюстрируете это довольно интересными текстами, подтверждающими основной пункт наших разногласий, что «в человеке живет божественный свет, сошедший свыше», и свет этот есть разум и что одному ему нужно служить и в нем одном искать благо».

И дальше вы приводите слова Конфуция о разуме, «который мы получили с неба».

Сопоставьте все это с вашими же словами о «разумном понимании вещей», «здравых и разумных позициях», необходимости «отделить разумное от предрассудков» как условие очищения «подлинного христианства» от налипшего к нему «мусора и хлама». Разумное, разумное, разумное... — и вдруг «разум, который мы получили с неба». Путаете вы, дорогой товарищ! И себя путаете и людей, которым вы, видимо, проповедуете этот фальшивый «изумруд».

В самом деле, смотрите, что вы, ссылаясь на Кришну, рекомендуете:

«Глядя из великого мира внутри себя на малый мир вне себя, вы будете знать, что все хорошо в вас и вне вас».

Все шиворот-навыворот.

На самом деле, я, глядя из своего внутреннего «малого» мира, постигаю и осмысливаю тот большой мир реальностей, который меня окружает, и этим еще больше расширяю и развиваю его, этот свой мир, и оцениваю, что плохо и что хорошо во мне и вне меня, и этим способствую изменению и улучшению и того и другого. И это есть разум. А вы со своим Кришной говорите: ничего этого не нужно, ибо все хорошо — и вне и внутри: живи, не думай и будешь «смиренным и радостным, как ребенок». А я не хочу быть ребенком, я не хочу быть смиренным, и радость я вижу в мысли, разуме, в действии, в борьбе и преодолении.

Вы ссылаетесь на мое утверждение, что «человек не может жить без нравственных и духовных идеалов, что в них есть сила, в них его человечность». Да, утверждаю. Но это совсем не то, что вы имеете в виду. Да, я остаюсь «на материалистических позициях». И с этих позиций я неоднократно ставил перед вами коренные вопросы. Но вы на все эти вопросы и доказательства не отвечаете и снова прячетесь за евангельские тирады: «Сущность веры Христа есть свет» и т. д.

В заключение для полной ясности коснусь еще одного вопроса.

Говоря об «этическом учении» Христа, вы утверждаете, что «выше его не поднимался до сих пор разум человеческий и в его кругу, не сознавая того, движется вся человеческая деятельность». Но почему же, «не сознавая того»? Проповедь любви к людям, говорят Маркс и Энгельс в «Циркуляре против Криге», составляет один из источников, из которого произошли идеи социальных реформ. Да, это так, и история первых времен христианства, как говорит Фридрих Энгельс,— имеет много характерных точек соприкосновения с современным рабочим движением.

Как же быть с той грязью и мусором, с той «непитьевой водой», о которых вы же сами и говорили?

Нет! Идеи мира, дружбы, любви, равенства и братства людей — это чисто человеческие идеи, выработанные человечеством в процессе трудного опыта своей трудной жизни, принявшие в силу условий того времени ре-

лигиозную, фантастическую форму, которая и загрязнила этот чистый источник.

Теперь эта форма изжила себя. Эти идеи нужно, пора осуществлять на практике, в жизни, в нашем земном материальном мире, а не переносить их в заоблачные выси религиозной веры.

Впрочем, я не знаю, зачем я это говорю — ведь безнадежно, вы все равно ничего не поймете и ни с чем не согласитесь. Вы отказываетесь от логики, ее убила бессмысленность бессмысленной веры. В самом деле:

«Жизнь есть действие духа, а дух, составляющий сущность бога, непостижим для материального ума человека, — пишете вы. — И даже Христос не может показать, откуда и куда мы идем, ему, как и каждому человеку, не дано знать — откуда пришел и куда возвращается действующий в нас дух. Но нам надо знать истину, то есть закон, по которому он проявляется в нас».

Какой закон? Какую истину? Кем дано? Откуда мы это знаем? На каком основании вы это говорите, и почему я должен этому верить?

Или: вы ставите в вину атеизму, что его цели земные, а «любая цель здесь, на земле, как бы она ни была прекрасна и возвышенна, все они кончаются со смертью человека и, следовательно, есть ничто».

Как так—«ничто»? Цели живут в делах человека — в построенном доме, храме, в написанной книге, музыке, в рожденном и воспитанном человеке. Вы, конечно, возразите: это все материальное, плотское. Но без этого вас самих не было бы на свете. Вы замерзли бы без дома, без печки и не читали бы Евангелия, напечатанного людьми на бумаге, сделанной тоже людьми, и т. д. и т. п.

Нет, «железных цепей земли» вы не порвете.

А вы при своей путанице обвиняете меня в отсутствии логической последовательности, в том, что я «балансирую» между личностью и обществом, между идеалом материальных благ (коммунизм) и идеалом духовных благ (христианство), что я служу двум хозяевам — богу и дьяволу.

Какая чепуха! И не просто — метафизическая чепуха: «если это черное, так черное, а если белое, так белое». А на самом деле между белым и черным расположена целая гамма, богатейший спектр живой жизни.

Вы видите сущность нравственного начала «в самой природе человека», в душу которого якобы заложено небесное, божественное зерно, и упрекаете меня в том, что я истоки этого начала вижу в человеческом обществе. Соответственно и в путях к светлому будущему вы усматриваете два направления: от личности к обществу и от общества к личности; одно — правильно, другое — неправильно. А меня вы заставляете балансировать между тем и другим.

А это не балансирование, а единство, синтез и взаимодействие того и другого, «земли» и «неба», материальных и духовных благ и ценностей. Живя на земле, мы не должны забывать о «небе», стремясь к «небу», не имеем права отрываться от земли. И стремление к высшим, даже самым высоким идеалам, выработанным человечеством, а не дарованным ему «свыше», есть длительный исторический процесс и борьба с теми «земными» препятствиями, которые стоят на пути к этим идеалам.

Нет, Маркс осуждает «чувство, находящееся в плену у грубой практической потребности», и считает, что коммунизм должен, «с одной стороны, очеловечить чувства человека, а с другой стороны, создать человеческое чувство, соответствующее всему богатству человеческой и природной сущности», и создать, таким образом, «богатого и всестороннего, глубокого во всех его чувствах и восприятиях человека». Вот подлинные цели коммунизма, цели земные и высокие.

Но особенно путаете, и опасно, вредно путаете, вы в вопросах патриотизма. В прежних письмах я предупреждал вас об этом, но вы снова повторяете свои ошибки.

Да, «люди всех наций и всех народов уже осознали (я бы сказал: осознают. — **Г. М.**), что они все равны и братья между собой». Но из этих глубоких слов Льва Толстого, отражающих рост тех интернациональных чувств, за воплощение которых и борется коммунизм, вы опять делаете в корне неправильный вывод о непротивлении злу. Ведь полное и всеземное братство людей еще не пришло. Оно придет, непременно придет, но за него нужно еще долго бороться — за земное братство людей на земле, и наш советский народ ведет эту борьбу за это братство.

Вот, кажется, и все. Нет, конечно, не все — вопросов здесь бесконечное множество, а путаницы еще больше. Здесь я постарался выбрать главное и сложить из этого что-то цельное. Как удалось — не знаю. Будете ли вы отвечать — тоже не знаю. Но если будете — ответьте на все эти и другие поставленные мною раньше вопросы прямо, без уверток и умолчаний.

На это письмо Сергей Александрович не ответил. А жаль!

Окончание следует

⊙ Плох тот рай, где водятся змеи.

⊙ Неприкаянный — еще не прибитый Каином.

⊙ У Циклопа только одна точка зрения.

⊙ Верните богам огонь — пусть они хоть горшни обжигают.

⊙ Перед Адамом вопрос был поставлен ребром — и появилась Ева.

⊙ Объявление: «Продам паром. Харон».

Владимир КОЛЕЧИЦКИЙ

⊙ Если черти еще существуют, то только потому, что у них есть ангелы-хранители.

⊙ Допотопным ученым было легче: не надо было доказывать, что потопа не было.

⊙ Свадьба влетела в такую копеечку, что ее сразу можно считать золотой.

А. ЛИГОВ

г. Новосибирск

ШТРАФНОЙ БАТАЛЬОН

РОМАН

Евгения СЕРГИЕНКО

Рисунки Р. Авотина.

В первые годы вдовства Калерия Ивановна старалась вернуть прежнюю уверенность, пыталась что-то наладить, не соглашалась с мыслью, что главное-то, на чем держалось благополучие семьи, сломалось навсегда. Обзванивала знакомых, приглашала в гости, и кое-кто спервоначалу приходил. Пенсию, хоть и маленькую, она получала, но разве в хлебе да в крыше дело? Почему так несправедливо обошлась с ней судьба? Мало дней проводит она в тревоге и страхе, ожидая, когда заявится сынок? Приплетется пьяный по стеночке, будет орать и обзывать по-всячески ее — родную свою мать!

Но сравнивая отца и сына, Калерия Ивановна признавалась, что из Виктора получился бы лучший семьянин, если бы у него была семья. Не по своей воле живет он врозь с Андрюшкой. А как им дорожит! Иной раз Калерия Ивановна даже напомнит Виктору, что вот Нина и бывшему мужу и свекрови такого внимания не проявляет и не зайдет никогда, а он доволен одним:

— Андрюшу она к нам отпускает.

— Экое одолжение! Еще бы не отпускать. То мальчишка болтался бы по двору, а то сидит у нас на глазах, ты с ним занимаешься — и уроки с ним, и гуляешь с ним.

— Мама, о чем ты? Пойми, я Андрюше — отец.

Понимала отлично, что Андрюша для Виктора, а значит, и для нее самой — великое благо. Если пообещает Виктор повести Андрюшу в воскресенье в кино или в зоопарк, то уж и в субботу ни капли себе не позволит, и проведут отец и сын воскресный день вместе. Нина обзвонится, зазывая домой Андрюшку, а то и носастая ее мамаша самолично прибежит, будто Андрюшенька не у родной бабки. А они, Виктор и Андрей, никого не видят и не слышат. Мастерят что-то, паяют и поют песни. И как когда-то Калерия Ивановна собирала чемоданчик для мужа и сына, так собирала по субботам и теперь. Шли ребята в баню. И тоже в Сандуновские. Андрюша приносил свое бельецо из дому в газетке, и баба Каля, укладывая, просматривала ревниво: чисто ли выстирано, есть ли пуговицы, а нет — так ворчала и пришивала. Но все же внук не прирос к сердцу Калерии Ивановны. Может быть, оттого, что не нянчила? А скорее всего потому, что напоминал ей мальчик невозвратную потерю — смерть мужа. Родись Андрюшка пораньше (все равно ж преждевременно родился), успел бы дед Николай Демьянович порадоваться, хотя бы денечек. Конечно же, глупо думать так, а вот думалось, хотелось найти виноватого.

Разобраться, так во всем виновата Нина. Разлучила сына с отцом, разбила семью, а что выгадала? Одной самой разве лучше? Чем ей плох Виктор? Ну, пьет. А стал бы другой разведенный так заботиться о ребенке? Да это же не мужчина — ангел! И от такого мужа отказаться... Велосипед Андрюше купил на какую-то премию. Не пропил. Велосипед уж... Вот как летит время! Заглядывала Калерия Ивановна в зеркало и удивлялась: когда же этот обман кончится? Поставили перед ней сухонькую седую старушку с одутловатым морщинистым лицом и говорят в насмешку: «Это ты». За что же? Но никуда не денешься. То есть денешься куда-то, и останется Виктор один. Что же с ним будет? Снится ей часто тревожный сон, будто лежит Виктор на холодной темной лестнице среди ночи и не может подняться и позвонить, и некому ему дверь открыть, впустить в теплую квартиру. Ужасное видение это погнало Калерию Ивановну к Нине. Выбрала время, когда Антипиха ездила к старику в больницу. Заболел он уже безнадежно.

— Ведь и ты, Ниночка, одинокая, неустроенная, — завела бывшая свекровь сначала окольный, а потом и прямой разговор. — Умру я скоро, Ниночка. Ты тогда хотя бы навещай Виктора. Обещаешь? Приглядывай за ним, не чужие вы. Сын у вас.

Нина, не поднимая головы, чуть заметно кивнула, будто мысленно согласие дала, а вслух сказала бодрым голосом:

— Полно, Калерия Ивановна! Вы же не старая совсем и выглядите хорошо.

— Как не старая. Седьмой десяток доканчиваю.

Окончание, начало см. в № 5, 6.

— И что же? Никитишне, пожалуй, скоро девяносто, а смотрю, тащит половик трясти во двор. Я ей помочь хотела, а она не отдала. Не марайся, говорит, этот из прихожей. Все об него шаркают, а потрясти некому, я одна трясу.

— Она так сказала? Да это же я положила коврик в прихожую, чтобы грязи меньше таскали в коридор, и вытряхиваю каждый день! — разбушевавшись, Калерия Ивановна и позабыла, зачем пришла, поспешила домой обличать Никитишну. Только уже на лестнице, поостыв, вспомнила, что не получила определенного ответа от Нины. Воротиться? Э, ладно, тут уж как бог! Вот сходит в церковь, помолится, и дома — богородице и чудотворцу.

Молилась дома она не так уж часто, а лишь тогда, когда не оставалось сил сдерживать в себе негодование против сына за то, что не могла она хвалиться и гордиться им перед соседями. Виктор не стал тем благополучным человеком, каким был его отец, умеющий заводить полезные, выгодные знакомства и поддерживать нужные связи. Калерия Ивановна постоянно чувствовала себя обворованной, ее глодала жестокая обида оттого, что не имела она теперь полного права прокричать на весь коридор: «Мы Курносовы, нас все знают!» Нет, не было больше причины считать себя выше других в квартире и виноват в этом ее родной сын. Поживи еще Николай Демьянович на свете, разве такой была бы ее старость?

Ходить в церковь она зачастила, схоронив мужа. Потом притерпелась к своему горю и ходила лишь по большим праздникам, чаще всего с Никитишной. И всякий раз, возвращаясь, спорили они. Во-первых, батюшки правят службы слишком поспешно, прямо-таки на рысях. Заупокойные записочки кладут в одну кучку с заздравными. Кто же знает, как они будут потом читать? Во-вторых, свечка только что зажжена, не успел кончик оплавиться, а уж прислужница тут как тут. Погасит и вынет.

— И, конечно же, снова ту свечку продадут. А еще божий храм называется! — возмущалась Калерия Ивановна.

— Да плевать на ту свечку! — отвечала со вздохом Никитишна. — Тебе жалко? Тридцать копеек делов-то. А мы помолились, душу отвели, себя успокоили — и ладно.

— Отвели! Успокоили! Наоборот, я еще сильнее расстроилась.

— Ну, не ходи. Не позову я тебя больше.

— Но сами-то вы, Никитишна, все равно пойдете?

— Куда ж мне ходить-то? Разве я к попу прихожу? Я к себе самой прихожу. Где же я смогу так смирненько постоять и об жизни и об смерти подумать? Свечи горят, иконы блестят, хор поет. Душа отмякает, злоба с нее шелухой сойдет, и всех мне делается жалко, и всему миру людскому я хочу счастья. Я знаю одно — молюсь. Надо же мне перед кем-то держать ответ.

— За что ответ? Я лично, например, ни перед кем ни в чем не виновата.

— Ой ли? Сына ты родила? Вот за это одно перед ним отвечаешь.

И Калерия Ивановна очень ясно вспомнила ту ночь, когда приехал наконец Травкин и как бабка Никитишна намекнула ей, что все знает о Вите. Все то пережитое всколыхнулось сейчас в душе, но не страхом, как бывало раньше, а болью. Правильно ли она поступила с сыном?

— Я не говорю, конечно, что абсолютно ни в чем не виновата, — произнесла она скороговоркой. — Я же тоже человек, не ангел, и я не безгрешна. Но каких-то больших грехов на мне нет.

— А как ты измеришь грех, какой большой, а какой поменьше? Двух человек убить — большой грех, одного — поменьше?

— Господи, что вы такое плетете, Никитишна! Я же никого не убивала!

А сама не переставая думала о Вите. Бедный мой сыночек, единственный сын мой, может быть, я виновата, что непутево сложилась твоя жизнь? Я же все отдала для тебя, и сейчас для тебя свой век доживаю... Слезы навертывались на ее глаза. Вот сейчас, после церкви придет она домой и так ласково поздоровается с Витей, и он ответит ласково. Сядут они вдвоем обедать и поговорят по душам. Он поймет, как нехорошо поступает с матерью, станет ему стыдно, попросит он прощения, а она — мать, она простит, и заживут они тихо, мирно друг для друга...

Калерия Ивановна быстренькими шажками спешила домой, чтобы светлая эта мечта сбылась поскорее. Но увидев сына буйным и пьяным, забывала мгновенно об этой светлой своей мечте и ничего не чувствовала, кроме ненависти, и не жалела его, не прощала, не сочувствовала, даже не плакала, а ненавидела... Ненавидела!

ГЛАВА VIII

Солнце скатывалось за крышу. Скоро вечер. Виктор Николаевич обругал себя вслух, поднялся, сел, уткнул лицо в ладони и замычал. Значит, он продрых почти целый день. А ведь что-то собирался сделать. О чем его просил Андрюша? Придет же он! Знать бы, что не придет, поспал бы еще. Эх, досадно!.. Зашел за кефиром, взял колбасы, а тут подвернулись те двое, и скинулись. Вот и пропил субботу. Непослушная голова тяжело клонилась к коленям. Виктор Николаевич помотал ею и сказал:

— Умыться надо и поставить чайник. Скоро придет Андрюша.

— Я здесь, папа, — отозвался негромко Андрей из первой комнаты.

Виктор Николаевич вздрогнул и проснулся окончательно. Лицу в ладонях сделалось жарко.

— Давно пришел, сынок?

— Нет, па-а, не очень.

— Что же ты не разбудил меня? Растолкал бы.

— Зачем? Тебе же надо... выспаться.

Мальчик постеснялся сказать «проспаться», и от сыновней деликатности у Виктора Николаевича защекотало в носу. Он вспомнил добрым словом покойную мать, и на нетрезвые, мутные глаза навернулись слезы. Матери за то, что Андрюшка не видел его пьяным, он всегда был благодарен. Она запирала его на ключ, а он, проспавшись, спрашивал тревожно и виновато, не приходил ли Андрюша. Мысль о том, что сын станет стыдиться его, избегать, ужасала, как вечная кара. Потерять Андрюшу даже таким образом, даже отчасти, было бы для Виктора Николаевича равносильно смерти. Он гордился званием отца, оно пришло и наполнило жизнь светлым смыслом. Он стал не просто кто-то, какой-то там Курносов, он отец, и звание это он принял, как высокую награду взамен всех других недоставшихся ему наград. Лишить человека звания отца невозможно, потому что сила этого звания в самом слове, произносимом устами ребенка, сына.

— Папа, ты нашел фотографию? Ты же обещал. Забыл?

— Не искал еще. Сейчас вместе поищем и непременно найдем. Но сперва, сынок, напьемся чаю. Пойди, поставь чайник. Спички на кухне. А у мамы ты спрашивал? У нее должна быть какая-нибудь карточка.

— Есть, но маленькая совсем, глаз не видно. Мама сказала, чтобы я спросил у Митрохиных, а у них замок, они в деревню уехали к своим родственникам в гости.

— Ну, ничего, сынуля, не огорчайся, мы сейчас сами поищем.

Когда Андрюша удалился, Виктор Николаевич вышел в первую комнату, поглядел на себя в трюмо.

— Ох, рожа, — выразил он свое неудовольствие низенькому, полноватому и узкоплечему мужчине лет сорока пяти с заспанным щекастым лицом. Реденькие пепельные волосы торчали дыбом над вспотевшим лбом. Рубаха и брюки измяты.

— Тебе письмо, папа,— сказал, возвратившись, Андрей и положил на край стола конверт. — Лежало на кухне.

— От кого? — равнодушно спросил Виктор Николаевич, любуясь отражением сына, стройненького, высокого, с затененными густыми ресницами продолговатыми глазами, с прямой белобрысой прядкой на лбу и с намечающимся уже твердым очертанием рта... Виктор Николаевич сдержал вздох, произнес:

— Пум-пум-пум! — и переспросил без тени огорчения: — От кого же письмо нам? — А чем огорчаться? Он совершенно счастлив. У него есть сын. Но, наверное, счастлив и тот, на кого так похож его Андрей.

— Обратного адреса нет. И печать на марке неясная. Может быть, от того грузина Георгия, что останавливается у тебя? В прошлом письме он звал нас с тобой в гости. Поехали, па-а? Я же еще ни разу не видел моря!

— Какие твои годы, сынок! Хорошо, потом почитаем, доставай чашки, накрывай на стол, — распорядился Виктор Николаевич, взял полотенце и пошел на кухню умываться.

Аврора Алексеевна что-то яростно размешивала в крошечной кастрюльке. Вот уже второй год пошел, как не стало матери, а ее подруга и ровесница ничуть не изменилась. Та же фиолетовая косынка на жиденьких крашеных прядках, та же ехидность на неутомимом языке.

— Молодец ты, Витя, молодец! Посмотрела бы на тебя мать-покойница! Все ведь жаловалась: ах, сопьется, ах, опустится без меня. А ты вон какой, вполне приличный, и одет, как человек, и телевизор купил новый. Все для Андрюшки стараешься? Завлекаешь?

Надеешься, что и Нину вернешь? — И, не дав времени ответить, затарахтела высоким сладеньким голосочком: — Письмо тут тебе было. Взяли? Не секрет, от кого?

— От Георгия Шалвовича.

— А-а, грузин тот? Приедет? Чего привезет? Фрукты или цветочки? Ему-то как удобненько останавливаться у тебя. Денег не берешь, пол-литра принесет и ладно, ночуй, и рынок рядом. А ты за так больше не пускай. Они же, спекулянты, богатые. Ты деньги бери. Деньги. Когда же он явится?

— Он нас зовет с Андрюшкой в гости в Сухуми, — хмуро ответил Виктор Николаевич, плеская в лицо себе холодную воду горстями, смывая раздражение и стыд.

— Неужели? Поезжай! Бери отпуск, а у Андрюшки скоро каникулы. Хотя нет, не рассчитывай, Витя. Не отпустит Нина с тобой Андрюшу. Как его с тобой отпустить? — и, притворно вздыхая, вредная старуха принялась объяснять, почему именно нельзя отпустить с ним Андрюшу...

Но нечаянно сочиненная байка, понравилась самому. Виктор Николаевич представил, как плещутся они с сынулей в теплом море и загорают на мягком песке. И море и песок представлялись евпаторийскими, других видеть Виктору Николаевичу не довелось. Возник в памяти и киоск с газированной водой, отъехавший автобус и клубящаяся за ним розовая пыль... Все это вспомнилось без боли, как цветная картинка из старого журнала, который пролистал давным-давно.

— Па-а, а во сколько сегодня футбол?

— Включай! — крикнул Виктор Николаевич и ринулся к телевизору.— Сынуля, мы же прозевали первый тайм!

Курносовский чайник плевался и тарахтел крышкой на плите, а стадион в Лужниках ревел из распахнутой курносовской двери.

— Звук убавьте! — визжала Аврора, перекрывая стадионный рев. — Слышишь, Виктор? Прекрати хулиганить? Я в милицию на тебя, пьяницу, заявлю.

Щеки Андрюши вспыхнули от стыда, глаза напряженно уставились на экран, а за уголками плотно сжатых губ мальчика надулись продолговатые желвачки.

— Не обращай внимания, сынок, убавь чуть-чуть.

Виктору Николаевичу от слов Авроры стало так больно, будто обругали Андрюшу, а не его самого.

— Па-а, сейчас будет гол, — сказал Андрюша, хотя ничего подобного на поле не намечалось, и вдруг стадион взорвался.— Гол! Я же тебе сказал!

Игра закончилась вничью. Курносовы пили чай, смотрели краем глаза старый фильм и вслух мечтали о поездке на юг.

— Поедем лучше в Крым, — предложил Андрюша. — Мама там была, когда еще меня не было. Она рассказывала, что когда живешь на берегу моря, то можно купаться хоть пять раз в день.

— О чем тебе еще мама рассказывала? — спросил хрипловато Виктор Николаевич.

— О глиссере. Он, как ракета, летит над водой. А ты разве с ней не ездил тогда?

Андрюша умолк. Лицо мальчика отражало невеселую мысль. Он давно уже не задавал вопросов, касающихся отношений отца и матери, а малышом приставал, спрашивал, почему Вовкин отец живет с Вовкой, Толькин с Толькой, а ты, па-а, только гуляешь со мной. Но подрос и перестал спрашивать, Нина сумела объяснить ему и не мешала мальчику любить отца. Может быть, она поступает так из корысти? Что ж, он благодарен ей за эту корысть. Он благодарен Нине за все. И за то, что не вышла замуж и своим одиночеством оставила ему, бывшему мужу, тень надежды на возможность когда-нибудь, пусть не скоро, быть снова вдвоем.

— Отпуск у нас был в разное время, — сказал Виктор Николаевич. — Поэтому я и не сумел поехать с мамой. Мы ее все на вокзал провожать ходили: дедушка Коля, бабушка Каля и я.

Сын, не отрывая глаз от экрана, удовлетворенно кивнул.

— Фотографию ты обещал найти, — напомнил он.

Начали искать. Переворошили старые, с оторванными корочками плюшевые альбомы, выгребли слежалые папки и перевязанные шпагатом свертки из всех ящиков письменного стола, обнаружили внизу, в буфете старый портфель, полный газетных вырезок, писем, фотоснимков, вытряхнули все на раздвинутый обеденный стол. Семейный архив отражал в основном артистическую деятельность Николая Демьяновича. Много было фотокарточек Виктора Николаевича, начиная от той, где он голеньким карапузом, до недавней, очень неудачной, для доски «Наши рационализаторы».

— Такая у меня есть, — сказал Андрюша. — Я ее в рамку вставлю и повешу на стенку над своим столом.

— И бабушка упадет в обморок, — заметил Виктор Николаевич, впервые нарушив свое твердое правило — не отзываться дурно о бывшей теще.

— Все равно повешу! — смеялся весело Андрей, неумело скрывая радость: если отца уважают и ценят на работе, значит, можно гордиться таким отцом!

«Это ведь ты, — сказал бы Виктор Николаевич, посмей он быть откровенным. — Это ты, сынок, заставляешь тянуться за тобой, быть достойным тебя!» Чем держался бы Виктор Николаевич Курносов на земле, не родись у него пятнадцать лет назад сын Андрей? Ах, как славно бы жилось, если бы не постоянный страх его потерять. Вот возьмет Нина да и расскажет все. Но зачем ей, бедняжке, еще и эта беда? Он и намекнуть не пытался, что ему известна правда. За что же он причинит ей эту боль? За великое счастье быть отцом?

— Па-а, мы сделаем так. Вырежем звезду из красного стекла, вставим в тумбочку, а под звездой день и ночь будет гореть лампочка. Это будет наш Вечный огонь.

Искали Курносовы снимок десятого «Б», выпускников сорок первого года. Понадобилась срочно фотография Андрея Митрохина для школьного уголка погибших в Великой Отечественной войне.

— Па-а, а ты с дядей Андреем Митрохиным сидел за одной партой?

— Нет, он высокий был, его сажали в последний ряд. Наш десятый был тогда в конце коридора против химического кабинета. Кто теперь помещается у вас там?

— Тоже десятый «Б».

Андрюша учился в той самой школе, где и отец когда-то. Теперь это школа имени Анания Петровича Савельева. Запомнился он Виктору Николаевичу крепко. Страшновато, конечно, ученику, когда живешь в одной квартире с директором школы, но Ананий Петрович был очень добрый человек. Даже Аврора, перетрясая своим злоязычьем всех живых и мертвых, только и буркнула, однажды, что ростом он был невелик.

Пробило десять, потом ударило еще один раз, а сын и отец Курносовы перебирали старые фотографии. Не такой уж давний для отца мир был для сына преданьем, легендой, особенно все то, что касалось войны... Легкий стук в дверь вернул отца и сына в действительность.

— Наверное, к телефону, — сказал Виктор Николаевич. — Пойди, сынок. Наверное, мама... — и не договорил, обомлел, рука его потянулась к вороту измятой рубахи, поправила воротничок, потом поднялась ко лбу, пригладила волосы... Нина стояла в дверях. — Не ругай, пожалуйста, Андрюшу, — произнес Виктор Николаевич. — Это я его задержал. Что же ты стоишь? — воскликнул, выбегая из-за стола, подал стул. — Садись, Ниночка. Как ты вошла? Мы не слыхали звонка.

— Кто-то выходил как раз, — ответила Нина, села и стала тоже перебирать фотографии, не поднимая глаз, и, чтобы скрыть свое смущение, принялась отчитывать сына: — Пяти часов не было, как ты ушел. Ждем тебя ужинать, ждем...

— А я не хочу есть. Мы пили с папой чай.

— Давайте снова почайпием! — подхватился Виктор Николаевич и засуетился: — Андрюша, убирай-ка быстренько весь наш музей! — он носился, напевая, из комнаты на кухню, не веря своим глазам. Нина дома! Его жена!

За чаем вспомнили и Калерию Ивановну, и Николая Демьяновича, говорили о них хорошо. Виктор Николаевич подумал, как порадовалась бы мать, видя такую тихую семейную картину: сидят они втроем — муж, жена и сын... А у Андрюшки была такая довольная физиономия, будто вот он сейчас подпрыгнет и запоет.

— Мама, отпустишь меня с папой? Мы собираемся поехать в Крым или в Сухуми. Лишь бы в море покупаться. Я же еще не был на море. Все лагерь да лагерь, то в Звенигороде, то в Кратово. Помнишь, ты рассказывала мне, как каталась на глиссере в Крыму?

Лицо Нины вспыхнуло румянцем. Она глубоко и тяжко вздохнула, и ложечка задрожала в ее руке.

— Мы получили сегодня письмо от Георгия, — извиняющимся, мягким тоном сказал Виктор Николаевич, — он приглашает нас в Сухуми. Собственно, я еще не знаю. Андрей, мы же еще не прочитали письмо. Где оно? Куда ты его дел? Попробуй теперь найди!

Достали снова кожаный портфель и вытряхнули содержимое на стол, но во всем ворохе не оказалось нераспечатанного письма.

— Картинка на конверте такая: елки и надпись «Берегите лес от пожара». Но зачем нам оно, па-а? Зачем нам в Сухуми? Поедем лучше в Крым дикарями. Две девочки из нашего класса ездят так с родителями каждый год. Отпустишь, ма-а?

— Не приставай к маме, Андрей. Ищи-ка лучше письмо. Ты его засунул, ты и найди, — сказал Виктор Николаевич, страдая от жалости к Нине, чувствуя себя виноватым перед ней, будто это он мучает ее.

Нина вздернула голову, попыталась улыбнуться и спокойно предложила:

— Езжайте в Евпаторию. Там замечательный пляж.

Андрей подпрыгнул и чуть не задушил мать в объятиях:

— Мамуля, ты самая правильная женщина! Я не встречал другой, лучше тебя!

— Где ты нахватался таких слов? — нарочито негодовала Нина. — Это твое воспитание, Виктор? Пусти, Андрюшка! Пусти, а то отлуплю. Витя, видишь я с ним уже не справляюсь. Скажи же ему, он слушается тебя.

А он умиленно молчал...

В канун Дня Победы Андрюша принес отцу красиво разрисованное приглашение. Старшеклассники и выпускники сорок первого года приглашались на открытие школьного мемориального уголка. Народу собралось много. Пришли родные и близкие погибших и бывшие предвоенные ученики, и просто люди со двора и с улицы, кто услыхал о таком торжестве.

Было тесно и тихо в просторном вестибюле. Приспущенные знамена с черными бантами стояли прислоненные по обеим сторонам мраморного прямоугольника, а на мраморе в два столбика блестели золотые фамилии, а по стене длинным рядом висели тридцать портретов в черных рамках — все молодые, серьезные лица. Карточки, почти все, с которых увеличивались портреты, предназначались для паспортов. Возглавлял ряд Ананий Петрович Савельев, директор школы, учитель русского языка и литературы. За учителем шли ученики — и отличники, и двоечники, и те, кого он ругал, и те, кого он хвалил, — все теперь были вровень с ним в одном ряду.

Торжественная часть окончилась, люди медленно прошли вдоль портретов, как вдоль кремлевской стены, читая надписи вслух.

— Старший сержант А. С. Митрохин. Погиб при форсировании реки Днепр, — прочитал Андрюша и сказал какому-то мальчику: — Это наших соседей Митрохиных сын. Папа мой учился с Андреем Митрохиным в одном классе. Правда, па-а?

Тот мальчик, которому сказал это Андрюша, посмотрел на Виктора Николаевича с печальным уважением, как на портрет в черной рамке. Виктор Николаевич остановился, вглядываясь в увеличенную фотографию одноклассника, и увидел на ней другие черты: кудрявенький завиток на лбу, круглые щеки, небольшие глаза под подушечками припухших век... Могло ведь случиться и по-другому? Стоял бы сейчас здесь высокий седоватый мужчина — живой и здоровый Андрей Сергеевич Митрохин, а его бы сынишка прочитал вслух: «Старший лейтенант В. Н. Курносов. Погиб при форсировании реки Одер» — и сказал бы: «Это сын наших соседей Курносовых. Ты правда учился с ним в одном классе, па-а?» Могло бы и такое произойти. Война!..

Нина вбежала на школьный двор, когда уже все выходили из подъезда. Народ расходился, как с большого родительского собрания. Но покидать двор не торопились: стояли кучечками, сидели на лавочках. День был ясный, теплый. Молоденькая трава пробивалась кое-где на чистеньких, но еще не вскопанных клумбах. Старики Митрохины шли маленькими шажками. Сергей Саввич поддерживал за локоть свою одряхлевшую Марью. Подлетела к ним Нина, нарядная, юная, с непокрытыми пышными волосами, с ярким шарфиком, выбившимся из-под воротника легкого светлого пальто. Поздоровалась с Митрохиными, поцеловала их.

— Как на Христово воскресенье! — умилилась Никитишна и спросила: — Что ж это, Витя, твоя жена не похристосуется с тобой?

— Сегодня же не пасха, — отшутился Виктор Николаевич.

— Сегодня лучше пасхи! — значительно произнесла бабка. — Помянули мы убиенных, ох, как хорошо да красиво помянули их, сложивших головы за ради нас. Я вот зятя своего пришла сюда помянуть, летчика Виталия. А где лежит его головушка, кто знает? Может, в небе он сгорел, может, на земле убили. Прожил-то всего двадцать годков! Как живой, стоит у меня перед глазами. А сегодня пришли пионеры звать сюда Митрохиных, они пошли и я пошла. Сама. Никто меня не позвал. — Никитишна скорбно вздохнула, помолчала, потом потянула Виктора Николаевича за рукав и спросила: — Вить, а Вить, к тебе Нина ходит, говорят?

— Приходила.

— Так что же ты! Ты старайся! Может, и помиритесь, а? Славно было бы, ах славно! Сыночек же у вас, Андрюшечка, ах вежливый какой, уважительный. Ты теперь, Витя, держись, слышишь? Ни-ни!

— Знаю, Никитишна, знаю. Я уж ни капли...

—То-то! Ну, пошли тебе господь. Я-то рада. Эх, порадуется твоя матерь на небесах. Вот пойду к Пимену, свечку за нее, покойницу, поставлю.

— Я дам вам на свечку.

— Не надо. Мне знаешь кто дал? Аврора.

— Возьмите полтинничек и у меня. Поставьте еще одну.

— Эна, две! На кой ей? Жирно будет ее праведной душеньке, чтоб горело об ней две свечи. Аль, думаешь, и на том свете, как на этом, коли больше заплатишь, больше и отхватишь? Не-эт. Да разве в том честь, чтобы свеча на помин души горела? Это, пожалуйста, купи, воткни и запали. Не велик расход. А надо сказать доброе слово, помянуть покойницу чистой слезой!

— Верно, Никитишна. Мудрая вы старушка.

— Во-во! Ты меня слухай, слухай. Я тебя научу! Чего стоишь, ворон ловишь? Иди к ней!

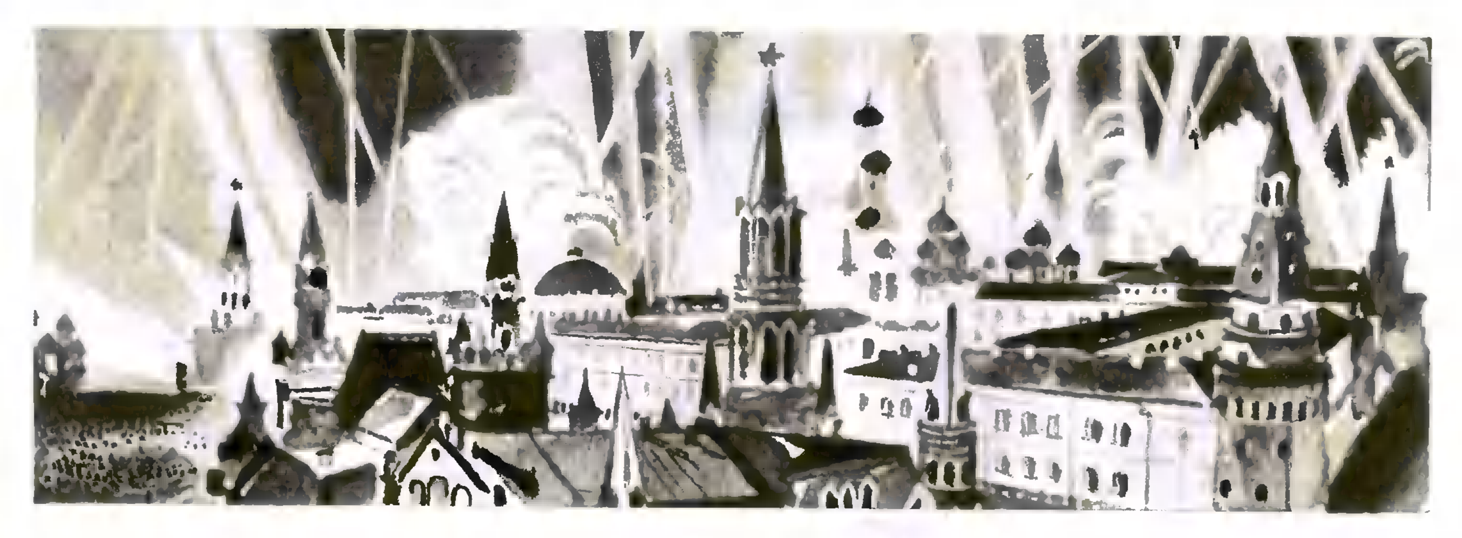
— Андрюша! — позвал Виктор Николаевич. — Мама пришла. Пойдем, покажем ей ваш мемориал? — Они вдвоем, сын и отец, приближались к Нине, а Сергей Саввич, кивнув в их сторону, сказал:

— А вот, Нинушка, и твои мужики.

Виктор Николаевич расслышал то, что сказал Нине старик, и сердце радостно екнув, куда-то провалилось... Неужели придет к нему его счастье, и заживут они все вместе, семьею — Андрюша, Нина и он?

— Спасибо тебе, Витя, — поблагодарила старуха. — Спасибо, что карточку Андрееву нашел. Да как хорошо ты все с ребятами устроил. Благолепно, краси-

во, и огонечек красненький, будто лампадочка в святом углу горит.

— Это символический Вечный огонь, — пояснил Андрюша. — Символизирует вечную память о погибших героях.

— Ну а я что, внучоночек, говорю? Вечно я об Андрее своем слезы лью и помню его. Разве может мать единственного сына забыть? Вот подрастешь маленько, заберут тебя в армию, думаешь, мамка твоя не поплачет о тебе? Еще как слезки-то лить будет. Да не дай ей господи, чтобы так, как я об своем.

Страх разлуки с Андрюшей кольнул Виктора Николаевича. Но зачем же, однако, кликать беду? Не станет же Нина ни с того ни с сего лишать Андрюшу отца? Все во власти Нины. Захочет она, и счастливый отец Андрея Курносова превратится в одинокого, брошенного, никому не нужного пьяницу Витьку Курносова, который будет с утра околачиваться возле винного магазина, дожидаясь, когда же начнут водку отпускать, а дождавшись, будет пить в подворотне с такими же забулдыгами... Он был счастливым отцом все эти годы, а что сделал такого выдающегося, что преодолел или приобрел для достижения этого счастья, в чем перепрыгнул себя выше головы? Ни в чем! Просто любил своего сына и не представлял себе, как бы мог он жить без Андрюши.

Домой Курносовы шли все вместе, втроем. Не спешили. Свернули на бульвар. Андрюша подбежал к мороженщице, купил три эскимо на палочке и угостил родителей. Он то чинно вышагивал рядом с матерью, то уходил вперед, присаживался на скамейку и ждал. И вот, когда он сидел так, Виктор Николаевич, взглянув на сына, вспомнил Шурку Лагина, как это бывало много раз. Вспомнил, как шли они потихонечку с Ниной и, не доходя этой скамейки, на которой теперь сидит Андрюша, встретили высокого белобрысого парня в расстегнутой шинели, такого беловолосого, что издали он казался седым. У Андрюши тоже белые льняные волосы, прямые, не волнистые, как у матери, и не кудрявые, какие были в молодости у отца. Брови у Андрюши тоже совсем темные, коричневые, и заметны уже будущие складочки за уголками четкого рта. А у Виктора Николаевича подбородок мягкий, скошенный, углы губ безвольными морщинками съезжают вниз.

— Вы не передумали ехать в Крым, а Курносовы мужики? — весело спросила Нина. — А я вам квартиру нашла. Одна наша сотрудница говорила, что у ее родственников в Евпатории свой домик и они всяким дикарям комнаты сдают.

«Ах, Нина, Нина! Зачем же ты защищаешься? Ты желаешь смелостью отвергнуть подозрения? Да разве я обвиняю тебя? Я благодарю тебя, моя милая, моя единственная жена!» — грустно думал Виктор Николаевич, продолжая улыбаться. А на кой ему ехать в эту Евпаторию? Показать Нине, что он ее не подозревает, не боится этого города? Что верит ей? Значит, и она живет в вечном страхе, как и он? Постоянно боится услышать постыдное обвинение? Боится все эти шестнадцать лет? «Не бойся, Нина! Я скорее соглашусь умереть, чем упрекнуть тебя. Мы оба уже только слегка молоды, мы оба намучились за эти годы. Давай начнем жить рядышком тихо и мирно, жить вместе, радоваться Андрюшке, ждать внуков и стареть вдвоем...» Именно так хотел бы сказать жене Виктор Николаевич. Сесть с ней на скамейку, погладить осторожненько ее пышные волосы, теперь подкрашенные уже, сказать эти откровенные, выстраданные в одиночестве простые, очень разумные слова, ждать ответа, который приготовил за Нину в своих мыслях он сам. «Хорошо, Витя, — должна ответить Нина. — Я согласна. Мы оба одинокие и немолодые, мы оба любим Андрюшу. Зачем же нам любить его врозь».

— Мама, поедем и ты с нами. Вот здорово будет!

— Езжайте одни. Ты же знаешь, Андрюша, что у меня отпуск в октябре. Все лето занято: то конференции, то симпозиумы.

Нина много лет уже работала стенографисткой в Академии медицинских наук. Вечерний институт она бросила, потому что родился сын, но Андрюша вырос, а Нине так и не захотелось возвращаться к учебе.

— Мама, а торт? Когда же мы будем есть торт?

— Какой ты, в сущности, еще ребенок, Андрей.

— Сейчас начнешь читать мораль, что ты в мои годы трудилась в ночную смену на фабрике, шила шинели для фронта.

— Скажу. Шила, трудилась, а ты лентяй, у тебя тройка по геометрии.

— И что? А у погибших, думаешь, не было троек? Даже двойки были. Но тогда была война, военное время, и я бы, если бы жил тогда на свете, убежал бы из дому добровольцем на фронт.

— В честь чего у вас торт сегодня? — спросил Виктор Николаевич, желая переменить разговор.

— В честь Дня Победы, па, тебе в подарок. Участнику войны. Ты свой самый главный праздник забыл? Мама вчера купила, сказала, что потом не достанешь, а папа позовет нас чаевничать, мы и понесем ему в подарок торт.

— Андрей! — возмутилась Нина, покраснев.

— А что? Пусть приглашает. Зови нас, па, чай пить. Я сбегаю торт принесу. Бежать?

— Давай, сынок, двигай, а мы с мамой пойдем ко мне накрывать на стол.

— Нет, нет, — не согласилась Нина теперь в отместку сыну. — Мы еще уроки не делали, у нас завтра геометрия, мы три задачки должны решить. Витя, мы придем поздравить тебя с наступающим праздником часов в восемь или в половине девятого. Не поздно? Не уляжешься спать?

Но не спит ли он сейчас? Укусить себя за палец, что ли? Счастье идет к нему и так прямо, что можно сойти с ума!

Виктор Николаевич быстренько, коекак прибрал свои комнаты, сбегал в магазин, принес закуски и бутылку вина. Пришлось подзанять десятку у Авроры Алексеевны. Праздник обязан оставаться праздником! Придирчивый взгляд Виктора Николаевича наткнулся на какой-то конверт под письменным столом. Письмо? Наверное, выпало из кучи бумажного хлама, когда он спешно наводил порядок. Не поленился, полез под стол. Оно! То самое, что искали с Андрюшей. И елки, и лозунг «Берегите лес от пожара!».

— Ну-ка, ну-ка, прочитаем, что нам пишет генацвали, — пропел Виктор Николаевич, уселся в кресло и оторвал краешек конверта. Строчки ровные, хотя бумага без линеек, но буквы вздрогнувшие, извилистые, видно, что писала старческая рука. Кто?

«Многоуважаемый Виктор Николаевич, здравствуйте! Как мы уславливались, я не обозначаю обратный адрес на конверте, дабы не возбудить любопытства вашей матушки. Низко кланяюсь ей. Вы

сами уже возможно забыли, о чем просили, но я сам по своей старости и дряхлости нуждаюсь в том, чтобы не осталось за моей душой пустого обещания, хотя и постороннему приезжему человеку. Нынешней зимой выяснилось в одном разговоре, а потом подтвердилось, что я нахожусь в дальнем свойстве с Дарьей Даниловной. Моя покойная супруга приходилась ей дальней родней...»

— Что за ерунда! — возмутился Виктор Николаевич. — Это же явно не мне! — и, заглянув нетерпеливо в конец второго листа, прочел: «И. Ф. Соломатко». Снова взял в руки конверт. Может же произойти необыкновенное совпадение? Нет, адресовано правильно, ему. Возможно, спьяну дал когда-то кому-то свой адрес? Но о чем бы он стал этого Соломатку просить? Хотел уже бросить письмо, не дочитав, но словно крохотной фиолетовой молнией резануло по глазам. «...Знакомый вам Лагин Александр Михайлович живет под присмотром Дарьи Даниловны. Домик у них ветхий, требует ремонта, но намечается строительство санатория, и ближайшие дома все в скором времени, вероятно, снесут. Дадут им квартиру, а может быть, и две, они же между собой чужие люди, просто соседи, хотя мало найдется таких вот дружных родных. Дарья Даниловна знает Шуру с пеленок, поскольку всегда жила рядом и дружила с его покойной матерью. А других родственников у Шуры и у ней нет. Нас тоже будут сносить, но не раньше, чем через два года. Я, наверное, не доживу. Сердце плохое и давление повышенное, поэтому хотелось бы мне от вас весточку получить, как поживаете, при вас ли жена и детки...» — писал Игнат Фомич, тот евпаторийский старичок в пионерской панамочке, у которого давным-давно ночевал Виктор Курносов в ту незабываемую и невероятную, похожую на сон поездку в Крым... «...Шура наш болеет уже шестнадцать лет параличом ног. Свалился он вскорости, как вернулся из госпиталя из Москвы. Там ему делали операцию на ноге, так как рана не затягивалась с самой войны. А малюсенький осколочек в позвоночнике доктора побоялись трогать, говорили, что это опасно, велели Шуре подождать с месяц и находиться в госпитале под наблюдением. Он не послушался и самовольно уехал домой, и тут же следом за ним приехала из Москвы вы знаете кто. Жила она у Шуры три недели, были они счастливые оба и веселые, и вдруг она умчалась обратно очень расстроенная. Она уехала, а на другой день утречком он вышел на веранду и упал. Положили его в больницу, лежал он там полгода, потом в санаторий отвезли. Возили, возили еще три года по разным институтам и профессорам, и операции делали, и лечили всякими новыми средствами, и кое-что помогло: начал Шура понемногу вставать. А то сначала, как паралич случился, лежал, не ощущая ног. Последние же шесть лет он передвигается на костылях, но только по комнате. Надеемся мы на лучшее. Шура переписывается со своим знакомым профессором, и тот в скором времени вызовет его себе в госпиталь на операцию.

Причем же тут, скажете, я? А как только обнаружились зимой наши родственные отношения с Дарьей Даниловной, стал я их навещать. Езжу автобусом, здесь недалеко. Шура рад мне, когда я приезжаю, а я его, как родного сына, полюбил. Поэтому прошу вас, Виктор Николаевич, если держите вы зло на Шуру, то я становлюсь на колени перед вами и умоляю о прощении. Человек я старый, темный, малообразованный, вот и думаю, что несчастья с людьми случаются за их непрощенные грехи. А если грех прощен, то и несчастье минует. Я хочу, чтобы наш Шура выздоровел совсем и женился. Александра Лагина в нашем городе знают и уважают. В местной газете печатают часто его рассказы и статьи. Я все газеты эти собираю и храню. Я горжусь Шурой и по возможности стараюсь ему помогать. Приношу всякую литературу из городской библиотеки. Заведующая Наталья Владимировна доверяет мне без записи самые свежие журналы и передает через меня каждый раз привет Александру Михайловичу. Женщина она приятная, серьезная и одинокая, сердце у ней ангельское, ведь идти за нашего Шуру замуж, это же в няньки идти. А Наталья Владимировна пошла бы с радостью. Но я понимаю, что не желает он. Разговора с ним определенного с моей стороны не было, хотя я неоднократно намекал. Дело в том, что он крепко помнит вы знаете кого. Дорогой Виктор Николаевич! Хорошо бы нашему Шуре получить от вас каким-либо образом подтверждение вашей счастливой семейной жизни с вашей супругой и детками. Подробный адрес я прилагаю. Напишите ему вроде как поздравление от старого знакомого с Днем Победы и похвалитесь, что в вашей семье все крепко, очень крепко...»

Солнце давно скатилось по крыше на ту сторону, в чужой двор. Новые соседи, которые въехали в комнату Савельевых, вернулись с работы, и по коридору из их раскрытой двери загромыхала музыка телепередачи, и бегом туда-сюда зашлепали беспокойные Аврорины шаги. Все это проникало в сознание Виктора Николаевича, как сквозь толщу воды, а в глазах, тоже как сквозь стенки аквариума, виделся распростертый на операционном столе Шурка Лагин. Дорого же ты заплатил за свое трехнедельное счастье, Шурик! Но полную плату с тебя получил я, Курносов. У меня жена Нина и сын Андрюша, а у тебя — ничего. Андрюшка мне, а не тебе кричит: «Па-а, я вечером приду!» А тебе, Шурик, досталась ветхая хибара, костыли и жалость Натальи Владимировны. Сердце свое ты навечно отдал Нине Курносовой, моей жене. Вот здесь, Шурик, мы с тобой сошлись на узенькой дорожке. Кто кого? Нет, мы не на равных, мы не соперники. Нина умчалась от тебя, подарив тебе всего три недели, а мне сына, Андрюшу Курносова. Так кто кого? Ну уж тут, сам видишь, я не виноват.

Разговаривая мысленно с Лагиным, доказывая ему свое очевидное превосходство, Виктор Николаевич не испытывал, однако, страха потерять сына. Привычный страх, приблизившись, превратился неожиданно в какое-то иное, еще неясное чувство, незнакомое, не испытываемое ранее. Оно ширилось, обозначалось и предстало чувством вины. Да, это он, Виктор Курносов, племянник генерала Травкина, повинен в том, что дружок его и однокашник Шурка Лагин попал в штрафной батальон. Война есть война, убивают и ранят во всех батальонах, не только в штрафных; но он-то сам, Виктор, не попал в штрафники, а Шурка попал... Но разобраться, Шурик, тебе повезло, а не мне. Ты чист, а у меня все еще длится мой нескончаемый срок в штрафном батальоне. Мой штрафной — со мной!

В комнате стемнело, в коридоре горел свет. Значит, уже восемь или половина девятого? Что же, не слыхал, как били часы? Может быть, остановились? Забыл завести их утром? А возможно, он и правда сейчас спал и во сне читал то письмо? Нет, вот оно, в руке. Надо спрятать, Нина и Андрюша сейчас войдут.

— Привет! Что же вы так долго? Я ждал, ждал да и задремал. Включай свет, Андрюша! Начинаем пир!

И через несколько минут в раскрытую настежь курносовскую дверь было видно, как хлопочет у стола красиво одетая и красиво причесанная Нина, а Виктор Николаевич в белой рубашке и при галстуке носится из кухни в комнату и напевает, сыночек вторит ему, а на красивом лице Нины светится такой покой, что каждый бы, взглянув на нее, поверил: эта женщина всем довольна, семья ее дома и ничего ей больше не надо!

Ветчина была сочная и почти без жира, паштет маслянистый, а торт с ореховой прослойкой. Андрюшка мычал от удовольствия, и мать напоминала ему, чтобы он вел себя за столом прилично.

—Па-а, когда меня перестанут воспитывать? Я уже вырос!

— Еще немножко осталось, — сказал Виктор Николаевич и зажмурился, вообразив то большое, неотвратимое, что надвигается на его мальчика, что предстоит ему пережить, пока он вырастет.

Пили чай и смотрели по телевизору непонятный спектакль, потому что начало пропустили, говорили о поездке в Крым. Решено: отец с Андрюшей поедут, как только окончатся занятия в школе. Андрюша пошел в коридор позвонить товарищу, и слышно было, как он хвастал предстоящей поездкой. Нина слушала, качала головой, потом обернулась к мужу, посмотрела на него без улыбки, и лицо ее постарело, а беспокойные глаза наполнились слезами и просили за что-то прощения. Виктор Николаевич сразу заговорил о каком-то пустячке, о нахальном голубе, который уже не довольствуется крошками на подоконнике, а залетает утром в комнату и клюет из хлебницы. Нина засмеялась, стала опять довольной и спокойной, и Виктор Николаевич тоже был доволен, что на какое-то время их общая беда отодвинулась, притаилась поодаль. Ну, что же, пусть подождет.

Домой жена и сын уходили поздно, в двенадцатом часу. Виктор Николаевич пошел их провожать и во дворе только вспомнил, что бутылка так и осталась в авоське вместе с пакетом сахарного песка.

— Па-а, ты нарочно спрятал, чтобы тебе досталось одному? Смотри, я завтра после школы приду проверю.

— Андрей! Как тебе не стыдно говорить так с отцом! Виктор, ты избаловал его невыносимо! Андрей, ты обязан уважать отца!

А Виктор Николаевич благодарно подумал, что сию минуту и есть его настоящий праздник.

На рассвете недолгий и мелкий дождь

прошуршал по цинковому карнизу, по стеклу распахнутой наружу створки, и в окно потянуло запахом короткой предутренней тишины: мокрым асфальтом, влажной молоденькой листвой и бензином. Умытая крыша румянилась первой, встречая солнце. Прилетел нахальный голубь, сел на форточку, разглядел что-то на подоконнике, и спрыгнул вниз, и пошел ходить кругами, закурлыкал, зацокал коготками. Виктору Николаевичу казалось, что не было ночи, что не пил и не спал, а все думал и думал, и голове было тяжко от мыслей. Грязный стакан и пустая бутылка торчали на просторном и чистом поле нежно-салатового цвета. Нина вчера постлала любимую скатерть Калерии Ивановны. Большое фиолетовое пятно растеклось возле стакана. Почему оно такое темное? Наверное, от того, что скатерть накрахмалена. Отстирают в прачечной? Нужно сегодня же отнести, а впредь уже не придется застилать скатертей. Не будет у него семейных парадных чаепитий. Но почему он обязан потерять то, без чего и жить-то невозможно? Может быть, за эти несколько дней, пока письмо шло да валялось дома, все уже там переменилось? Шурка женился на Наталье Владимировне и счастлив? И ни в чем не нуждается — ни в сострадании, ни в жертве? Но какая же это жертва? Это правда. Чистая правда. А кому она нужна?

— Пшел вон! — обозлился Виктор Николаевич и запустил в голубя ботинком. Птица шумно метнулась в окно, ботинок шмякнулся на стол, стакан звонко упал на пол. Разбился. Открылась дверь, полоснул сквозняк, вошла Никитишна и, подслеповато вглядываясь, спросила:

— Чуть свет, а уже воюешь? Мало тебе того, что посидел с женой и сыном по-людски, потребовала душа твоя горькая добавки в одиночку?

— Оставьте меня в покое! Что я кого обидел или кому помешал? Захотел и выпил. Вам-то какое дело? — Он хотел вздохнуть, а воздух застрял в горле. Виктор Николаевич повалился лицом в подушку, плакал, стыдился своей слабости и не мог перестать... Сухонькая, твердая и ласковая рука гладила его по голове, приглаживала всклоченные волосы..

— Ну, нишкни, ну, будет... Нишкни! — приговаривала бабка, всхлипывая и сморкаясь. — Что поделаешь? Сурьезная штука — жить на свете. Тяжело, а надо. Ничего, ничего. Ты еще молодой, еще твоя судьба наладится. Мне вот об смерти подумать пора. Восемьдесят пятый годочек с благовещенья пошел — во сколько. А кажись, и не жила, а горевала. Все войны да войны. То мужа провожала и ждала, то сынов... Ну, будет. Поревели и хватит. Мужик ведь. Об чем тужить? Руки-ноги на месте, жена сама к тебе в дом просится. Иди умойся, я тебе опохмелиться принесу. Мы вчера с моей Катериной, как сам в баню ушел, сели, налили по рюмочке и помянули нашего соколика, Виталика родного. Вот и в газетах пишут, и по радио передают, что отыскивают, кто где погиб, где похоронен, и сообщают, а об нашем Виталике никаких слухов нет... Так принести тебе стаканчик? И огурчик есть маринованный, и селедочка. Принести?

— Никитишна, а ты поминала бы меня, если бы я... если бы с войны не вернулся? Молилась бы за меня, как за Виталия, или тебе было бы все равно, живой я или мертвый?

— Дурак! Плешь нажил, а ума нет! — прикрикнула бабка в обиде, а ее маленькая, жесткая ладонь шлепнула Виктора Николаевича по затылку. — Просила и бога и царицу небесную и за тебя дурака! Да, видать, не дошла моя молитва, коли ты об этом спрашиваешь! Как же нам, матерям, не поминать тех, кто с войны не воротился? Все они герои. Кто герой побольше, кто герой поменьше, а все едино, все незабвенные. Жизнь свою за людей положили. Никто же не знает своего смертного часу, когда и где этот час его застанет. Вот Андрюшку Митрохина, сказывала Марья, ей написали, застал, как речку они с боем переходили. Андрюша кличет: «За мной! Вперед!» Тут пуля в него и угодила. Разве он не герой? Недаром же Нина твоя сыночка назвала в честь его памяти. А школа вон в честь Анания Петровича. Ах, господи, как сейчас вижу, входит он на кухню и так деликатно, вежливо здоровается со мной: «Доброе утро, Авдотья Никитишна!» Золотой был человек, смирный, тихий. Царство ему небесное!

— Он ротой командовал. Осталось их пятеро. Удерживали они линию. Дали возможность товарищам отступить на новый рубеж.

— Видишь — товарищам! Разве ж не герой? Ты откуда знаешь? Передавал, кто живой остался?

— Прочитал вчера в школе. Написано под его портретом.

— Я не видела, я ж слепая. А очки не люблю. Не держатся они у меня на носу. Слазят. И знаешь, Вить, — засмеялась тихонечко бабка. — Мне ушам от них, от очков, холодно. Ей-богу!

Никитишна ушла, чтобы принести угощение, а Виктор Николаевич лежал и думал свою думу, что если бы он, старший лейтенант Курносов, командовал ротой и геройски погиб, то школу назвали бы именем Курносова. Ему казалось, что душа его раздвоилась и одна ее половина, главная и честная, осталась там, на войне, с теми, с погибшими... Но самый страшный свой час он пережил не на фронте, а в теплой квартире, здесь, где родился...

ГЛАВА IX

— Сумасшедшая, одумайся! С кем ты отпускаешь ребенка? Витька же его потеряет спьяну! — кричала бабушка и вырывала из маминых рук какую-нибудь вещь: то, что мама в этот момент укладывала в чемодан. Стыдно было смотреть, как они тягаются, кто кого перетянет, жалко было обеих, но маму жальче, потому что она плакала.

— Да хватит вам, ба-а! Хватит, ма-а! Соседям слышно.

— Не встревай! — бабушка замахивалась на Андрюшу полотенцем, а мама громко всхлипывала и закрывала лицо руками.

— Думаешь, я не знаю, чего это ты даже родное дите не пожалела, уступила Витьке? Езжай, мол, милый муж, езжай с моим сыночком, мне не жалко, я тебе доверяю, только не кидай меня. А он, пьянь чумазая, смеется над тобой и бабу, небось, такую же пропащую, как сам, уже завел.

— Мама, здесь ребенок!

— Андрюша, выйди вон! — приказала бабушка и, не обращая внимания, подчинился он или нет, продолжала свое: — Ты сама же выпытывала у ребенка, почему это папа так переменился за последний месяц. Ага, слушать стыдно? А спрашивать у Андрюшки не стыдно? Унижаться перед Витькой не стыдно?

— Чем же это я унижаюсь?

— Тем, что набиваешься сама! Гордость потеряла! Ради кого? Ради пьянчужки последнего, который только что под забором не валяется, — так заборов нет, сломали все! А какие люди к тебе сватались, с букетами приходили. Не приходят, забыли, на-кось, кусай теперь локти, никого, кроме твоего Витьки, возле тебя нет. Чего ждала? Кого? Чем плох был Игорь Семенович? Трезвый, обходительный, аккуратный, экономный. Кандидат наук.

Андрюша выскочил из квартиры, сбежал по лестнице и сел на лавочку возле подъезда. Если бабушка заладила про своего любимого Игоря Семеновича, то это надолго. Но жутко и вообразить, чтобы какой-то чужой дядька стал бы жить с ними, всем распоряжаться и называться маминым мужем, а его бы Андрюшкиным отцом. Зачем это маме? Есть же муж, хватит. Соседи так и передают, когда звонит папа: «Нина, твой муж звонил, просил передать». А ему, Андрею, и вовсе никакого другого отца не нужно. Так им и скажет. Спасибо, есть свой, собственный, заботливый па. Еще только подумаешь, что вот об этом надо бы папу попросить, а он уже сам знает.

— Па-а! — закричал Андрюша и подпрыгнул, увидев отца. Тот устало вошел во двор, неся авоську с продуктами, а под мышкой большой сверток.

— Па-а, ласты, да?!

— В очереди стоял за ними, аж взмок. Давка страшная, все едут на море. Бери свою морскую обувь, тащи.

— А тебе, па, уже и не хочется ехать? Настроение у тебя последнее время какое-то не такое.

— Устал я, сынок. Устал, — ответил отец и пошел впереди Андрюши. — Это мама говорила, что у меня не такое настроение? — спросил он уже в комнате.

— И бабушка тоже. Но я и сам вижу. Па-а, ты знаешь, что я хотел сделать, когда умерла бабушка Каля? Я хотел перейти к тебе жить. Жалко мне было тебя. Ты плакал, и я все думал, думал, ночью проснулся и думал, как ты там теперь совсем один? А здорово нам было бы вдвоем, правда? Никто бы на нас не шумел. Я умею картошку чистить и варить пельмени. Вода закипела, и кидай. Па-а, знаешь что? Хочешь, когда мы вернемся из Евпатории, я перейду к тебе жить?

— Мы же еще не уехали, — ответил отец и улыбнулся, а улыбка была такая странная, как будто болела у него вся кожа на лице. — Мы уезжаем завтра в двенадцать, а послезавтра в девять утра прибудем в Евпаторию. Ну, звони маме, начнем пировать!

Такого веселья, как в этот вечер, Андрюша не помнил за всю свою жизнь. Папа починил проигрыватель, который сломался, когда Андрюши и на свете не было, поставил пластинку хор Пятницкого и давай плясать! Хотел в присядку и упал! А Никитишна топчется на месте, руки растопырила и тоненьким голосочком покрикивает:

— И-их, и-и-их! — и на маму: — Чего уселась, молодая? А ну вставай, пляши!

— Ой, не могу! Ой, не могу! — хохочет мама. — Не умею я русского!

— Сумеешь, ма-а, — говорит Андрюша и тянет ее, ему очень хочется, чтобы и она тоже плясала, и показывает ей: — Смотри, это же совсем просто: руки так, а ноги так.

— Ай, комарик ты мой, ай, молодец! — похвалила его Никитишна и повалилась на диван: — Ух, передохну. Отплясалась я, Андрюшенька. Кончились мои хороводы. Эх, жалко, мало!

— Попляшешь, Никитишна, еще на Андрюшиной свадьбе, — сказал папа.

— Я бы, Витя, в охоточку прошлась на твоей!

Папа промолчал, нагнул голову, надоело, наверное, слушать намеки. Ну люди! Им-то что? Мама тоже сделала вид, что не расслышала, и сказала: —

— Помнишь, Витя, была у нас пластинка — медленное танго?

— Это? — переспросил папа, а сам уже поставил пластинку, подошел к маме, пригласил: — Вы свободны?

Они танцевали так: просто ходили медленно и плавно, и смотрели друг другу в лицо, и улыбались застенчиво, как незнакомые. Вот теперь было видно, что мама повыше папы. Ну и что же? Почему это обязательно муж должен быть выше жены? Никитишна смотрела на них довольная-довольная, потом поднялась и сказала:

— Спасибо этому дому. Пойду. Накричалась, напрыгалась, пора и на боковую.

— Нам тоже пора, Андрей, — сказала мама. — Одиннадцать уже. — И нате вам, придумала: — Андрей, а если я все же не разрешу? Виктор, примут обратно билеты в кассу?

— Да ты что, ма! — закричал Андрюша, и руки у него затряслись: — Бабушку слушаешься? Она же отца терпеть не может, вот и сочиняет разные гадости.

— Ах так? Не поедешь ты никуда, дрянной мальчишка! Сдай, Витя, утром билеты. Андрей, домой!

— Не пойду. Я останусь здесь ночевать. У папы. Вдруг вы с бабушкой запрете меня в шкаф, чтобы я не уехал?

— Не мели ерунду! — прикрикнула мама, а потом рассмеялась и спросила: — Где ты его положишь, Витя? Ну, будет мне сегодня нахлобучка, — сама постелила в первой комнате ему постель и не ушла, а сидела и смотрела, как раздевается Андрюша, как укладывается спать, смотрела, будто он грудной ребенок и она сию минуту возьмет его на ручки и унесет с собой.

Проснулся Андрюша ночью от запаха папиросного дыма. Отец стоял у окна и курил.

— Па-а, ты почему не спишь?

— Сейчас лягу, сынок. Дать тебе теплое одеяло?

— Не надо, мне тепло.

Приснилось под утро что-то страшное. Андрюша вскрикнул, открыл глаза и увидел опять отца.

— Что с тобой, сынок?

— Не знаю. А ты, па, уже встал? Уже нам надо вставать?

— Нет, нет, еще очень рано. Поспи.

Бабушка не пошла провожать на вокзал. Она думала, что на вокзале нужно непременно целовать отъезжающих и ей придется поцеловать зятя. Мама рассказала это и смеялась, а когда объявили, что осталось пять минут до отправления, она быстренько поцеловала Андрюшу и папу и велела:

— Ведите себя хорошо. Андрюша, никуда не ходи один, тем более на море. Только с папой. Витя, я тебя очень прошу. Ты понимаешь меня?

Андрюша тоже понимал. Бабушка тысячу раз говорила, чтобы он ни на шаг не отходил от отца. А то Витька, как останется один, сразу кинется в ларек хлестать водку. Напьется до полусмерти, и жулики вытащат у него деньги и документы. Как тогда ребенок вернется домой?

— Помнишь, Ниночка, как ты уезжала этим же поездом? — спросил вдруг папа.

— Помню, — но было видно, что маме не хочется об этом вспоминать. — Немедленно позвоните, слышишь, Виктор? Андрей, напомнишь папе, чтобы он завтра же вечером мне позвонил!

Море лежало гладкое и голубое до самого горизонта и уходило, как известно из географии, за горизонт. Оно оказалось совсем не таким, как Андрюша представлял себе. Думал, это как большое водохранилище на Клязьме или залив на Москва-реке в Серебряном Бору. Но море было ни на что не похоже, и невозможно было сравнивать его с рекой. Видел море в кино сто или двести раз, но в кино не чувствуешь, а здесь набегала теплая волна, налетал ласковый теплый ветер, пахнущий чем-то свежим, приятным, ни на что не похожим.

— Па-а, уже можно?

— Пятнадцать минут не прошло. Ты еще не остыл. А лучше бы не купаться в первый день. Не так уж и жарко сегодня.

— Совсем не купаться? Да ты что, па! Зачем же мы тогда приехали из Москвы?

Очень загорелая, почти коричневая девчонка в красных трусах и в красной полоске вместо лифчика сидела на песке, загорала (а куда уж еще!) и щупала прилепленную на носу бумажку, чтобы нос не облез. Конечно, она думает, что этот пацан первый раз видит море и не умеет плавать. Он бы ей показал! Но надо слушаться папу. Он сегодня какой-то пришибленный и несчастный. Может быть, у него вытащили кошелек?

— Па-а, у нас ничего не пропало?

— Что ты имеешь в виду?

— Кошелек.

— Кошелек или жизнь? — засмеялся невесело папа. — Пропала, Андрюша, жизнь!

— Я же серьезно спрашиваю, — обиделся Андрюша. — Ну, можно? Сколько осталось минут?

Девчонка вскочила, взметнув песок, побежала в воду и давай нырять! То выскочит из воды черная блестящая голова, то белые ступни.

— Видишь, сынок, как девочка умеет.

— Работает на публику, па-а. На нас. И я так умею. Зря мы не вынули из чемодана ласты.

— Успеешь и с ластами!

Отец лежал, опираясь на локти, подставив солнцу белую спину и черные, широкие и длинные трусы. Он скучно глядел на море и не спешил лезть в воду. И никуда вообще не спешил. А утром, когда вышли из поезда, сказал, что им необходимо сегодня же разыскать одного старого знакомого. Сдали вещи в камеру хранения на вокзале, позавтракали в кафе, потом приехали автобусом сюда в поселок. Прошли всю длинную улицу, вернее дорогу: с одной стороны — хорошенькие домики и садики, с другой — морской берег. На берегу лодки. Есть перевернутые, а есть и неперевернутые, сталкивай в воду и плыви за горизонт... Но Андрей и папа шли и читали вслух номера. Семьдесят девятый был последний домик, хуже всех. И веранда без стекол, одни столбики, которые очень красиво обвивал виноград. Папа постоял-постоял, подержался за калитку, но никого не окликнул и сказал: «Пойдем, сынок, выкупаемся». Вот и пришли.

— Ну, давай, сынок, купайся. Я после. Нельзя бросить сумку и одежду. Мы по очереди.

Но коричневая девчонка, нанырявшись до того, что глаза у ней стали красные, вышла как раз на берег и говорит:

— Купайтесь оба вместе. Я посмотрю за вашими вещами.

— Спасибо. А вас это не затруднит? — как взрослую, поблагодарил папа.

— Чего же трудного? Мне же все равно стоять, — ответила она и опустила слипшиеся пучками мокрые ресницы, а глаза у нее серые и продолговатые, как у кошки. Но заметно, что ей понравилось, как папа с ней разговаривает: загорелые ее щеки порозовели и сравнялись цветом с облупленным носом. — Пожалуйста. Постою, пока высохну. Не пойду же я мокрая домой.

— Вы здесь близко живете и все прямо так ходите купаться? — восхитился Андрюша: — Здорово! И умываться не надо. Проснулся утром и беги ныряй.

— Я умываюсь, — сказала обиженно девочка. — Вы комнату у нас на поселке снять хотите или приехали к кому-нибудь!

— Я не знаю, — пожал плечами Ан

рюша и обернулся к отцу: — Па-а, мы как? — но отец промолчал, он не слышал вопроса, и Андрюше снова стало очень жаль его, такого одинокого, беззащитного и смешного в развевающихся черных сатиновых трусах. — Мы приехали к папиному товарищу. Он живет в семьдесят девятом, вон в том доме, но мы туда еще не заходили.

— Так я же знаю, кто там живет! — обрадовалась девочка. — Это же дядя Шура Лагин! К нему никто еще никогда не приезжал, у него и родственников нет. Он с бабушкой Дашей живет, она ему никто, а ухаживает за ним, как родная мать. Стирает, готовит и на веранду выводит сидеть.

— Сам он разве не может ходить?

— Он же еле стоит на костылях. Ноги волочит. А раньше вовсе не вставал. Вы разве не знали?

— Папа мне не говорил... Па-а, ты слышишь? Лагин болен, у него ноги парализованы. — Отец молчал. Незажженная сигарета торчала у него во рту. Он присел на корточки и шарил в карманах брюк. — Па-а, ты про Лагина знал, что он не ходит?

— Спичек нет, — сказал недовольно отец и выбросил сигарету.

— Лагин купается в море? — спросил Андрюша девочку.

— Кто же его понесет? Он никого не хочет утруждать. Сам, говорит, пойду, когда научусь, а пойду обязательно. Недавно вот попробовал, спустился с первой приступки и упал. Ушибся сильно.

Набегавшие широкими дугами низенькие волны перекатывали камешки с места на место и меняли цвет песка. А песок не поддавался, волна отходила, и он опять светлел. Андрюша шлепал ногой по волне и думал, как же это обидно — жить возле моря и не купаться, а лишь смотреть, как идут другие с полотенцами и надутыми камерами. А ведь если бы Лагина положить на спасательный круг, он вполне мог бы плавать.

— Поедем в город. Одевайся, Андрюша. Пора обедать, а то позже мы не сумеем никуда попасть. Везде будет полно народу.

— Вы вернетесь, мальчик? — спросила девочка.

— Обязательно, — ответил ей Андрюша.

В городе, чтобы пообедать, долго искали, где очередь поменьше. Потом отправились на вокзал, взяли чемоданы и пошли по адресу, который дала маме ее сотрудница. Шли, шли, и снова отец передумал, отнесли вещи обратно в камеру хранения, а с собой взяли сумку. И очутились почему-то снова на автобусной остановке возле киоска с газированной водой. И поехали в поселок к Лагину. Приехали. Вышли у продовольственного магазина на конечной остановке, и отец очень пристально смотрел, как разворачивается автобус, делает круг:

— Опять в город надумал? — спросил Андрюша. — Ты меня совсем сегодня замотал, па-а. Да ну тебя. Идем уж скорей к этому твоему Лагину.

— Потерпи, сынок, — ответил отец грустно и ласково.

— Мальчик Андрюша из Москвы! Мы вас ждем! — звонко кричала та коричневая девчонка, высохнувшая и одетая в желтое платье. Она бежала к ним, а за ней семенил совсем старенький старичок в очках и белой вышитой по подолу рубашке. Он держался одной рукой за сердце, а в другой держал панамочку, махал ею и тоже кричал:

— Кто приехал к Лагину? Кто? — и, досеменив, вынул из кармана большой носовой платок, протер очки и, вглядываясь в отца, спросил: — Вы не от Виктора Николаевича Курносова? Я к нему писал в апреле.

— Получил я ваше письмо, Игнат Фомич, — ответил папа и улыбнулся одними губами.

— Виктор Николаевич! Дорогой вы мой! — воскликнул старичок и привалился к отцу всей своей белой рубахой, чтобы, наверное, отдохнуть, а отдышавшись, показал на Андрюшу: — Это ваш сынок? — и привалился к Андрюше, схватил его за руку и отрекомендовался: — Соломатко. Хороший знакомый вашего папы, — и снова кинулся к отцу: — Ах, Виктор Николаевич, а мы с Дарьей Даниловной головы изломали, когда прибежала соседская девочка Зоя и сообщила, что к дяде Шуре приехали из Москвы какие-то знакомые, сын и отец. Господи, Шура и не предполагает, что приехали вы! Он сейчас сидит на веранде и ждет.

Отец и Игнат Фомич пошли впереди, а Зоя и Андрюша за ними. Калитка была открыта. Толстенькая старушка в белом платочке, повязанном под подбородком, стояла, сложив руки на животе, и ожидала гостей. Старичок весело сказал:

— Привел, привел! Вы и не представляете, Шура, какой это сюрприз. Это же Виктор Николаевич Курносов!

— Виктор, ты? — раздался голос с веранды, и говоривший поперхнулся. Это был бледный мужчина с очень светлыми или седыми волосами, спадавшими

на лоб. Он сидел в плетеном кресле, а костыли стояли у стенки. Отец, прежде чем ответить, повернулся к Андрюше и испугал его своим лицом: оно стало серое, жестокое. Отцу не было жаль этого больного человека и до смерти не хотелось приходить сюда.

— Подожди здесь, Андрюша, — сказал отец, еле шевеля серыми губами.

— Давайте посидим, — показала Зоя на лавочку под деревом. Но Андрюша отрицательно покрутил головой. Ему было беспокойно и нехорошо.

Вдруг оттуда, с веранды, чужой охрипший голос крикнул обыкновенные привычные слова, но они оглушили Андрюшу. Он не понял этих простых слов, взглянул в недоумении на Зою и удивился, какие у нее глаза: круглые, с большими черными зрачками, с темно-коричневым ободочком вокруг серой радужки. Потом он обернулся. Худой высокий Лагин стоял на ногах и протягивал вперед руки...

ГЛАВА X

Билет — один плацкартный на московский скорый — опять доставала Галина Нефедовна. Связи ее с билетной кассой не изменились, да и она сама не сильно постарела. Ее блестящие черные очи глядели бойко и лукаво, но, задерживаясь на Викторе Николаевиче, влажнели от слез:

— Шо вы такой расстроенный до дому поедете? Отпуск ваш только начался. Оставайтесь! Гнат Фомич и денег с вас не возьмет, живите у него. А я и сварю вам, и постираю.

— Поеду в деревню на речку Яхрому к старенькой своей тетке Степаниде. Грибы уж начались. Сыроежки. Будем с тетушкой в лес по грибы ходить.

— Тю! Вы же совсем не то думаете. Не то у вас на душе. Не видали вы тех грибов? И знаете, шо я вам скажу? Золотой вы человек!

Просили и Андрюша и Лагин, но эту пытку — быть «у них» — он сумел вытерпеть лишь одни сутки. Больше — невыносимо. Все он представлял себе раньше, примеривал загодя надвигающиеся мучения, но то, как невыносимо больно слышать э т о слово, он и вообразить не мог.

Когда Шурка вскочил и крикнул: «Сын! У меня есть сын! Мой сын! Моя Нина!», — Виктор Николаевич окончательно понял, что сотворил непоправимое. Ах, как мучительно захотелось все поставить на прежнее место! Чтобы все стало так, как было до этой минуты. Он готов был броситься на Лагина и убить его, лишь бы он молчал, лишь бы не произносил этих слов. И бросился, подхватил под руки самого ненавистного ему человека, не дал упасть, а потом отсчитывал в стакан, как когда-то для матери, валерьянку и думал, что капли эти похожи, наверное, на яд и хватило бы, наверное, всего одной капли, если бы валерьянка была ядом... Насчитал пятнадцать, разбавил водой и напоил счастливого, воскресшего Шурку, давнего своего дружка, которому он теперь, в уплату за тот старый долг, отдал свое сердце. Так вот разодрал своими руками свою грудь, вынул сердце и отдал его Шурке. На, бери, живи. А сам стал мертвым... Нина ждет телефонного звонка, беспрерывного, междугородного. Ах, Ниночка, не дождешься! Станет тебе мерещиться, как валяюсь я на берегу под лодкой, а сыночек твой голодный и холодный сидит возле на сыром песке и плачет. Уснешь ты на часок-другой под утро и увидишь дурной сон. Но и во сне не приснится тебе то, что натворил я на самом деле...

Провожать Виктора Николаевича пришла и Наталья Владимировна, приятная женщина, но, когда ее лицо обращалось к Виктору Николаевичу, он видел, как сам он неприятен этой женщине. Старичок Соломатко беленьким петушком скакал вокруг Виктора Николаевича и упрашивал:

— Дорогой вы мой, оставайтесь! Билет мы сию минуту реализуем. Видели, сколько желающих возле кассы? Великодушный, благородный, живите у меня. И сыночек ваш близко. Сел мальчик на автобус — и здесь он, целый день с вами, гуляйте вместе, отдыхайте, купайтесь.

День! Брать сына у Шурки на день? Ну уж! Виктор Николаевич надеялся, что перед отправлением поезда Андрюша не выдержит и захочет домой, а он плакал и просил:

— Па, оставайся! Как же я один без тебя тут буду? Па-а!

Галина Нефедовна, весело щебеча, отвлекала всех от них, от сына и отца, да и все понимали, что надо им проститься.

— Уедем вместе, сынок. Теперь ты все знаешь. Ты взрослый. Но пусть все будет, как раньше. Разве я стал тебе чужим оттого, что ты все узнал? Идем в вагон. Заплатим штраф за то, что у нас один билет на двоих, а второй купим в дороге. Поедем! А, сынуля?

— А как же он, па-а? Ты же видишь, какой он. Бабушка Даша старенькая. Как же он, па-а? Ему со мной лучше. Веселее. Бабушка Даша говорит, что теперь он обязательно будет ходить своими ногами. Я его поведу на море. Мы с Зоей поведем его вместе. Он сумеет, он пойдет.

— Что ты все он да он. Не стесняйся. Зови отцом.

— Тебе же это обидно, папа. Я вижу, — и Андрей опустил глаза, не хватило твердости в щедром сердечке. — Зачем ты это сделал, па-а? Мог же ты не привозить меня сюда, ничего бы мне не сказал, и я бы не узнал.

— А я, сынок, захотел стать счастливее всех. Самое большое счастье, это дарить людям счастье. Я был перед Лагиным в долгу. Он тебе расскажет, возможно, со временем. Постарайся и тогда не разлюбить меня.

— Никогда-никогда, па-а, ни за что на свете! — горячо пообещал сын и бросился на шею Виктору Николаеви-чу. — Я приеду, па-а. Я же не насовсем остаюсь, а только на каникулы. Ты маме так и скажи, что к первому сентября вернусь. Пусть не ругает меня. Хорошо

— Хорошо, — сказал Виктор Нико-лаевич и представил вскрик Нины, когда он скажет ей, кому отдал сына. Ох, ка же он, сам сотворивший благо, сумее все это пережить? Он взглянул на беленького трепыхавшегося старичка раскрутил в уме цепь причин и след-ствий. А если бы он не встретил этог Соломатку? Если бы не дал ему сво адрес? Если бы не помчался неизвест-но почему в этот ненавистный город? если бы не встретили они с Ниной бульваре Лагина? Если бы младший лей-тенант Лагин не пришел в тот проклять

день в сорок третьем домой к младшему лейтенанту Курносову? А если бы?.. Цепь уходила в крепкие материнские объятия, в темный ночной коридор, в далекие болезненные закутки памяти...

— За Андрюшечку не беспокойтесь, — заверила Дарья Даниловна, утирая счастливые слезы. — Кидаете не у чужих людей, а у отца родного.

Поезд дернулся и поплыл в пустую, отныне ненужную жизнь, в которой у некоего Курносова, проживающего в Москве, уже не было сына. Проводница заперла дверь и, уходя, сказала, будто пришлось к слову:

— Чужое оно чужое и есть. Вот у моих знакомых тоже...— но Виктор Николаевич безмятежным голосом перебил:

— В какую сторону вагон-ресторан, будьте любезны? — давая понять, что примеры к нему не относятся. Он не захотел стоять в очереди за пивом, вернулся в купе, влез на свою голую полку и моментально уснул. Проснулся вечером. Попутчики — молодая семейная пара и пожилая дама ужинали. Проводница разносила чай.

— Вы и постель не успели получить, — сказала она ласково Виктору Николаевичу. — Уснули, ну прямо как убитый. Вот ваш стакан. А постель я вам принесу, когда закончу с чаем.

Он взял стакан, чтобы не обидеть женщину, не хотелось ни пить, ни есть. Хотел одного: скорей бы приехать и спрятаться. Запереться на ключ в своих двух комнатах, быть одному. Он устал ходить среди людей, как на показ, с вывороченной душой, устал говорить разные ненужные слова, улыбаться, думать. Скорей бы попасть к себе домой, лечь и лежать, пока не кончится отпуск. А потом что? А потом ходить на работу и ждать писем от Андрюши. Ждать, когда Андрюша приедет.

«Виктор, я не вправе ломать ваши отношения», — великодушно прохныкал Лагин. — Во всем случившемся виноват я. Нина не уехала бы от меня, если бы...» «Андрюша, идем, я уложу тебя. Дарья Даниловна, где можно лечь мальчику? Постелите, пожалуйста!» — распорядился Виктор Николаевич и увел сына с веранды в комнату, а вернувшись, попросил: «Не посвящай его в ваши с Ниной эти... подробности. Ему еще рано».

«Хорошо, извини. Я считал, что Андрюша должен знать, почему мать и отец живут не вместе». «Какой отец? — засмеялся Виктор Николаевич, злясь на Лагина за это слово. — Андрей, бедняга, и понятия не имеет, как живется детям, когда родители не в разводе». «Ты имеешь в виду себя?» «Не тебя же! Но скажи, почему она уехала от тебя? Говори покороче. Пожалуйста, без лирических отступлений».

«Я скрыл, что сбежал из госпиталя, сказал, что меня окончательно вылечили и выписали. А через три недели, когда мы были на берегу, почувствовал вдруг, что немеют обе ноги. Деревенеют. Но скоро отпустило. Я понял, что это такое. Меня же врачи предупреждали. Я подумал, какая судьба ожидает Нину? Место сиделки у постели паралитика? Но как ей сказать, чтобы оставила меня и уезжала домой, к тебе? Возвращаемся с моря. Встретилась нам почтальонша, подает мне письмо. Вот я сразу и решил. Спрашивает Нина, от кого письмо? А я говорю, что от жены. Извини, Нина, скрыл, есть у меня жена и ребенок, завтра приезжают. Она мгновенно собралась и уехала. И ни слова мне. А я на другой день свалился окончательно. Письмо то было от соседа по палате. Сообщал он, что профессор, заведующий отделением, интересуется моим здоровьем, что послана в военкомат по месту жительства строгая бумага. А медсестра, которая мне вещи мои отдала, получила выговор с предупреждением. Витя, ты скажи Нине, не было дня, чтобы я о ней не думал! Я не переставал любить ее, Витя!»

«Хватит! — взревел Виктор Николаевич. — Я же не из жести!»

Попутчики спали. Виктор Николаевич бесшумно спрыгнул, вышел в коридор и долго стоял, глядя в черноту окна, видя в нем веранду, лампочку над столом с танцующей над ней мошкарой, и две склоненные головы — Андрюши и его отца. Дарья Даниловна, утирая глаза, умильно улыбается. Господи, до чего же похожи!

В Москве накрапывал дождь. Виктор Николаевич, помахивая легкой поклажей, прошел мимо длиннющей очереди перед стоянкой такси и сел в троллейбус. Пока доехал, погодка разгулялась. Сбрызнутый недавним дождичком двор виделся в арке ворот милой сердцу картиной. Техник-смотритель Грачев с двумя рядами орденских планок на лацкане старенького пиджачка, с пустым рукавом, засунутым в правый карман, налетел сердито:

— Написал заявление, Курносов? Сегодня же напиши, менять у тебя батарею или еще чего. Все знаете: идет ремонт отопительной системы! И объявления вам по подъездам клею, и словами говорю, а вы летом не просите, а зимой телефоны обрываете, жалуетесь в исполком: Грачев не топит! Грачев нас заморозил!

— Не ври, Грачев, я ни разу на тебя не жаловался.

— Мамаша твоя все звонила. Покойница. Эх, ладно. Ну ты-то как один-то живешь? Не сошелся с женой? Эх, ладно...

Бабка Никитишна вывалила из миски посреди двора кашу — кормила голубей. Спросила их:

— Клюете, аль нет? Гули-гули! Не вижу.

— Клюют, Никитишна. Добавки у тебя просят.

— Ой, Витя, это ты?! Ты же уехал с Андрюшей!

Антипиха, схватившись за балконные перильца, сложилась пополам, устремилась вопрошающе на зятя. Еще секунда, и свалится сверху, упадет, чтобы спросить...

— Добрый день, — сказал ей Виктор Николаевич.

Т. САМСОНОВА,
кандидат философских наук

„ВПАДАЯ В ТОН МОНАСТЫРСКОГО КОЛОКОЛА, Я ДЕЛАЛ ОШИБКУ"

В июле этого года исполняется 100 лет со дня рождения Януша Корчака — известного польского писателя, врача, педагога. По решению ЮНЕСКО 1978 год объявлен Годом Корчака. И в Польше, и во всем мире издаются книги Корчака, проходят научные сессии и симпозиумы, посвященные его творчеству; люди снова и снова вчитываются в его произведения, восхищаются его жизнью. Жизнью, без остатка отданной детям, которых он лечил, для которых писал, которых любил и уважал.

Бабушка называла маленького Генрика (подлинное имя Я. Корчака Генрик Гольдшмидт) «философом». Философу было пять лет, когда он начинает мечтать о том, чтобы устроить мир лучше, чем он есть, — первым делом устранить различие между бедными и богатыми, а для этого уничтожить деньги. В своих мечтах мальчик видит себя королем-реформатором, который устанавливает в своей стране справедливые законы не только для взрослых, но и для детей. Позже эта его мечта детства воплотится в прекрасной книге «Король Матиуш Первый».

В этой книге, как и во многих других своих работах, Я. Корчак раскрывает всю нелепость предрассудков. Он стремится показать, что дети заслуживают к себе уважение еще и потому, что они искренне хотят справедливости, равенства, общения, хотят света и разума. В этой книге ребенок-король приглашает к себе в гости не только белых, но и черных и желтых королей, он хочет, чтобы все дружили и помогали друг другу. В детской газете его королевства писали: «Недалек тот день, когда зеленое знамя будет знаменем детей всего мира. И тогда дети поймут, что они не должны драться, и установится порядок. И все люди будут любить друг друга. И совсем не будет войн. Потому что, если люди научатся не драться, пока они маленькие, они не будут драться и после, когда вырастут»[1].

Эти слова могут показаться наивными, но так сказать мог только человек, твердо верящий в людей и их разум.

Окончив медицинский факультет Варшавского университета, Януш Корчак занимается врачебной практикой — лечит детей и все более и более убеждается, что далеко не все беды можно вылечить компрессами, горчичниками и рыбьим жиром. Он попадает на военную службу; военным врачом участвует в русско-японской войне. С полей Маньчжурии он возвращается в детскую больницу на улице Сliской, где начинал работать еще до войны. Отовсюду из бедных районов Варшавы ему несли ребятишек. Он лечил бесплатно. Вот что писал Я. Корчак об этом времени:

[1] Я. Корчак. Король Матиуш Первый. Варшава, 1969, стр. 192.

«В окно глянул луч солнца. Сидевший у матери на коленях ребенок вздрогнул, зажмурился и расплакался.

— Что, солнца испугался?

— А, не знает он его.

— Живет в полуподвале?

— Эх, кабы в полуподвале! Прежде и жили в полуподвале, да хозяин его сдал, а нас в подвал перевел. Ма-а-лень-кое окошечко под потолком.

От платьица ребенка, от волос отдает затхлостью.

— Каждые два часа ложечку этого лекарства...»[2]. Корчак отворачивается, чтобы не глядеть матери в глаза, не закричать: когда же мы наконец, черт подери, перестанем лечить салицилкой нищету, эксплуатацию, бесправие, сиротство, преступление?! Когда же, тысяча чертей...

На сострадании к детям, на чувстве жгучего стыда за плохие условия их жизни выросло нравственное возмущение, нравственное негодование этого прекрасного человека, ставшее нервом, основой, жизненным стержнем его таланта.

Корчак становится воспитателем обездоленных и осиротевших детей. С 1911 года и до конца своей жизни он был руководителем детских домов в Варшаве — Дома Сирот и Нашего Дома. Он тщательно наблюдает, изучает все тонкости детской жизни, душевные травмы, душевные взлеты и падения детей. В книге «Когда я снова стану маленьким», которая вышла в Польше в 1925 году, он пишет:

«Психе» — по-гречески значит «душа», а здесь рассказывается о том, что происходит в душе человека: о чем он думает, что чувствует»[3].

Корчак был очень внимателен к душе, к «внутреннему человеку», и, когда жизнь поставила перед ним выбор — что врачевать: тело или душу, быть врачом или воспитателем, он отдал предпочтение душе, понимая, как бывает грустно, обидно и больно маленькому человеку, когда он встречается с несправедливостью, злостью, бедой, горем. Корчак становится другом и помощником детей в их борьбе за человеческое существование.

Корчак не идеализировал детей, не умилялся детством, требовал уважать ребенка. Он протестовал против того, чтобы делить жизнь человека на подготовительную (детство) и подлинную — взрослую. Такой подход казался ему неправильным, на практике это чаще всего позволяло многим взрослым относиться к детям свысока, как к существам, за которых можно все решать, сообразуясь исключительно со своими интересами.

С горечью писал он о педагоге в буржуазной Польше:

«Общество тебе дало маленького дикаря, чтобы ты его обтесал, выдрессировал, сделал удобоваримым, и ждет. Ждут государство, церковь, будущий работодатель. Требуют, ждут, следят. Государство требует официального патриотизма, церковь — догматической веры, работодатель — честности, а все они — посредственности и смирения»[4].

Естественно, что это соответствующим образом определяет характер воспитания.

«Все современное воспитание направлено на то, чтобы ребенок был удобен, последовательно, шаг за шагом, стремится усыпить, подавить, истребить все, что является волей и свободой ребенка, стойкостью его духа, силой его требований и намерений. Вежлив, послушен, хорош, удобен, а и мысли нет о том, что будет внутренне безволен и жизненно немощен»[5].

Януш Корчак истово любит, истово страдает и истово борется за права детей, за то, чтобы люди поняли, что детство — важная пора жизни, что среди детей, как и среди взрослых, есть умные и глупые, злые и добрые, справедливые и несправедливые, нравственные и безнравственные. Дети не хуже нас, взрослых, они так же думают, только о другом, они так же чувствуют, только подчас ярче и глубже. Дети могут требовать не только любви, не только заботы, но и уважения, строгого соблюдения их прав. Речь идет о праве как юридическом, так и моральном. И только тогда, когда у человека есть реальные права, он может осознанно выполнять свои обязанности — учиться, трудиться, вести себя достойно.

Корчак стремится обосновать систему разумного, свободного воспитания. «Одна из грубейших ошибок, — пишет он, — считать, что педагогика является наукой о ребенке, а не о человеке»[6]. Это исходная позиция не только его педагогических раздумий, но и его писательского таланта. Он последовательно отстаивает право ребенка на полноправную, настоящую жизнь, на жизнь человека, а не существа, которое каждый взрослый может обидеть, заставить, принудить, подчинить, запретить делать то, что ему хочется.

Что же — все разрешать? Нет, крайности не нужны, они приносят только вред. Корчак выступает против крайностей — как педагогики запретов и долженствования, так и сентиментальной педагогики любви и терпения.

«Ты вспыльчив, — говорит он мальчику. — Ладно, дерись, только не слишком больно, злись, но только раз в день». И сам делает вывод: «В этой одной фразе я изложил весь педагогический метод, которым я пользуюсь»[7]. Ребенок — человек, стало быть, он не готовится к жизни, а живет каждым днем — полным радости, огорчений, побед и поражений.

Корчак верит, что жизнь людей можно организовать разумно, верит, что каждый может получить право на беспрепятственное развитие своих способностей, своих наклонностей, своей одаренности.

Корчаку в его педагогических поисках особенно претило ханжество — как светское, так и религиозное[8]. По природе своего педагогического и писательского творчества он был глубоко атеистичен. Уделяя огромное внимание миру духовных ценностей детей, улавливая сложность и тонкость

---

[2] Я. Корчак. Избр. пед. произв. М., 1966, стр. 411.
[3] Я. Корчак. Когда я снова стану маленькнм. М., 1961, стр. 20.
[4] Я. Корчак. Избр. пед. произв., стр. 89.
[5] Там же, стр. 18.
[6] Там же, стр. 87.
[7] Там же, стр. 31.
[8] На книжных полках квартиры Я. Корчака среди других книг стояли тома Положений Эдукационной комиссии. Эта комиссия (1773—1794 гг.) — государственный орган по руководству всей школьной системой Польши — была первым в европейской практике централизованным учреждением подобного рода. Она стремилась изъять школьное дело из духовного ведения и перестроить средневековые программы и методы обучения в духе наиболее прогрессивных идей эпохи: преподавание на родном — польском — языке, светская этика на уроках, введение системы самоуправления и т. п.

Эта фотография маленького Я. Корчака открывает его книгу «Король Матиуш Первый». Автор по этому поводу пишет:

«...Когда я был такой, как на этой фотографии, я сам хотел совершить все, о чем тут написано. Но потом забыл, а теперь стал уже стар. И нет у меня ни времени, ни сил, чтобы вести войну и ездить к людоедам. А фотографию такую дал я потому, что важно то время, когда я хотел быть королем, а не то, когда я писал о короле Матиуше. И думаю, что лучше давать фотографии королей, путешественников и писателей, когда они не стали еще вреслыми и старыми, потому, что в этом случае может показаться, что они всегда были умными и никогда не были маленькими».

их душевных переживаний, Корчак был далек от того, чтобы эту сложность, богатство, величие духовного обаяния человека-ребенка приписывать мистической силе божественного откровения, божественной святости. Он искал и находил иные истоки для мира духовных ценностей человека — его дела, поступки, его человеческие качества.

Корчак твердо верил, что все зависит от людей, дети способны на многое, если ими руководить умно, поощряя их самостоятельность, их самодеятельность, развивая формы их самоуправления. В Доме Сирот дети организовали товарищеский суд. Могло возникнуть опасение: не научит ли это сутяжничеству, доносительству, не приучит ли к формализму, не обернется ли новой мерой, лишающей детей их свободы.

Однако это был необычный суд, он служил для того, чтобы положить начало детскому равноправию. У ребенка есть право на серьезное отношение к его делам и на справедливое их рассмотрение. До сих пор все зависело от доброй воли воспитателя, теперь ребенок имел право протестовать. Деспотизму надо положить конец!

В кодексе товарищеского суда было записано:

«Если кто-нибудь совершил проступок, лучше всего его простить. Если он совершил проступок потому, что не знал, теперь он уже знает. Если он совершил проступок нечаянно, он станет осмотрительнее. Если он совершил проступок потому, что ему трудно привыкнуть поступать по-другому, он постарается привыкнуть. Если он совершил проступок потому, что его уговорили ребята, он больше уже не станет их слушать. Если кто-нибудь совершил проступок, лучше всего его простить в надежде, что он исправится» [9].

Разнообразные формы детского самоуправления Я. Корчак рассматривал не только как сред-

[9] Я. Корчак. Избр. пед. произв., стр. 207.

ство воспитания, но, в большей степени, как способ организации нормальной жизни его воспитанников. Весь его педагогический талант противился тому, чтобы, организуя жизнь детей, думать только о результатах, которые скажутся потом, в будущем, когда дети вырастут, станут взрослыми. Он болел душой и сердцем об их сегодняшнем дне, не только в будущем, а сегодня хотел приносить им радость, избавить от несчастья. Он говорил и писал, что несчастный ребенок трудно поддается воспитанию, сначала надо позаботиться о его благополучии, ликвидировать причины его горя, его страданий, а уж после можно постараться направить его так, чтобы он проявил свои лучшие человеческие качества.

Кстати, эту мысль развивает и углубляет в своих педагогических работах В. А. Сухомлинский, который очень любил и ценил Корчака, считал необходимым, чтобы все — и дети и взрослые — читали его, знали о его бескорыстном служении добру, справедливости, нравственности.

Как Корчак, так и Сухомлинский с горечью отмечали, что некоторые педагоги смотрят на воспитание, как на путы, мешающие нарушать приказы. Именно о таких воспитателях Корчак писал: «Ты возмущаешься не потому, что видишь грозящую ребенку опасность, а потому, что ребенок может испортить репутацию твоего учреждения, твоей педагогической системы и лично твою: ты заботишься исключительно о себе» [10].

В назидание таким педагогам, понимающим нравственность лишь как выполнение строгих правил поведения, он говорил: позволь детям ошибаться и радостно стремиться к исправлению:

«...Если ребенок не ошибается в детстве и, всячески опекаемый и охраняемый, не учится бороться с искушениями, он вырастет пассивно-нравственным — по отсутствию возможности согрешить, а не активно-нравственным — нравственным благодаря сильному сдерживающему началу».

И далее:

«Твоя обязанность — воспитать людей, а не овечек, работников, не проповедников: в здоровом теле здоровый дух» [11].

Воспитателю, желающему судить о пока еще скрытых, потенциальных возможностях человека, надо уметь быть для детей не только учителем, но и отцом. Корчак умел любить детей, умел утешить, успокоить, пожалеть, приласкать маленького человека.

В диалоге между теми, кто считает педагогику искусством, и теми, кто считает ее наукой, он склонялся к первому мнению, но считал, что это искусство особого рода, искусство, опирающееся на знания, на наблюдения, на опыт, на практику, на саму жизнь.

Корчак не верил в строгие предписания — как следует и как не следует себя вести педагогу, родителям, взрослым с детьми. Многое в живом контакте с ребенком подсказывает сердце, интуиция, ситуация, ибо воспитание, как и жизнь, многогранно и многообразно.

Корчак был убежден, что и в школе, и в воспитательном доме должна царить атмосфера полной терпимости к шутке, проказе, насмешке... Здесь не место каменной серьезности, железной необходимости, непоколебимому убеждению.

«Всякий раз, впадая в тон монастырского колокола, я делал ошибку»[12].

Это было важной особенностью его характера: делая ошибки, он не стеснялся в них признаваться — ни перед собой, ни перед детьми.

Вскоре после того, как в Варшаву вошли фашисты, детей из детского дома, которым руководил Корчак, отправили в лагерь уничтожения. Корчак к тому времени был всемирно известен, и фашистские власти предложили ему остаться на свободе. Он отверг это предложение и вместе с детьми отправился на смерть, чтобы не оставить их в страшный час, не позволить им усомниться в своем учителе, жизнью своей подтвердив единство своих слов и дел.

Корчака нельзя не любить, им нельзя не восхищаться, но главное — его нельзя забывать. Его жизнь обязывает каждого помнить о необходимости быть человеком, уважать человека в другом человеке, будь то ребенок или взрослый. Его мученическая, а лучше сказать героическая смерть обязывает активно и действенно ненавидеть деспотизм, жестокость, насилие.

[10] Я. Корчак. Избр. пед. произв., стр. 126.
[11] Там же, стр. 127.
[12] Там же.

Иллюстрации к «Королю Матиушу Первому» взяты из книги, вышедшей в Варшаве. Их автор — Ежи Сроковский.

Ниже мы печатаем отрывок из книги-сказки Януша Корчака «Король Матиуш Первый». Здесь идет речь о том, как король Матиуш решил в своем королевстве организовать первый в мире парламент, депутаты которого — дети.

Но когда Матиуш увидел, что, вот, со всего государства собрались дети, чтобы советоваться, как управлять, чтобы всем было хорошо и весело, когда узнал по одежде деревенских детей, с которыми недавно так весело и дружно играл, он почувствовал прилив новой энергии и сказал очень хорошую речь.

— Вы являетесь депутатами, — сказал Матиуш. — До этого времени я был один. Я хотел так управлять, чтобы вам было хорошо. Но очень трудно угадать одному, что нужно каждому. Вам легче. Одни знают, что нужно малышам, другие — что нужно старшим детям. Думаю, что когда-нибудь дети всего мира съедутся так же, как недавно съехались короли, и тогда белые, черные и желтые дети скажут, каждый, что ему нужно. Например, черным детям не нужны коньки, потому что у них нет льда. — Рабочие, — говорил Матиуш, — уже имеют свое красное знамя. Может быть, дети выберут себе зеленое знамя, потому что дети любят лес, а лес зеленый...

И так долго, долго говорил Матиуш, а депутаты слушали. И ему было приятно.

Потом встал журналист и сказал, что выходит ежедневно газета для детей, чтобы они могли читать интересные новости, а если кто хочет, может написать. И спросил, хорошо ли им было в деревне.

И тут начался такой шум, что неизвестно было, кто что говорит...

Выставили четырех депутатов, которые шумели больше всех...

И снова шум.

— Я хочу держать голубей, — кричит один.

— А я собаку!

— Чтобы каждый ребенок имел часы!

— И чтобы детям разрешали говорить по телефону.

— И чтобы нас не целовали.

— И чтобы нам сказки рассказывали...

— Чтобы нам разрешали поздно ложиться спать.

— Чтобы у каждого ребенка был собственный велосипед.

— И больше карманов. У моего отца тринадцать карманов, а у меня только два. У меня ничего не помещается, а как потеряю носовой платок, так они кричат...

— Чтобы совсем не было девчонок и маленьких детей.

— Хочу быть волшебником.

— Чтобы у каждого была своя лодка.

— Чтобы каждый день ходить в цирк.

— Чтобы каждый день была елка.

— И первое апреля. И масленица...

— Чтобы каждому ребенку разрешалось раз в месяц разбить стекло...

— Чтобы один раз взрослым целый день не разрешалось никуда ходить, только детям.

— Чтобы везде королями были дети.

— Чтобы взрослые ходили в школу...

— Чтобы люди были ангелами...

— Чтобы там, где есть маленький ребенок, была обязательно корова.

— И лошадь...

Так продолжалось целый час, а журналист только улыбался и все записывал.

Матиуша утомило это заседание.

— Ну, хорошо, все записано, но что делать дальше?

— Нужно их воспитать, — сказал журналист. — Завтра я напишу в газету отчет и объясню, что можно и чего нельзя сделать.

В это время по коридору проходил тот самый мальчик, который хотел, чтобы совсем не было девочек.

— Господин депутат, — спросил его журналист, — почему вам мешают девочки?

— Потому что на нашем дворе есть одна девочка, так с ней нельзя справиться. Сама задирает, а если ей что-нибудь сделаешь, только тронешь, сразу начинает реветь и бежит жаловаться. И так она со всеми. Так что мы решили с ней покончить.

Журналист остановил другого депутата.

— Почему вы, господин депутат, не хотите, чтобы вас целовали?

— Если бы у вас было столько теток, сколько у меня, вы бы не спрашивали. Вчера были мои именины, так они меня так обслюнявили, что меня вырвало пирожным с кремом. Если взрослые так любят лизаться, пускай сами целуются, а нам дадут покой, потому что мы это ненавидим.

Журналист записал.

— А вы, господин депутат. Действительно у вашего отца столько карманов?

— Ну, посчитайте. В брюках два кармана сбоку и один сзади. В жилетке четыре маленьких карманчика и один в подкладке. В пиджаке два в подкладке, два по бокам и один наверху. Для зубочистки у отца отдельный карман, а у меня для чижика и то нет кармана. А еще у них ящики, письменные столы, шкафы, полки. И потом еще хвалятся, что они ничего не теряют и что у них порядок...

За рубежом

В. СЕМЕНОВ

Из существующих ныне радио- и телестанций Запада мало кто имеет такой пропагандистский стаж, как Би-би-си — Британская радиовещательная корпорация. Англичане слушают ее передачи уже 56 лет, смотрят — более 40... И в международном эфире Би-би-си отнюдь не новичок: британское иновещание имеет 45-летнюю историю. Не удивительно, что эта радиокорпорация считается одной из самых опытных в капиталистическом мире.

Первой религиозной передачей Би-би-си было рождественское послание священника Уайтчепелской церкви в Лондоне. Это произошло в 1922 году, буквально через несколько дней после открытия радиостанции. Ныне религиозные программы — непременная составная часть вещания корпорации. Если в первые годы они ограничивались лишь вечерней воскресной «беседой», то теперь объем религиозных радио- и телевизионных программ Би-би-си исчисляется десятками часов в неделю.

Все программы готовятся в отделе религиозного вещания, в котором более 40 сотрудников. Среди них — и служители различных религий, и «миряне», а точнее профессиональные пропагандисты, причем число последних в отделе постоянно увеличивается.

По форме и содержанию эти передачи весьма разнообразны: проповеди, богословские диспуты, трансляции церковных служб, интервью со служителями культа, приезжающими в Англию из других стран, многочисленные беседы: религия и мораль, религия и научно-технический прогресс, религия и политика, церковь и искусство...

Религиозное вещание Би-би-си ведется на многих языках. На английском говорит так называемое всемирное вещание, передачи которого направлены практически на все страны мира и предназначены для тех, кто владеет этим языком. Его религиозные программы занимают около пяти часов в неделю — короткие ежедневные службы и большое богослужение по воскресеньям, беседы на религиозные темы. Все это выглядит весьма «корректно» и «благопристойно». Однако нередки случаи, когда богословская беседа превращается в политическую или, по крайней мере, содержит такой подтекст. Что касается вещания Би-би-си на социалистические страны, в частности на СССР, то здесь в религиозных программах вообще преобладают материалы не теологического, а политического характера.

Для корпорации, конечно, важно привлечь к своим передачам верующих. В религиозном вещании на СССР, например, чтение Евангелия соседствует с комментариями, а рассуждения об истинности бытия божьего — с трансляцией богослужения из лондонских храмов. Однако религиозное вещание интересует Би-би-си прежде всего как канал для распространения определенных политических идей. За счет разбавления теологии политикой руководители восточноевропейского отдела Би-би-си рассчитывают привлечь к этим передачам и внимание тех, «кто отрицательно относится к серьезным беседам на религиозные темы».

Правда, сотрудники радиостанции не признают, что эти программы связаны с политикой. Например, религиозный ком-

ментатор «отец Владимир» (Родзянко)[1] заявил как-то, что сам он давно уже «отошел от политики» и что его богословские беседы «никакой политики не касаются». Кроме него религиозные программы Би-би-си на Советский Союз готовит также Иван Сапиет (как представляет его диктор — «пастор латвийской лютеранской церкви в Лондоне»). Среди «авторского актива» русской редакции этого радиоцентра выделяется английский пастор Майкл Бурдо. Он давно сотрудничает и с радиостанцией «Свобода», тесно связанной с ЦРУ. Так, «Свобода» передала целую серию выступлений Бурдо под названием «50 лет атеизма в СССР», в которых тот использовал в свою очередь передачи Би-би-си и «Голоса Америки».

Некоторое время на Би-би-си подвизался некий Виктор Грегори, который затем стал выступать в религиозных программах «Свободы». Грегори — псевдоним, под которым скрывается изменник Родины Шелапутин. Долгое время с Би-би-си сотрудничал и еще один изменник — член исполнительного бюро НТС Лев Рар. Во время войны он служил в армии генерала-предателя Власова, а затем сотрудничал не только с британской радиокорпорацией, но и с западными разведывательными службами, включая британскую Интеллидженс сервис.

Такова на поверку «политическая нейтральность» религиозных программ Би-би-си (как, впрочем, и других западных радиостанций), предназначенных для советских слушателей. В одной из передач, например, Би-би-си критикует власти социалистических стран за то, что они якобы «не считают возможным выслушать и понять» верующих и поэтому, мол, те «вынуждены замыкаться в себе». В другой передаче устами И. Сапиета утверждалось, будто в СССР вообще нет «религиозной литературы» (под этим подразумевался и более «общий» вывод — о том, что в СССР вообще «нет демократии»).

О голословности подобных измышлений писалось уже не раз[2]. Напомним лишь, что только в последние годы Московская патриархия и Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов выпустили новые издания Библии. Изданы также богослужебные книги и сборники духовных песнопений. Ежегодно выпускаются православный, баптистский, старообрядческий, иудейский календари. В СССР выходит православный «Журнал Московской патриархии», баптистский «Братский вестник», журнал «Мусульмане Советского Востока» и другие периодические издания.

А вот другой пример использования богословских бесед в политических, идеологических целях: передававшаяся на Советский Союз программа «Вера и современность», построенная в форме диспута «отца Владимира» с воображаемым представителем атеизма по поводу доказательств бытия божьего и некоторых других вопросов. Как и следовало ожидать, «атеист», выступавший сначала «с апломбом», под конец предстал ограниченным, несведущим человеком, ставшим в тупик перед аргументами протоиерея Родзянко, который рядом с ним выглядел эрудитом и «убедительно» доказывал свою правоту, используя, вернее фальсифицируя, новейшие научные открытия[3].

Не стоит сбрасывать со счетов и непосредственно «религиозный» эффект передачи. Она могла смутить даже неверующего, незнакомого с данной проблемой, а тем более с методами ловкого профессионального проповедника. Но речь сейчас не об этом, а о том, что в процессе «диспута» «отец Владимир» незаметно перешел к обсуждению политико-идеологических вопросов. Возражая своему «собеседнику-атеисту», он сказал: «Вы привели имена ученых одного только определенного направления, притом не столько ученых, сколько идеологов — последователей Маркса и Энгельса. Их выводы продиктованы в значительной степени их марксистским мировоззрением... Но согласитесь, ведь кроме таких, приверженных своему мировоззрению ученых есть и целый ряд других». И вот эти-то другие ученые, продолжал Родзянко, «не связанные никаким мировоззрением, а просто ученые» как раз и пришли к самым правильным выводам.

По существу, тут «отец Владимир» отстаивает те тезисы, которые уже давно пущены в ход буржуазной пропагандой. Один из них состоит в том, будто исследователи-марксисты не могут быть объективными, ибо «связаны» коммунистической идеологией, а значит, они — не ученые, а идеологи. При этом подразумевается, что наука и идеология — понятия несовместимые.

Но подобные утверждения не имеют ничего общего с действительностью. Достаточно упомянуть великого философа Спинозу, который был одновременно и одним из первых идеологов молодой европейской буржуазии. Или десятки и сотни других ученых, начиная с древности и кончая нашими днями. Разумеется, и ученые и идеологи, равно как и сами наука и идеология, бывают разными, но почему-то лишь тем из них, кто придерживается коммунистического мировоззрения, Родзянко отказывает в праве называться учеными. Заодно он проводит мысль, будто «настоящие ученые» «не связаны никаким мировоззрением». А как же тогда быть с Гегелем и Гельвецием, Эйнштейном и Кюри, со многими тысячами других знаменитых и менее известных ученых, которые не только «имели», но даже публично высказывали и отстаивали свои политические взгляды и общефилософские, социальные, идеологические позиции?

Не подлежит сомнению, что тут мы имеем дело с активным использованием религиозного вещания в пропагандистских, политических целях. Это становится особенно ясно при анализе не только отдельных передач, но и любой религиозной программы на русском языке в целом. Возьмем, к примеру, религиозную программу Би-би-си, передававшуюся на Советский Союз 15 мая 1977 года.

Она состояла из пяти разделов, но лишь два из них не имели видимой связи с политикой: чтение отрывков из Евангелия с комментариями «отца Владимира» и церковные песнопения — в конце. Все же остальные разделы программы имели четкую пропагандистскую направленность. В одном из них пересказывалось «пасхальное приветствие западным христианам» от имени проживающего в нашей стране священника Дмитрия Дудко. Разумеется, оно пестрело яростными нападками на «общество безбожников», где театр, искусство и т. д., а в общем — «все» «занято безбожниками», где «на проповедника нападают», где церковь подвергается «страшным атакам».

Кстати, стиль и содержание этого «пасхального приветствия» мало чем отличались от других выступлений этого «пастыря», высказывания которого в последнее время буржуазные пропагандисты все чаще используют в своих целях. Этот мало чем примечательный служитель культа (наиболее заметной страницей его биографии было, пожалуй, активное сотрудничество в годы войны в издававшейся гитлеровцами в городе Клинцы газетке «Новый путь») сделался на Западе известной фигурой только потому, что выступает с антисоветскими, по его собственному признанию, сочинениями, которые сочетает с лозунгом «За веру, царя и отечество». Кстати, он выступает не только с антисоветскими, но и с антирусскими заявлениями типа: русские «соображать не могут», «русских надо ненавидеть, чтобы закалить их и озлобить». Одним словом, Дудко оказался прямо-таки находкой для «нейтральной» и «объективной» Би-би-си!

Не вызывает сомнений и то, что этот радиоцентр, прикрываясь «аполитичностью» религиозного вещания, превращает свои теологические беседы в активную проповедь антикоммунизма и антисоветизма. Именно они (иногда в скрытой, иногда в откровенной форме) являются основным содержанием религиозных программ Би-би-си на русском языке. И суть их вовсе не меняется от того, что они сопровождаются перезвонами колоколов и насыщены богословской терминологией. Ради этого «политического заряда» и стараются в первую очередь лондонские радиопроповедники удержать «паству» у приемников.

Ведь у них, как и у всех специалистов «психологической войны», «одна цель: помешать росту влияния социализма на умы людей, посеять любыми средствами недоверие и неприязнь к нему. Отсюда шаблонные выдумки, бессовестные фальсификации и прямая ложь о Советском Союзе в расчете на слабую осведомленность аудитории, на легковерных читателей, слушателей, зрителей»[4].

---

[1] Об «отце Владимире» более подробно см.: «Наука и религия», 1968, № 3.

[2] См., например, статью В. А. Куроедова «Советский закон и свобода совести». «Известия», 30 января 1976 г.

[3] Разоблачение таких псевдонаучных фальсификаций, преподносимых Би-би-си под видом религиозных программ, см., например, в статье В. Якимова и М. Урысона «Сколько же лет человеку?». «Наука и религия», 1975, № 10.

[4] «О проекте Конституции (Основного Закона) Союза Советских Социалистических Республик и итогах его всенародного обсуждения». Доклад товарища Л. И. Брежнева на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР. «Правда», 5 октября 1977 г.

ВЕРНЫЕ СОЮЗНИКИ

«АТЕИЗМ И СОВРЕМЕННОЕ ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ». М., Изд-во МГУ, 1977, 120 стр., 6560 экз., 37 коп.

Революционные преобразования в современном естествознании охватили буквально все его отрасли. Это привело к увеличению научно - материалистического потенциала естественных наук и сделало чрезвычайно актуальной задачу мировоззренческого осмысления их достижений. Важность этой задачи обусловлена еще и тем, что современные богословы делают все более изощренными атаки на союз наук о природе и материалистической философии, выдвигают лозунг «освобождения естествознания от мировоззрения», всячески фальсифицируют мировоззренческие аспекты научных достижений.

В последние годы появилось много полезных и содержательных изданий, популяризирующих данные современного естествознания, но мало еще работ, исследующих новые моменты, которые вносятся естественными науками в положения, выражающие атеистическое миропонимание, обогащают их. Этот пробел в определенной мере восполняет сборник, вышедший под редакцией профессора И. Г. Иванова. В его статьях раскрывается значимость новейших достижений естественных наук для обогащения ряда положений научно - материалистического мировоззрения. Сборник открывается статьей И. Г. Иванова «Влияние НТР на борьбу атеистического и религиозного миропонимания». В ней воссоздается картина развития всего комплекса наук о живой и неживой природе со времени начала новейшей революции в естествознании, приходящегося на середину 90-х годов XIX века, и до настоящего времени под углом зрения их вклада в развитие научного миропонимания. На обширном конкретном материале автор раскрывает материалистические мировоззренческие аспекты в развитии физики, астрономии, химии, физиологии, генетики и других наук.

Объектом острейшей борьбы между научным мировоззрением и современным фидеизмом стали идеи вечности и несотворимости материального мира. Этой актуальной теме посвящены статьи Е. П. Левитана «О вечности мира и развитии материи» и Ю. Н. Змеева «Атеистическое значение законов сохранения». В первой из них на основе анализа новейших данных астрономии о строении и эволюции Вселенной показывается, как эти данные углубляют и обогащают важнейшие положения научного миропонимания о вечности, неуничтожимости и самодвижении материи. Во второй дан обстоятельный исторический анализ сущности и атеистического значения открытых естествознанием законов сохранения: сохранения количества движения, момента количества движения, сохранения и превращения энергии, сохранения массы — энергии и т. д.

Огромное атеистическое значение открытия закона сохранения и превращения энергии неоднократно подчеркивал Энгельс, давший его философский анализ. Он отмечал, что с открытием закона сохранения и превращения энергии в истолковании движения «впервые вступает в свои права качественное содержание процесса и стирается последнее воспоминание о внемировом творце»[1]. Рассматривая эти вопросы, Ю. Н. Змеев уделяет большое внимание успехам физики элементарных частиц, которые привели к уточнению некоторых известных законов и установлению ряда новых законов сохранения. На основе обобщения этих данных автор делает вывод, что «совокупность специфических законов сохранения современной физики микромира подтверждает и детализирует принцип неуничтожимости и несотворимости материи и движения, дополняя традиционные законы сохранения и превращения массы энергии, количества движения».

Большой вклад в углубление научно-материалистического мировоззрения вносят достижения современной биологии. Этот их аспект рассматривается в статьях Г. М. Чупкова «Атеистическое значение современного понимания биологического развития» и В. Г. Борзенкова «Атеистическое значение естественнонаучных данных о целостности живых организмов».

В центре внимания автора первой статьи находится одно из стержневых направлений современной биологии — теория развития. В ней последовательно освещаются эволюционная теория органического мира Ламарка, революционный переворот в биологии, связанный с научным творчеством Дарвина, успехи генетики со времени Менделя и до наших дней, синтез дарвинизма и генетики, приведший к целостному представлению о процессе эволюции живого.

В статье подвергаются аргументированной критике богословские фальсификации современного дарвинизма, теологическая концепция «творческой эволюции», тейярдизм. Автор убедительно показывает, что процесс эволюции имеет не целевой, а причинный характер, управляется не извне — поставленной богом целью, а обусловлен только естественными факторами.

Рассматривая проблему целостности живых организмов, В. Г. Борзенков дает историческую панораму борьбы материализма и идеализма по данной теме, показывает тот вклад в решение этой важной мировоззренческой проблемы, который вносит современная биология: выявление структуры основных макромолекул живой клетки и их функций, механизма важнейших биоэнергетических, биохимических процессов, раскрытие конкретной материальной природы процессов хранения и передачи наследственной информации, постановка проблемы общих принципов функционирования живых организмов как целостных систем и т. д.

Л. А. Попов рассматривает философские, моральные и естественнонаучные аспекты проблемы бессмертия. Автор отмечает гуманистический характер атеистического подхода к этой волнующей и верующего и неверующего человека теме, поскольку «только признание единственной реальной земной жизни заставляет по-настоящему ценить ее, дорожить каждой невозвратимой минутой времени... лучше организовать свою жизнь, бережливее относиться к ней, точнее определить свои намерения и действия, быть справедливее и человечнее».

В последней статье сборника Е. П. Рышков рассматривает значение исследований Космоса для упрочения атеистического понимания человека в мире.

Вся многовековая история развития естествознания и атеизма свидетельствует об их постоянных и неразрывных связях. Атеизм и науки о природе — это два верных союзника, шагающих рука об руку по пути победного шествия разума, пути создания научного мировоззрения.

Пожалуй, следовало бы поместить в сборнике материал по проблеме антропогенеза, ибо появление в последнее время ряда новых научных гипотез и открытий в этой области делает актуальным их атеистическое осмысление. В целом же сборник, несомненно, представляет интерес для преподавателей вузов, пропагандистов атеизма. Следует надеяться, что он даст толчок дальнейшей разработке этой важной для атеистического воспитания проблематики.

М. СКИБИЦКИЙ,
кандидат философских наук

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 13.

«ВЗЯТЬ ПРИСТУПОМ НЕБЕСА...»

В. М. Богуславский. ЛАМЕТРИ. М., «Мысль» (серия «Мыслители прошлого»), 1977, 159 стр., 50 000 экз., 19 коп.

Выход этой книги, как и издание сочинений Ламетри (общая редакция, предисловие и примечания В. М. Богуславского. М., «Мысль», 1976), по времени совпали с 270-летием со дня рождения французского просветителя.

В работе В. М. Богуславского, по существу, впервые предпринят марксистский анализ философского и атеистического наследия Ламетри. Вскрыв несостоятельность идеалистических и позитивистских интерпретаций истории француз-

ского Просвещения, автор справедливо видит заслугу мыслителя в последовательно материалистическом решении основного вопроса философии на основе широкого использования данных естествознания XVII — начала XVIII века. «Естественная история души» Ламетри, показывается в книге, стала первым печатным произведением XVIII века, в котором предпринято естественнонаучное обоснование концепции самодвижения материи, выдвинутой в «Завещании» Мелье.

Важнейшим атрибутом материи Ламетри считал силу, приводящую ее в движение. Опираясь на ньютонианскую химическую теорию немецкого ученого Германа Бургаве, он развивал концепцию, согласно которой материальная субстанция имеет «постоянно способность к движению, даже когда не движется», то есть переносил источник движения в саму движущуюся материю. Эта идея, обобщившая достижения естествознания начала XVIII века, была развита затем в трудах Дидро, Гольбаха, Дешана, Вольнея.

В. М. Богуславский показал, что Ламетри, отбросив теистические и деистические предрассудки материализма XVI—XVII веков, завершил важный этап теоретического размежевания деизма и материализма во французском Просвещении XVIII века, итоги которого подвел Гольбах в «Системе природы».

Материалистическое понимание источника движения объективно существующей материи позволило ему предпринять плодотворную попытку отыскать некоторые закономерности образования живой материи. Он не только разрабатывает идею общей аналогии живого и неживого, флоры и фауны Земли, животного и растительного мира, но и обосновывает мысль о фундаментальном единстве материального мира. Ламетри ввел принцип целостности в материалистическую онтологию французского Просвещения, и это послужило основой для формирования диалектических идей, отражающих связь материального мира и религиозного сознания, что имело немаловажное значение для преодоления просветительского рационализма и формирования научных методов критики религии.

Знакомство с книгой В. М. Богуславского дает возможность отойти от существующей традиции, сводящей значение французского атеизма XVIII века исключительно к развитию рационалистической критики религии. Изучение наследия Ламетри показывает, что французский атеизм XVIII века представлял собой специфическое явление материалистической философии, развивавшейся на основе обобщения достижений естествознания. Ламетри, несомненно, был первым французским просветителем, давшим естественнонаучное обоснование атеизма.

С материалистических позиций он осмысливал механизм саморегуляции жизненных процессов, работу и функции головного мозга, особенности рефлекторной деятельности, анатомо-физиологические основы нервной деятельности и другие естественнонаучные и медицинские проблемы. Разрабатывая основы материалистической теории познания, Ламетри поставил задачу исследования натуралистического и социального аспектов мышления, что позволило ему раскрыть «решающее значение социальной среды для возникновения и развития мышления».

Отвергнув предположение, что вся материя мыслит, Ламетри показал, что «способность чувствовать и жизнь вообще возникают в материи лишь при определенной ее организации», а сама организация—результат исторического развития материи. Высказанные им в работе «Система Эпикура» эволюционные идеи — это, по сути, начало предыстории той революции, которую завершил в середине XIX века Ч. Дарвин.

Всесторонний анализ атеистических взглядов мыслителя приводит В. М. Богуславского к выводу, что Ламетри был первым французским просветителем, осмелившимся «в печати открыто поднять знамя атеизма и воинствующего, бескомпромиссного материализма». Атеистическое наследие Ламетри, в частности трактат «Опыт о свободе высказывания мнений», впервые в советской философии исследованный Богуславским, содержит острую критику фундаментальных положений французского деизма XVIII века. Ламетри стал первым мыслителем, провозгласившим, что «человечество не будет счастливо до тех пор, пока не станет атеистичным».

Тут хотелось бы лишь отметить, что, по нашему мнению, наибольшего результата в использовании атеистического наследия французского Просвещения можно достигнуть в том случае, если рассматривать французский атеизм XVIII века как единую систему естественнонаучного и философского опровержения религии. Поэтому в любом исследовании принципиальное значение имеет анализ общих теоретических предпосылок французского атеизма, развитых в трудах Бейля, Фрере, Мелье, де Бросса, Дидро, Гольбаха, Дешана. К сожалению, автор рецензируемой работы почти не касается этой проблемы, не ставит вопроса о связи философского материализма Мелье и Ламетри, хотя без решения его невозможно определить закономерности развития французского атеизма XVIII века.

Выход книги о Ламетри, открыто поднявшем знамя воинствующего атеизма и материализма, бесстрашно призывавшем «взять приступом небеса», борце за социальную справедливость и лучшее будущее человечества, — это серьезный вклад в разработку малоисследованной страницы истории атеизма и свободомыслия.

К. ЯМ,
кандидат философских наук

УЧИТЕЛЮ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ

В. Е. Лебедева. АТЕИСТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ. Пособие для учителя. М., «Просвещение», 1977, 80 стр., 150 000 экз., 15 коп.

Начиная шесть лет назад атеистическую работу в школе, я, как и многие учителя, сомневалась, нужна ли она детям. А теперь все больше убеждаюсь: просто необходима. Сейчас уже в младших классах ребята получают представления об атеизме. И здесь большим подспорьем учителю может стать брошюра В. Е. Лебедевой.

В пособии, и это главное, автор подробно рассказывает о том, как ведется атеистическое воспитание младших школьников, особенно на уроке. Это самый сложный для учителя вопрос. Хорошо, в частности, раскрыта тема «Явления в природе». Одновременно автор предлагает преподавателю использовать самые разнообразные формы внеклассной работы: беседы, чтение сказок, газетных и журнальных публикаций, прогулки, сборы, просмотр кино- и диафильмов, «Клуб почемучек», составление альбомов, утренники...

Не все в книге равноценно. А кое-что требует более основательных пояснений. Весьма сужены, например, объяснения о вреде религии (автор указывает лишь на классовый характер ее идей да на отрицательное воздействие религиозных обрядов на здоровье человека). Если мы рассказываем детям об атеизме, то, очевидно, следовало бы объяснить им и само понятие «атеист».

Жаль, что в этой в целом хорошей книге не даны программы атеистической работы по классам. Неплохо было бы подготовить и список дополнительной литературы для каждого класса. Наконец, учитель должен четко представлять, как взаимосвязываются учебная и внеклассная работа, а главное — нужно показать, к каким выводам должен учитель подвести школьников.

Но и в настоящем виде брошюра окажет учителю значительную помощь в организации атеистической работы.

Л. НАРЦИССОВА,
преподаватель начальных классов школы № 315 Москвы

В МЕСТНЫХ ИЗДАТЕЛЬСТВАХ

М. Калашников. МОЛОДОЕ ПОКОЛЕНИЕ И РЕЛИГИЯ. Пермское книжное изд-во, 1977, 312 стр., 4000 экз., 1 руб. 28 коп.

Книга М. Ф. Калашникова посвящена проблеме формирования научного миро-

воззрения у молодого поколения в условиях развитого социалистического общества. В трех ее главах дан анализ отношения молодежи к атеизму и религии, исследуются причины, условия и каналы воспроизводства религиозности, намечаются пути ее преодоления.

Последовательно, логично и всесторонне автор рассматривает критерии религиозности, дает типологию молодежи по ее отношению к атеизму и религии. В частности, выделены такие типологические группы: среди верующих — глубоко верующие в личного бога-спасителя, неглубоко (традиционалистски) верующие в личного бога-спасителя, верящие в сверхъестественное, колеблющиеся; среди неверующих — суеверные, индифферентные, пассивные атеисты, активные атеисты.

Следует отметить, что М. Ф. Калашников на основе изучения большого количества материалов конкретных социологических исследований разработал свою типологию отношения молодежи к атеизму и религии. И в этом его заслуга. Правда, не со всем здесь можно согласиться. Например, подразделение на верующих в личного бога-спасителя и на верующих в сверхъестественное. Для пропагандиста атеизма, которому адресована книга, это различие остается неясным. Разве бог-спаситель не относится к сверхъестественному? Или, наоборот, разве под сверхъестественным нельзя подразумевать и бога-спасителя? Среди неверующих выделены суеверные и индифферентные как самостоятельные типологические группы. Думается, что различия между ними несущественны. Индифферентность может совмещаться с суеверностью, а суеверные люди могут быть одновременно и индифферентными.

Автор выделяет пять закономерностей формирования научного мировоззрения у молодого поколения: воспроизводство религиозности — затухающий процесс; в наибольшей степени религиозному влиянию поддаются дети; религиозность постепенно преодолевается по мере обучения в школе; в подростковом возрасте основная масса верующих детей переходит на позиции атеизма; традиционалистско - догматические формы религиозности почти полностью потеряли свое влияние на молодежь.

Большое внимание в книге отводится анализу причин, условий и каналов воспроизводства религиозности. Вопрос о действии корней религии в современных условиях — центральный в атеистической науке. Без его решения трудно говорить о преодолении религиозности у молодых верующих, о формировании научного мировоззрения у всех юношей и девушек. Вопрос этот сложный, трудный, в атеистической литературе рассмотрен недостаточно. М. Ф. Калашников выделяет главные, неглавные, необходимые и случайные причины воспроизводства религиозности, анализируя особенности действия социальных и психологических ее корней. Большое внимание автор сосредоточил на анализе таких особенностей детской психологии, как незащищенность, доверчивость, подражательность, впечатлительность, внушаемость и т. д.

При анализе причин религиозности автор выступает с позиций и философа, и социолога, и педагога, и психолога, что позволяет рассмотреть их в единстве, делает исследование ценным не только в практическом, но и в теоретическом отношении.

Интересен и содержателен анализ каналов религиозного влияния на детей и подростков. Здесь автор показывает формы и методы религиозного влияния на детей и подростков в семье и со стороны религиозных организаций. К сожалению, «религиозная педагогика» показана автором недостаточно полно. А это важно, ибо защитники религии используют ее для укрепления своего влияния на детей.

М. Ф. Калашников широко освещает и процесс угасания религии в развитом социалистическом обществе, сокращения ее воспроизводства в новых поколениях, раскрывает некоторые общие проблемы научного управления этим процессом. По его мнению, наиболее эффективные средства здесь — усиление всей идеологической работы, атеистическое воспитание родителей, атеистическое просвещение учителей и воспитателей, создание стабильной системы атеистического воспитания в школах, в трудовых и учебных коллективах.

Книга М. Ф Калашникова посвящена важной и малоразработанной проблеме. Содержащийся в ней богатый фактический материал, таблицы, схемы, диаграммы и т. п. делают авторские выводы и обобщения более глубокими.

Книга, несомненно, окажет помощь всем, кто причастен к атеистическому воспитанию молодежи.

Ю. ГУРОВ,
кандидат философских наук

г. Чебоксары

А. И. Эдельман. ИУДАИЗМ: ПРОШЛОЕ БЕЗ БУДУЩЕГО. Ужгород, «Карпати», 1977, 103 стр., 25 000 экз., 15 коп.

Иудаизм давно уже переживает глубокий кризис. Исследователи отмечают, что подавляющее большинство евреев в СССР оставили «закон Моисея». Так, в Российской Федерации и на Украине верующие среди лиц еврейской национальности составляют 3—6 процентов, в республиках Прибалтики — 5—9 процентов, на Северном Кавказе и в Средней Азии — около 12 процентов. В подавляющем большинстве это люди преклонного возраста.

Пытаясь приостановить этот необратимый процесс, пишет автор, богословы и националистически настроенные буржуазные историки окружили иудаизм ореолом святости, мистической «тайны». Они утверждают, будто «еврейский народ исполнил свое особое религиозно - историческое призвание: он явился хранителем сверхъестественной религии». Апологеты иудаизма затушевывают реакционный характер его догм и выдают их за «антологию вечных истин религии и национализма».

Значительное внимание в книге уделено попыткам приспособить иудаизм к современности, в частности так называемому реконструктивистскому течению иудейской теологии, которое стремится примирить ортодоксальное и реформированное направления, возродить элементы средневекового культа, проповедует сионизм.

В книге детально рассматривается связь иудаистского догмата об «избранном богом народе» с идеологией сионизма. Сионисты особенно настаивают на обособлении евреев, их отделении от других народов.

Книга знакомит читателя с положением иудаизма и в Израиле. «Раввины будут столпами моей организации», — провозгласил еще основоположник политического сионизма Герцль. И действительно, в Израиле ныне отмечается засилье иудейского клерикализма, обскурантизма, что является результатом реакционной политики сионизма, широко использующего религию в своих расистско-экспансионистских целях.

Ныне в этом клерикально-расистском государстве около шести тысяч синагог, 185 ешиботов (семинарий) и множество хедеров (иудаистских начальных школ). Преподавание религии обязательно на всех ступенях израильской системы образования. Для обработки молодежи издается обширная сионистско-религиозная литература, пытающаяся оправдать ссылкой на ветхозаветные легенды политику агрессии и геноцида. Офицеры израильской армии на захваченных у арабов землях проводят с солдатами занятия по Ветхому завету, дабы оправдать их оккупацию.

Как реакция на засилье клерикализма в Израиле там возникли организации, выступающие против диктата раввинов, — «Лига защиты от религиозного принуждения», «Движение за гражданские права» и другие. Наиболее последовательно и настойчиво за демократизацию общественной жизни Израиля выступают коммунисты.

В СССР, как и в других странах социализма, отмечает автор, большинство верующих отрицают идеологию и политику сионизма не только из патриотических, но и из религиозных побуждений. Однако только принципиальная марксистско-ленинская научная критика способна действительно разоблачить ложность и несостоятельность теории и практики сионизма, широко использующего иудаизм в своих целях.

Рецензируемая книга содержит богатый фактический материал, в том числе из жизни Закарпатья. Она не только представляет собой хорошее подспорье для пропагандиста, но и с интересом воспринята массовым читателем.

П. ПЕТЛЯКОВ,
кандидат исторических наук

г. Львов

Ю. Ю. Сурхаско. КАРЕЛЬСКАЯ СВАДЕБНАЯ ОБРЯДНОСТЬ (КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX В.). Л., «Наука», 1977, 237 стр., 1950 экз., 2 руб.

«Свадебные обряды — это различные сцены одной пьесы, в которой чередуются пение, танцы, увеселение и жалобы, пиршество и насилие; пьесы, сочиненной и представленной народами всей земли. Тема всюду одинаковая, только эпизоды различны». Эти слова Поля Лафарга стали эпиграфом к книге, подробно описывающей свадебный ритуал карел. Автор не только реконструирует, но и изучает обряд на фоне этнической, социально-экономической и культурной истории народа.

Рассказ о традиционной карельской свадьбе автор начинает с описания обычаев и обрядов, бытовавших еще до появления моногамной семьи. И делает заключение, что сам характер карельских игрищ позволяет говорить о них как об изначальной фазе свадебного ритуала.

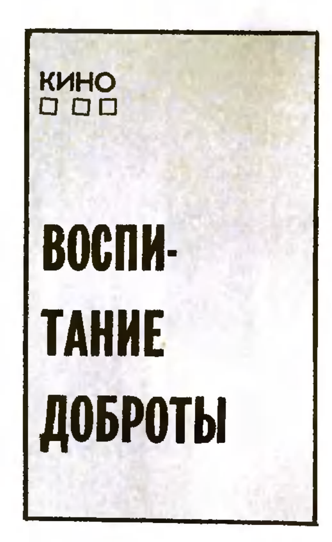
Начало свадьбы — сватовство. О нем рассказано в книге очень подробно. В связи с поисками современных форм предварительного этапа обряда бракосочетания — помолвки — особый интерес представляют сведения о предсвадебных обычаях.

Характерная особенность карельского свадебного ритуала — богатство вариантов. С точки зрения современной обрядности, несомненное значение имеет наблюдение Ю. Ю. Сурхаско об импровизационном характере свадебного представления. Даже в одной и той же карельской деревне фактически не было одинаковых свадеб. Каждая отличалась своими, только ей присущими особенностями. Это касалось исполнения обрядов, сочетания его элементов и т. д. Думается, что исконный народный опыт дает нам немалую пищу для размышлений. Ведь даже в старых обрядах, исполнение которых было регламентировано множеством религиозных и ритуальных предписаний, обязательно присутствовал момент импровизации, что всегда делало праздник непринужденным, а следовательно, жизненным.

Новые социально-культурные условия жизни карельской деревни отразились в современном свадебном обряде. Здесь автор выделяет главную тенденцию — все большее сближение карельского свадебного ритуала с севернорусской свадьбой. Обращает он внимание и на то, что в Карелии, благодаря постоянно возрастающим контактам между людьми разных национальностей, с каждым годом растет число смешанных браков.

Автор использовал разнообразные источники: литературные и устные, а также материалы, собранные во время многолетних этнографических экспедиций. И это также делает книгу настоящим кладезем духовных сокровищ карельского народа, которые могут быть использованы и при создании современного свадебного ритуала.

Л. ТУЛЬЦЕВА,
кандидат исторических наук

Начало фильма: снятые сверху бесконечные потоки автомашин, ползущие по серым лентам автострад, суетливые толпы людей, спешащих по своим делам, и контрастом к этому тихие переулки Ленинграда и идущий по ним мальчик. Остановившись, он долго смотрит на отражающиеся в воде канала небо, деревья, здания... Конец фильма: те же потоки автомашин — и стремительно скачущие по степи кони. Они свободны, лишены уныния механического движения, они — живое, природа, которую человек должен сохранять. Но трактовать эти образы фильма как зов от цивилизации, от нашего технически оснащенного мира назад, к природе, к первобытным временам, было бы неверно. Это всего лишь приглашение отвлечься хоть на короткое время от повседневной суеты (речь идет, разумеется, не о труде, а именно о бесплодной суете), не дать увлечь себя «хищным вещам века», но всмотреться более внимательно в себя, в мир природы, в бескорыстный мир подлинно человеческих отношений — именно здесь чистый родник духовности человека. Трудно определить, какой персонаж или какой образ — ведущий в фильме «Самый красивый конь»*: мечтательный ли мальчик, или суровый на первый взгляд, но справедливый и любящий своих питомцев тренер конноспортивной школы, или, может быть, прекрасное животное, в течение тысячелетий бывшее истинным другом и помощником человека,— конь, или город Ленинград, изумительное творение рук человеческих с его вычерченными площадями, старыми домами, узкими каналами, причудливыми узорами решеток... Во всех этих образах выражена главная идея создателей фильма — воспеть доброе начало в человеке, утвердить его благотворную связь с миром живой природы, который не безразличен к человеку, а оказывает глубокое влияние на его нравственное становление и нравственное совершенствование. И «самый красивый конь» красив именно потому, что его «душевные» качества находят отклик в душе мальчика. Добрый конь и добрый мальчик нашли друг друга. Но эта дружба человека с природой, утверждают создатели фильма, существует лишь при бережном и любовном отношении человека к ней. И в фильме глупый и жестокий «кандидат в мастера» не может справиться с «красивым конем», потому что конь чувствует в нем своего недруга. Мир, показанный в фильме, — это светлый мир природы, развивающейся по своим, естественным законам, где человеку принадлежит активное, творческое начало. Гармония с природой, согласие человека с самим собою, с нравственными законами требует от человека не упования на мистические прозрения и сверхъестественные свершения, а постоянного творческого труда и ответственности перед памятью прошлых и преемственностью будущих поколений.

В фильме есть прекрасные кадры, где мы видим Ленинград, это диво, построенное разумным и деятельным человеком. И мы видим прекрасные скульптуры с конями, стоящие на Аничковом мосту, колесницу Славы на арке Главного штаба, знаменитого Медного всадника на Площади декабристов, колесницу Славы на Нарвских воротах... И эти кадры тоже не случайны. В них запечатлено все то знание и восхищение человека природой, наследниками которых являемся мы. И возникает мысль о живой связи поколений, о бессмертии человеческих дел, о бессмертии искусства.

Хочется отметить еще одно достоинство фильма: он способствует воспитанию в детях и подростках упорства в достижении цели, сознания необходимости усилий, труда — для того, чтобы развить в себе истинно человеческие качества. В фильме рассказана история превращения чувствительного, сентиментального мальчика, недостаточно уверенного в себе, в сильного, по-настоящему доброго человека, который сможет, если нужно, защитить не только себя, но и других от любого зла. Зло воплощено здесь не только в облике человека, причиняющего коню физическую боль, но и в облике красивой девочки, знаменитой фигуристки, в характере которой уже сформировались, к сожалению, сознание собственной исключительности, пренебрежение к другим. И как расплата за эти качества — утрата контакта с другими людьми, обречение себя на духовное истощение.

Осуждение такого типа отношения к окружающему в фильме ненавязчиво, но постоянно сопровождает каждое действие, каждую реплику девочки. И, думается, зритель почувствует авторскую неприязнь к такому отношению к миру. Искренность, доброта, стремление понять окружающих, помочь им, будь то люди или наши «меньшие братья», — вот какой идеал утверждают авторы этого хорошего, полезного фильма.

З. ТАЖУРИЗИНА,
кандидат философских наук

* Мосфильм, 1977 г. Сценарист В. Наумов. Режиссер-постановщик С. Пугинян. Оператор С. Филиппов.

Новинки литературы

А. Н. Бойко. ПРОБЛЕМА БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО В ФИЛОСОФИИ И КОНКРЕТНЫХ НАУКАХ. Киев, «Вища школа», 1978, 135 стр., 2 000 экз., 1 руб. 20 коп.

М. Бур и Г. Иррлиц. ПРИТЯЗАНИЕ РАЗУМА. М., «Прогресс», 1978, 327 стр., 17 500 экз., 1 руб. 30 коп.

Н. С. Гордиенко и П. К. Курочкин. ОСОБЕННОСТИ МОДЕРНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ПРАВОСЛАВИЯ. М., «Знание» (серия «Научный атеизм», № 3), 1978, 64 стр., 52 100 экз., 11 коп.

В. Д. Кобецкий. СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОСТИ И АТЕИЗМА. Изд-во Ленингр. ун-та, 1978, 118 стр., 4595 экз., 62 коп.

В. В. Коник. «ИСТИНЫ» СВИДЕТЕЛЕЙ ИЕГОВЫ. М., Политиздат, 1978, 111 стр., 100 000 экз., 20 коп.

В. Б. Короткевич. ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ. Минск, «Наука и техника», 1978, 80 стр. с илл., 5000 экз., 20 коп.

В. Кривцов. ОТЕЦ ИАКИНФ. Роман. Лениздат, 1978, 654 стр., 100 000 экз., 2 руб. 50 коп.

Я. Н. Любарский. МИХАИЛ ПСЕЛЛ. ЛИЧНОСТЬ И ТВОРЧЕСТВО. М., «Наука», 1978, 283 стр., 5000 экз., 1 руб. 40 коп.

А. А. Медынцева. ДРЕВНЕРУССКИЕ НАДПИСИ НОВГОРОДСКОГО СОФИЙСКОГО СОБОРА. XI—XIV вв. М., «Наука», 1978, 311 стр. с илл., 9600 экз., 1 руб. 60 коп.

«МИФЫ, ПРЕДАНИЯ И ЛЕГЕНДЫ ОСТРОВА ПАСХИ». М., «Наука», 1978, 382 стр., 10 000 экз., 2 руб. 30 коп.

«НОВЫЕ ПРАЗДНИКИ И ОБРЯДЫ — В ЖИЗНЬ». Сборник. Вып. 1. М., «Знание», 1978, 56 стр., 25 000 экз., 10 коп.

«РУССКИЙ НАРОДНЫЙ СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД». Л., «Наука», 1978, 280 стр., 10 500 экз., 1 руб. 40 коп.

В. И. Савицкая. ВИТСТВОШ. М., «Изобразит. искусство», 1977, 63 стр. с илл., 30 000 экз., 60 коп.

Г. А. Суглобов. НИКОЛИН ДЕНЬ. 3-е изд. М., Политиздат, 1978, 79 стр., 100 000 экз., 10 коп.

В. Е. Титов. ТРОИЦА. 3-е изд. М., Политиздат, 1978, 84 стр., 100 000 экз., 10 коп.

Д. П. Цыганаш. АТЕИСТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ. Кишинев, «Штиинца», 1978, 118 стр., 2505 экз., 1 руб. 10 коп.

«ЧЕЛОВЕК И ЕГО БЫТИЕ КАК ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ». М., «Наука», 1978, 279 стр., 9100 экз., 1 руб. 40 коп.

«ЧЕЛОВЕК И МИР ЧЕЛОВЕКА». Киев, «Наукова думка», 1977, 342 стр., 2750 экз., 2 руб. 30 коп.

СТАТЬИ В ЖУРНАЛАХ И СБОРНИКАХ, РАЗДЕЛЫ В КНИГАХ

В. Амбарцумян. Философские проблемы астрономии XX века. «Слово лектора», 1978, № 2, стр. 45—49.

Ю. Н. Бакаев. Ленинский декрет о свободе совести и его осуществление в Сибири. «Известия Сиб. отделения АН СССР». Новосибирск, 1977, № 11, вып. 3, стр. 39—45.

Ф. С. Башанги. Ислам и «святость» семьи в аспекте современной идеологической борьбы. «Ученые записки Азерб. ун-та. Серия истор. и филос. наук». Баку, 1977, № 1, стр. 64—69.

Е. Георгиев. Второе тысячелетие Кирилла и Мефодия. «Техника — молодежи», 1978, № 3, стр. 8—9.

И. Григулевич. Quo vadis, Ватикан? «Новое время», 1978, № 14, стр. 27—30.

С. Дончев. Откуда скачешь, гордый конь? стр. 58—61; **Ж. Аладжов.** Небесный всадник, кто он? стр. 61. «Техника — молодежи», 1978, № 3.

Дм. Еремеев. Турчанка и традиции. «Азия и Африка сегодня», 1978, № 3 и 4, стр. 59—61; 54—55.

М. Кокаровский. Праздник красного цветка. «Азия и Африка сегодня», 1978, № 3, стр. 57—58.

В. Кувакин, В. Спиров. Социально-исторические функции русской религиозной философии (конец XIX в. — 1-я четверть XX в.). В кн.: «Актуальные проблемы истории философии народов СССР». Вып. 4. М., 1977, стр. 117—132.

А. Г. Налетов. Государство и монастыри во второй половине XVII — 1-й четверти XVIII вв. (по материалам московского Донского монастыря). «Вестник Моск. ун-та. История», 1977, № 4, стр. 53—62.

А. Нуруллаев. Разговор с читателем (ответ Д. Суджоно из Индонезии о положении мусульман в СССР). «Новое время», 1977, № 12, стр. 30—31.

В. С Овчинников. Некоторые особенности атеистического воспитания малых народов Сибири. «Научные труды Тюмен. ун-та», 1977, сб. 30, стр. 60—74.

Еремей Парнов. Связь времен. «Новое время», 1978, № 12, стр. 27—30.

«Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока». М., 1977. Из содержания: **В. Н. Горегляд.** Трансформация буддизма под влиянием местной культурной традиции в Японии 9—13 вв., стр. 59—63; **В. И. Рудой.** Из истории Абхидхармы, стр. 84—89.

Ю. И. Рустамов, Г. И. Мустафаев. Об исламском антикоммунизме в Турции. «Ученые записки Азерб. ун-та. Серия ист. и филос. наук», Баку, 1977, № 3, стр. 54—59.

Р. С. Рцхиладзе. Некоторые вопросы религиозных верований вавилонян. В кн.: «Кавказско-ближневосточный сборник». Вып. 5. «Вопросы древней истории». Тбилиси, 1977, стр. 46—62.

И. Д. Серебряков. Рецензия на кн.: Н. Р. Гусева. Индуизм. История формирования, культовая практика. «Народы Азии и Африки», 1977, № 6, стр. 219—222.

Л. М. Спирина. Рукописный источник об основании церкви в честь Деулинского перемирия. В кн.: «Археографический ежегодник за 1976». М., 1977, стр. 197—200.

«1000 лет арабской культуры». «Курьер ЮНЕСКО», 1978, № 1, стр. 3—55.

«Уроки Чили». М., 1977. Из содержания: **Н. Поташинская.** Народное единство и католическая церковь, стр. 169—190; **И. Зорина.** Революция и христианско-демократическая партия, стр. 191—204.

«Формирование научного мировоззрения». Чебоксары, 1977, вып. 3. Из содержания: **Ю. С. Гуров.** Мировоззрение и мировоззренческий индифферентизм. Некоторые методологические проблемы формирования научно-атеистического мировоззрения молодежи, стр. 52—70; **Г. Е. Кудряшов.** Управление процессом научно-атеистического воспитания, стр. 71—80; **Т. Г. Гурова.** Развитие общественной активности — важное средство формирования научно-атеистического мировоззрения школьников, стр. 80—90; **Л. Ю. Браславский.** Несовместимость коммунистической морали с нравственными поучениями евангельских христиан-баптистов, стр. 91—96; **Р. С. Кириллов.** Вопросы критики религиозного мировоззрения в чувашской художественной литературе 20—30-х годов, стр. 97—101.

И. И. Шагина. К вопросу о пережитках древних верований в быту русских крестьян XIX в. В кн.: «Этнография народов Восточной Европы». Л., 1977, стр. 118—124.

АВТОРЫ ЭТОГО НОМЕРА

ДЕМЧЕНКО Адольф Андреевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы Саратовского государственного университета. Автор ряда работ, посвященных жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского. В нашем журнале выступает впервые.

ВАСЕЦКИЙ Григорий Степанович — доктор философских наук, заслуженный деятель науки РСФСР, профессор-консультант философского факультета МГУ. Опубликовал около 200 печатных работ, посвященных истории передовой отечественной философской мысли, истории марксистско-ленинской философии, критике современного философского ревизионизма. Автор книг «Развитие В. И. Лениным марксистской философии в борьбе с ревизионизмом» (1907—1913)», «Мировоззрение М. В. Ломоносова» и др. В нашем журнале публикуется впервые.

ПЛЕХОВ Валентин Иванович — кандидат философских наук, доцент Орехово-Зуевского педагогического института. Автор ряда статей, посвященных истории общественной и философской мысли в России. В нашем журнале выступает впервые.

ВОДОЛАЗОВ Григорий Григорьевич — заместитель заведующего кафедрой философии гуманитарных факультетов МГУ, автор книг «От Чернышевского к Плеханову» (1969 г.), «Диалектика и революция» (1975 г.); печатается в журналах «Новый мир», «Вопросы философии», «Мировая экономика и международные отношения», «Наука и жизнь», «Молодой коммунист» и др. В нашем журнале публикуется впервые.

ВОЛОДИН Александр Иванович — доктор философских наук, профессор, преподаватель кафедры марксистско-ленинской философии Академии общественных наук при ЦК КПСС. Автор книг «В поисках революционной теории» (1962 г.), «Начало социалистической мысли в России» (1966 г.), «Герцен» (1970 г.), «Гегель и русская социалистическая мысль XIX века» (1973 г.), «Утопия и история» (1976 г.) и др. В журнале «Наука и религия» печатается с 1970 года.

ШЛАЙФЕР Наум Ефимович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии Днепропетровского горного института имени Артема. Специализируется в области американской философии. Автор ряда статей на эту тему. В нашем журнале публикуется впервые.

Сдано в набор 12. 04. 78.
Подписано к печати 30.05.78.
А 05281
Формат издания 80×90/8.

Глубокая печать.
Условных печатных листов — 10
Учетно-издательских листов 14,1
Тираж 441000 экз.
Зак. 01953.

Адрес редакции:
109004, Москва,
Ульяновская, 43, корп. 4.
Телефоны:
297-02-51, 297-10-89.

Ордена Ленина
комбинат печати
издательства
«Радянська Україна»
г. Киев, Брест-Литовский
проспект, 94

Широко раскинулось по земле пшеничное поле человечества. Диким, обедненным взял его человек у природы, возвратил же обильной, многополосной нивой. Суровы и трудны будни земледельцев. Недаром среди первых заповедей, вложенных людьми в уста бога, упоминается хлеб: «...в поте лица твоего будешь есть хлеб...» Однако опыт общения человека с землей вышел за границы этого сурового наказа, поднялся выше забот одного дня, выше хлеба насущного. Творческая его натура проявилась и в создании новых сортов пшеницы, не известных природе, в планировании и получении у зерновых культур новых ценных свойств. По нескольку урожаев в год позволяет выращивать фитотрон — искусственная установка, воссоздающая по желанию человека различные варианты природных условий. Точное знание, эксперимент, широкий поиск с применением средств исследований, рожденных научно-технической революцией, — таков сегодня труд преобразователей земли.

О работе советского академика В. Н. РЕМЕСЛО, создателя новых сортов пшеницы, читайте статью Н. Крюковой «Хлеб наш насущный».

Цена 30 коп.
70602